

Страницы истории: события и судьбы

материалы

межрегиональной научно-практической конференции,
посвященной 85-летию Усть-Ордынского Бурятского округа

Иркутск, 5 сентября 2022 г.

Страницы истории: события и судьбы

материалы

**межрегиональной научно-практической конференции,
посвященной 85-летию Усть-Ордынского Бурятского округа**

Иркутск, 5 сентября 2022 г.

УДК 94+908+39+81+82+7(512.31)

ББК 94.3

С83

Научный рецензент

Дамешек Лев Михайлович, доктор ист. наук, профессор,
зав. кафедрой истории России Иркутского государственного
университета, заслуженный деятель науки РФ

С 83. Страницы истории: события и судьбы : материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Усть-Ордынского Бурятского округа. Иркутск, 5 сентября 2022 г. / ред. С. В. Мельникова ; отв. за вып. Н.А. Спиридонова ; Администрация Усть-Ордынского Бурятского округа ; Усть-Ордынская Национальная б-ка им. М.Н. Хангалова. Иркутск, 2023. – 168 с. : ил.

В сборнике представлены материалы межрегиональной научно-практической конференции, организованной администрацией Усть-Ордынского Бурятского округа и Усть-Ордынской Национальной библиотекой им. М. Н. Хангалова при партнерской поддержке Иркутского государственного университета и посвященной 85-летию со дня образования Усть-Ордынского Бурятского округа в составе Иркутской области. В сборник вошли научные доклады по этнографии, генеалогии, истории, языку, литературе и искусству предбайкальских бурят, а также описания актуальных краеведческих и педагогических практик в данной области. Сборник адресован специалистам – историкам, этнографам, краеведам, педагогам и всем, кто интересуется национальной бурятской культурой и историей Усть-Ордынского Бурятского округа.

УДК 353(470)(091)

Дамешек Л.М.*

Иркутский государственный университет

Россия и исторические судьбы народов Сибири XVIII – начала XX вв.: концепты, закон и практика

Аннотация. Рассматриваются особенности формирования бурятского этноса и на этой основе анализируется политика империи в национальных районах, отмечается появление новых теоретических конструкций империи, связанных с осмыслением идеи «единой и неделимой России» и теорией «внутреннего империализма», появление русских анклавов, своего рода островков среди обширного азиатского мира, что неизбежно повлекло возникновение теорий «мирного завоевания», «оживления» окраин, «водворения русской гражданственности», а в конечном итоге, идеи обрусения народов. Анализируются проекты центральной и местной администрации на этот счет, концептуальные предложения и конкретные решения.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, история Бурятии, национальные окраины, имперская политика, концепты, закон, практика.

Dameshek L.M.

Irkutsk State University

Russia and the Historical Fate of the Peoples of the 18th – early 20th Centuries: Concepts, Law and Practice

Abstract. The features of Buryat ethnos formation are studied; on this basis the imperial policy in national areas is analyzed, new theoretical constructions of empire connected with comprehension of idea of “united and indivisible Russia” and the theory of “internal imperialism”, emergence of Russian enclaves, some kind of islands among the vast Asian world, which inevitably led to theories of “peaceful conquest”, “revival” of outskirts, “introduction of Russian citizenship” and, finally, to the idea of Russification of peoples are noted. The projects of the central and local administrations in this respect, conceptual proposals and concrete solutions are analysed.

Keywords: Russia, Siberia, history of Buryatia, national margins, imperial policy, concepts, law, practice.

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Процесс освоения Сибири, начавшийся в XVII в., сопровождался колоссальными усилиями русского народа

* Дамешек Лев Михайлович, доктор ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории России Иркутского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. E-mail: levdameshkek@gmail.com

и имел длительную историческую перспективу. Для народов Сибири, среди которых на первом месте по численности были буряты, процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты: полиэтничность, региональные, в том числе внешнеполитические особенности, личностный фактор, взаимодействие культур, формирование единого социокультурного пространства. Большое влияние на формирование бурятского этноса оказало чрезвычайно выгодное геополитическое положение – соседство с древнейшими культурами центральной Азии – Монголией и Китаем, пересечение миграционных потоков и торговых путей и, как следствие, знакомство с буддизмом, который оказал несомненно значительное влияние на формирование не только религиозных представлений, но и многих иных сторон жизни бурятского общества. Хронологически это явление совпало с началом распространения православия среди бурят, знакомством их с русской письменностью. Влияние этих двух мировых религий легко прослеживается и на примере современного бурятского общества.

Освоение Сибири, ее земледельческая колонизация и инкорпорация в состав России на всех этапах сопровождалась ее изучением, а сам процесс познания, поднимаясь от примитивных «отписок» и «сказок» первопроходцев, на каждом этапе имел свои особенности, пока не принял современный вид. Характерной особенностью этого явления стало появление разнообразных проблем, диктуемых условиями времени. Одной из наиболее значимых на всех этапах освоения и инкорпорации Сибири в состав России стало осмысление судеб народов Сибири в составе России.

Важнейшей особенностью исторического развития России был фактор ее «огромности». Общая площадь Российской империи, в результате территориальной экспансии раскинувшейся на территории двух материков, Европы и Азии, увеличилась с 14,1 в 1649 г. до 21,8 млн. кв. км к началу Первой мировой войны, т.е. в 1,55 раза. Романовская империя по площади стала крупнейшим государством мира, все европейские страны по этому показателю существенно отставали от России. За это же время численность населения возросла с 6,7 до 178, 4 млн человек. Весь период истории империи характеризуется возрастанием удельного веса населения России в мире. Если к середине XVIII в. доля населения России в Европе составляла примерно 18%, то к началу XIX в. она возросла до 22, к середине XIX в. до 27, к началу XX в. до 32 %. Россия стала самым населенным государством Европы. Каждый третий житель Европы был подданным российского монарха.

Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало

около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, в котором различные народы и культуры научились жить вместе. На первом месте по численности находились русские, составляющие в 1915 г. примерно 44,6%, далее следовали украинцы – 18,1%, затем поляки – 4,2%, евреи и белорусы – 4 %. Как видим, в отличие от середины XVII в., когда русские составляли 95% населения государства, в романовской империи к началу XX в. титульная нация оказалась в меньшинстве. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Национальный вопрос был отнюдь не простым для российского правительства. Россию периодически сотрясали мощные национальные конфликты. С учётом того обстоятельства, что нерусское население в большинстве своем проживало на инкорпорированных в XVIII и XIX вв. окраинных и сопредельных с иностранными государствами территориях империи, окраинная политика становилась важным фактором политической стабильности российского государства.

Здесь следует отметить, что Россия со времени своего возникновения была страной многонациональной. Уже в Древней Руси славянские племена, проживавшие в районе Новгорода, были тесно связаны с племенами неславянского происхождения, такими как чудь, карела, меря, весь... Именно с ними славяне и «ходили» за море, «к варягам, к Руси», приглашать Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора на княжение. Дальнейшее развитие российской государственности, эволюция сословно-представительной монархии в империю происходили на протяжении длительного времени и не были результатом случайных процессов. Одним из наиболее характерных явлений этого периода стал процесс «собираания земель», а его важнейшей формой – внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства.

Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для русского государства. Этот процесс можно наблюдать на примере многих цивилизаций Европы и США. В большинстве случаев типология данных явлений вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов – от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество, или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на

примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансии как насильственного присоединения земель от мирной колонизации как, прежде всего, земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства.

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом колонизационном движении присутствовали и экономические мотивы. В то же время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции.

Это было одним из проявлений взаимосвязей между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории. В качестве рубежа (одного из этапов) этого процесса следует выделить период середины XV–XVI вв. – время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация представляла собой исходный пункт для возникновения Российской империи [20, с. 94–115]. Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. С Казанским ханством Московское государство впервые включило в свой состав вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Именно опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию имел ключевое значение для имперской политики после 1552 г. Не случайно взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России [21, с. 138]. Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось правление Петра Великого. Именно Петр построил империю. Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обязанностью монарха, не нуждающейся, таким образом, в каких-либо оправданиях. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши и подчинила себе целый ряд территорий и народов, стоявших значительно выше ее по уровню экономического и политического развития.

Между тем изменение политической и административной карты выступало только внешним признаком динамического развития слагающегося государства. За изменениями на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлась мощ-

ным стабилизирующим фактором для Российской империи. В течение всего рассматриваемого периода задача, стоявшая перед правительством, отнюдь не ограничивалась рамками административного устройства новых территорий. Параллельно с имперским административным строительством, на окраинах шел процесс вербального освоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах [25, с. 18].

Таким образом, к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство, располагающееся на двух континентах – Европе и Азии. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов как внутренних, так и окраинных. При этом следует отметить то обстоятельство, что процесс включения регионов в имперское пространство имел неоднородную типологию. Процесс «оцентрирования границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Еще раз подчеркнем, что к 1917 г. большую часть населения империи составляли нерусские народы, проживающие преимущественно на окраинах государства. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «инородческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии было просто несопоставимо.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Польша, Финляндия, Кавказ, Сибирь наблюдалось стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формиро-

вания местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т.д. [РГИА. Ф.1281. Оп.11. Д.45. Л.282.; ГАИО. Ф.7. Оп 1. Д.24]. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменного законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов [8, с. 68–77]. Предпринимались даже попытки их кодификации [9, с. 221–223].

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний. Сибирские инородцы, к примеру, освобождались от отбывания воинской повинности [8, с. 68–77; 5, с. 79–88]. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла [6, с. 51–58]. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России, по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи закрепления Сибири за Российским государством, московские, а в последствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на Восток не было исключительно русским явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. В России этот процесс сопровождался распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, но тем не менее, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же складывающаяся рыночная экономика молодого государства, наоборот, поглощала индейские племена.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности территории. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими, к примеру, были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре [12; 13, с. 85–100] и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов, как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия, и точного исполнения законов и распоряжений правительства» [11, с. 10–22; 14, с. 10–24]. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов.

Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления была тем шире, чем дальше находились от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири, начиная со времени Н. Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского), обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги [10, с. 21–25]. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и

истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля [26].

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерченский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах стали действовать специальные переселенческие отделы. Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т.п. На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи.

В конце XIX в. в связи усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработке единого законодательства, исключающего какие-либо местные особенности. Не случайно, именно в это время появляется такое понятие как Азиатская Россия. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал.

Понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Процесс содержательного насыщения понятий «центр, «периферия», «окраина» неразрывно связан с периодом формирования единого российского государства второй половины XV – начала XVI вв., когда под окраиной стали пониматься земли, не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении. При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов – доходности края – применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.

Первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединённых территориях стало сохранение существующего порядка землепользования, верований и культуры в целом. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной самой центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности – уплаты ясака пушниной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли. В XVII в. для московских Романовых Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами [16]. Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболь был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие – с одной стороны. С другой, интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на Востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. Однако в XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало

массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь [19, с. 118].

Здесь необходимо отметить, что распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только их экономическую, но и социокультурную инкорпорацию в состав империи, а, в итоге, превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Следующим важным принципом окраинной политики стало широкое сотрудничество имперской администрации с местными элитами. Эта тенденция отчетливо прослеживается не только на примере анализа соответствующих разделов «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского 1822 г, но и на материалах польской конституции 1815 г, в политике на Кавказе, выразившейся в приравнивании грузинского дворянства к русскому, на левобережной Украине.

Эпоха контрреформ¹ начала 1880-х гг. охарактеризовалась изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике известного американского русиста Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации [22, с. 225]. Одним из направлений внутриполитической деятельности российского правительства в период конца XIX – начала XX вв. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле [18, с. 133]. В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации. Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоговорящими. В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе

¹ Автор вполне сознает условность этого понятия и разделяют точку зрения, высказанную в новейших исторических исследованиях [23, с. 185–186].

имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

Литература

1. *Артемов А. Р.* Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVIII – 1860 г.) // *Русская Америка и Дальний Восток. Конец XVIII – 1867 г.* Владивосток 2001. 337 с.
2. *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. 346 с.
3. *Дамешек И.Л.* Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX – начало XX вв.). Иркутск, 2005. 264 с.
4. *Дамешек И.Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2002. 207 с.
5. *Дамешек Л.М.* Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы первой мировой войны // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2014. Т. 7. С. 79–87.
6. *Дамешек Л.М.* Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История.* 2015. Т. 11. С. 51–57.
7. *Дамешек Л.М.* Первая мировая война и сибирские «инородцы» // *Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии: материалы междунар. науч. конференции, посвященной 75-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол : в 2-х ч.* Чита, 2014. С. 117–123.
8. *Дамешек Л.М.* Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему империи в XVIII в. (к 280-летию со дня издания инструкции пограничным дозорщикам С.Л. Владиславича-Рагузинского и 250-летия именного указа Сенату «Об отправлении капитана Щербачева в Сибирь...») // *Вестник Бурятского научного центра СО РАН.* №2 (10). 2013. С. 68–77.
9. *Дамешек Л.М.* Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.) // *Дамешек Л.М. Избранное.* Т. 1. Иркутск: Оттиск, 2018. С. 211–223.
10. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2019. № 61. С. 21–25.
11. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Институт генерал-губернаторов Азиатской России: люди и структура // *Вестник Бурятского научного центра.* 2019. № 1(13). С. 10–22.

12. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Особые комитеты как органы управления окраинами империи XIX – начала XX вв. GmbH., Germany: Palmarium Akademik Publ, 2012. 441 с.
13. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Особые комитеты как органы управления окраинами империи XVIII – первой половине XX вв. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. № 3(15). 2014. С. 85–100.
14. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России в свете одного юбилея (К 210-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019 №3 (35). С. 10–24
15. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Перцева Т. А.* Сибирские реформы М. М. Сперанского 1822 г.: опыт административного регулирования интересов центра и региона. Иркутск, 2017. 341 с.
16. *Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX веков. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.
17. *Друнин В. П.* Польша. Россия и СССР : Исторические очерки. М. ; Л., 1928. 219 с.
18. *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С.130–142.
19. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа. М.: Прогресс., 1995. 542 с.
20. *Каппелер Андреас.* Формирование Российской империи в XV – начале XVIII вв.: Наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое изд-во, 2004. С. 94–115.
21. *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи (XVIII – начало XX века). М, 2001. 358 с.
22. *Раев М.* Понять дореволюционную Россию (Государство и общество в Российской империи). Лондон, 1990. 314 с.
23. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. М.: РОС-СПЭН, 2016. Т. 3: Вторая половина XIX – начало XX в. 765 с.
24. *Саломон А.П.* Ссылка в Сибирь : Очерк ее истории и современного положения. Для Комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. СПб.: Тип. С.-Петербур. тюрьмы, 1900. 342 с.
25. Сибирь в составе Российской империи. М.: НЛО, 2007. 368 с.
26. *Сигов В.И.* Корпоративная этика чиновничества Восточной Сибири в царствование императора Николая I. Автореф... дис. канд. ист. наук. Иркутск. 2001. 23 с.

Перспективы сохранения этнокультурной самобытности бурятского народа в XXI веке в условиях трансформации Российского общества и глобальных интеграционных процессов в мире

Аннотация. В статье рассматриваются сценарии этнокультурного развития бурятского народа в XXI в.: негативный, в условиях социально-экономического кризиса и неопределенности будущего страны, позитивный в условиях политической стабильности и экономического роста, и третий, в условиях современной России. Оцениваются перспективы обеспечения нормального развития бурятского этноса и даются рекомендации для его достижения.

Ключевые слова: Бурятский народ, бурятский этнос, этнокультурное развитие, бурятский язык, аккультурация, ассимиляция, федеративные отношения, Российская Федерация, национальная и языковая политика.

Elaev A.A.

Buryat State University
named after Dorzhi Banzarov

Prospects for Preserving the Ethno-Cultural Identity of the Buryat People in the 21st Century in the Context of the Transformation of Russian Society and Global Integration Processes in the World

Abstract. The article describes scenarios for ethnocultural development of the Buryat people in the 21st century: negative, in conditions of socio-economic crisis and uncertainty of the country's future; positive, in conditions of political stability and economic growth; and third, in conditions of contemporary Russia. The prospects for ensuring normal development of the Buryat ethnos are assessed, and recommendations for its achievement are given.

Keywords: Buryat people, Buryat ethnos, ethno-cultural development, Buryat language, acculturation, assimilation, federal relations, Russian Federation, national and language policy.

Перспективы развития бурятского этноса в XXI в. зависят во многом от условий его существования и влияния различных факторов окружающей среды. Бурятский этнос, несмотря на ограниченную численность, географически, как и подобает исторически кочевникам, расселен на большой территории, но его этническое ядро обитает в ареале Республики Бурятия (который условно можно рассматривать как этноцентр). Другая часть бурят

* Елаев Александр Афанасьевич, доктор ист. наук, директор Центра сохранения и развития бурятского языка Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова. E-mail: alexelaev@mail.ru

(периферия) расселена за пределами Бурятии: в Иркутской области, Забайкальском крае и других субъектах РФ, а также в Монголии и КНР и других странах.

В начале XX в. один из ярких общественных деятелей и мыслителей бурятского народа М. Н. Богданов, в условиях социально-политических катаклизмов и гражданской войны, а также наступления капитализма высказал пессимистический прогноз в отношении будущего бурятского народа [4]. Но прошло больше ста лет, и бурятский народ как этнос сохранился, несмотря на общие тенденции развития этнических общностей и культур в мире, которые свидетельствуют об их интеграции, аккультурации и поглощении менее устойчивых этнокультур более сильными доминирующими культурами численно больших этносов [1; 7; 8; 9; 11; 14; 15; 16].

В связи с этим правомерно возникают вопросы: насколько реальна угроза утраты этнической идентичности, этнокультурной самобытности и родного языка бурятским этносом в XXI столетии? И вообще каковы перспективы сохранения его как этноса? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть возможные **сценарии** этнокультурного развития бурятского народа в ближайшие десятилетия.

Варианты, или сценарии, развития бурятского народа в новом столетии, безусловно, должны учитывать, кроме этнокультурных и социальных факторов, состояние и динамику социально-экономических процессов в Республике Бурятия и округах как составных частей российского и мирового экономического пространства. А также влияние других факторов внешней среды: этнокультурного, языкового окружения и межэтнического взаимодействия, правового и информационного полей, без чего невозможно существование и развитие любого социума.

В то же время необходимо не попасть в оценке настоящего и прогнозировании будущего в зависимость от «прошлого». В этом смысле следует принять во внимание мнение Алейды Ассман, известного немецкого историка о том, что «темпоральный режим культуры» характеризуется обращенностью в прошлое. Именно в прошлом люди искали оправдание и обоснование своему настоящему и будущему. Оно служило как бы нормативной основой для этого» [2].

Этнокультурное развитие бурятского народа в условиях социально-экономического кризиса и неопределенности будущего страны (Негативный сценарий)

Итак, если исходить из ситуации продолжающегося социально-экономического кризиса и углубляющейся стагнации, то сценарий развития можно будет представить следующим образом.

В условиях кризиса проблемы физического выживания для основной массы населения, включая ее бурятскую часть, обострятся и выйдут на первый

план, *отодвинув этнокультурные потребности*. Вследствие этого процесс деэтнизации и маргинализации основной массы этноса будет происходить по нарастающей и более высокими темпами. Республика Бурятия, как и Усть-Ордынский и Агинский Бурятские округа, считаются агропромышленными, но фактически они остаются преимущественно аграрными территориями. Кризис ухудшит состояние сельского хозяйства, а это, в свою очередь, обострит экономические и социальные проблемы сельского населения, значительная часть которого – бурятская, и приведет к усилению его миграции в город.

Отток трудовых ресурсов из села станет причиной сокращения населения, и негативно затронет институты воспроизводства бурятской культуры, а это приведет к еще большей социальной и духовно-культурной маргинализации и деградации сельского, в том числе бурятского, населения. Незапланированная, стихийная миграция из села создаст проблемы в трудоустройстве и поиске жилья сельских мигрантов.

Город является полиэтническим образованием. Отсутствие в городе нормальных социальных условий для адаптации сельских мигрантов приведет к социальному дискомфорту и негативно отразится на их социальном самочувствии и этническом самосознании.

В условиях ухудшающего социального положения и обострения проблем физического выживания высокие культурные, в том числе и этнокультурные, запросы вынужденно отойдут на второй план и будут подавлены сиюминутными меркантильными интересами. Образовавшийся духовный вакуум будет восприимчив для суррогатов массовой потребительской культуры, в лучшем случае, а в худшем приведет к усилению духовно-нравственной и общей деградации этноса, а в дальнейшем – к маргинализации его значительной части.

Важнейшим актором, регулирующим этническое развитие и межнациональные отношения, является государство. Современное Российской государство развивается под воздействием идей неолиберализма, который не признает этнофедерализм в государственном строительстве. В этих условиях Республика Бурятия как составная часть России вынужденно признала необходимость отказа от национальной государственности бурятского народа и признания многонациональности республики и ее государственности как территориальной. Соответственно такое государство постепенно изменит свою национальную политику в отношении народов России.

В условиях кризиса и Республика Бурятия, и Бурятские округа, являясь дотационными, вынуждены будут сокращать свои социальные обязательства, отказываться от государственного патернализма в отношении каких-либо социальных и этнических групп. На практике это будет политикой гомогенизации населения регионов как частей «единой и неделимой России» и выльется в дальнейшую ассимиляцию и деэтнизацию бурятского народа.

Экономический кризис, бюджетный дефицит, неурегулированная и противоречивая правовая база объективно ограничат государственное финансирование социальной сферы и социокультурных институтов воспроизводства бурятской культуры и языка. А проблема «самовыживания» вынудит институты воспроизводства бурятской этнокультуры коммерциализировать свою основную деятельность, следствием чего станет отход от основной их «миссии» – транслятора высокого бурятского искусства и «замыканию» в интересах финансового выживания. Это будет способствовать сокращению этнокультурного влияния на этнос, особенно на его сельскую часть.

Дефицит финансирования заставит бурятские театры и другие творческие коллективы перейти на репертуарную политику, которая будет ориентирована на получение дохода и в которой не окажется средств для гастролей в сельские районы республики и округа. Это приведет к еще большему отрыву высокого бурятского искусства от культурных потребностей основной массы этноса.

Кризис экономики негативно отразится на возможности самого этноса в финансировании и материальной поддержке сохранения этнической самобытности, ретрансляции этнокультурных традиций и ценностей из-за экономической слабости и малочисленности малого бизнеса и среднего класса как такового. Более того, экономический кризис усилит социальное расслоение, что приведет к поляризации внутри этноса и будет способствовать разрушению традиционных институтов этнического коллективизма и общинности, традиций и обычаев, а это повлечёт за собой еще большую атомизацию этноса.

Нужно признать, что кризис отразится на **активности общественных формирований** и их эффективности воздействия на этнос из-за ограничения источников и объема финансовой поддержки и атмосферы общей деморализации, бесперспективности и безысходности в обществе. Инициативы общественных объединений, по решению проблем этноса все меньше будут находить понимание и адекватный отклик со стороны его основной массы, всецело поглощенной проблемой физического выживания и безысходности.

В этих условиях безысходности часть общественных организаций попытается радикализировать свои позиции, однако это не даст желаемого результата, потому что в условиях деформированной политической системы приведет лишь к усилению этнополитической напряженности в обществе и негативно отразится на положении самого этноса в окружающем социуме. При этом существующая политическая система будет сознательно игнорировать сигналы «снизу», а в случае необходимости и по своему усмотрению будет включать применение силы.

Бурятская элита, сформировавшаяся в условиях прошлой политической системы, имеющая в настоящее время низкий уровень жизни и социальный статус, не пытается взять на себя роль **лидера** в защите интересов

этноса и противодействию его социальной деградации и аккультурации. Ее робкие попытки обращения к власти и внесения предложений по решению проблем этноса не получают желаемого результата в связи с бедственным положением государственного бюджета и общей бюрократизацией госаппарата. Все это еще больше усилит фрустрацию национального самосознания и укрепит этнические комплексы бурят.

Не стоит возлагать больших надежд на деятельность традиционных *церквей* и других религиозных объединений по укреплению духовного потенциала бурятского этноса, сохранению его моральных устоев и этнических традиций. Следует иметь в виду, что в настоящее время роль религии в современном обществе значительно изменились из-за кризисного состояния самого института церкви после почти векового господства в стране государственного атеизма и преобладания потребительских интересов у основной массы прихожан.

Таким образом, в условиях социально-экономического кризиса реальной перспективой развития бурятского этноса в ближайшие десятилетия нового XXI в. является усиление его аккультурации и дальнейшая маргинализация, усугубленная социальными проблемами и обнищанием.

Этнокультурное развитие бурятского этноса в условиях политической стабильности и экономического роста («Позитивный» сценарий)

С поправкой на положительный сценарий развития экономической ситуации как результата преодоления кризиса и начала экономического роста может быть рассмотрен следующий вариант перспектив развития этноса в первых десятилетиях XXI в.

Республика, как любой субъект федерации, будет стремиться к экономической модернизации региона для обеспечения экономического роста. Задачи модернизации экономики республики потребуют реструктуризации и оживления промышленности, а также развития новых производств.

Однако сдерживающим фактором ее экономического развития была и будет низкая численность экономически активного населения республики. Развитие экономики в режиме роста потребует увеличения притока трудовых ресурсов извне. Миграционный приток повлечет за собой увеличение иноэтничного населения (опыт строительства БАМа, Гусиноозерской ГРЭС в 70-е годы прошлого столетия), а это, в свою очередь, приведет к *сокращению доли бурятского населения* в республике и округах, к ослаблению его *демографической мощности*, что в перспективе усилит угрозу ассимиляции [12].

С точки зрения *неолиберализма*, в котором ценности индивидуализма и потребительского общества, права человека являются главными, они активно будут доминировать (подавлять) интересы и права коллективных

общностей таких, как этносы. Отсюда следует, что экономическая модернизация, основанная на идеях неолiberaлизма, приведет к сокращению затрат на сохранение языка и самобытности этнических групп, в частности бурят.

Следует также учитывать, что конкуренция в экономических и общественных отношениях приведет к сегментированию рынка и вытеснению из экономически выгодных сфер бизнеса представителей этносов-аутсайдеров. Они, из-за меньшей численности и этнических особенностей, окажутся неконкурентоспособными и будут уступать эти сферы численно доминирующим этническим группам.

Изменится также система финансирования социальной и этнокультурной сфер и сократится государственная финансовая поддержка институтов воспроизводства этнической культуры.

Укрепление рыночных отношений и рыночной психологии приведет к смене *ценностных ориентаций населения*. Традиционные коллективистские ценности будут постепенно замещаться индивидуалистскими. Будет усиливаться влияние доминирующей русской культуры и западной «вестернизации» на бурятскую культуру, что ускорит процесс аккультурации значительной части бурятского этноса.

Бурятская культура под воздействием процессов унификации и универсализации будет постепенно терять свои традиционные элементы и черты этнической самобытности. В духовных запросах основной массы этноса она будет отходить на второй план из-за снижения ее востребованности, все больше обретать фольклорно-театральные формы и отдаляться от запросов основной массы этноса. В сознании этноса, особенно молодежи, она будет ассоциироваться преимущественно с его «архаичным прошлым» и все меньше будет способна формировать этническое самосознание и обеспечивать ретрансляцию этнических ценностей в будущее.

Успешные экономические преобразования и экономический рост будут способствовать формированию человека индивидуалистского типа, собственника, все менее зависимого от государства и других коллективных форм, в том числе от этнической общности. Увеличение доли людей такого типа в составе этноса приведет к изменению качественных характеристик бурятского этноса. Это будет уже *другой новый этнос*, менее подчиненный прежней этнической традиционности, все более переходящий в общении на язык и культуру большинства, то есть более деэтнизированный и ассимилированный.

Таким образом, *второй (позитивный) сценарий* развития бурятского народа в условиях экономического роста также предполагает трансформацию его этничности и постепенную аккультурацию.

Как мы видим, оба предполагаемых *варианта* развития бурятского этноса, учитывающих воздействие на него окружающей политической, экономической и культурной среды, дают основания утверждать, что в новом

столетии преобладающей тенденцией развития бурятского этноса будет изменение этнической идентичности его членов и постепенная трансформация этничности в целом, а в перспективе – усиление его аккультурации и постепенная деэтнизация.

Вышеизложенные выводы не ставят цели искусственной драматизации ситуации. Они объективно отражают общие закономерности развития государств и этносов в мире в целом, и в России в частности. В основе этих закономерностей лежат объективные интересы любого государства-нации: сохранить свою целостность за счет достижения гомогенности состава своего населения, которая может осуществляться путем ассимиляции (насильственной или естественной) численно меньших и культурно отличающихся групп. Стремление же численно меньших этносов сохранить свою самобытность объективно вступает в противоречие со стратегическими целями нации-государства и воспринимается им как потенциальная угроза своей целостности, а поэтому расценивается как проявление этнического национализма и сепаратизма.

Этнокультурное развитие бурятского этноса в условиях современной России (Третий сценарий)

При рассмотрении и прогнозировании будущего бурятского этноса объективно приходится основываться на теоретических положениях *конструктивизма* и *инструментализма*, учитывать их и не игнорировать положения *примордиализма* [3; 10; 13; 17]. Если подходить к их использованию для анализа и оценки рационально, без ангажированности, то, на мой взгляд, не возникает каких-либо кардинальных противоречий.

Бурятский этнос, как и общество в целом, развивается, утрачивая определенные свои черты и приобретая новые. На протяжении всего исторического процесса этнического развития бурятского народа шла постоянная модификация его этнокультурного комплекса. Это свидетельствует о том, что непрерывная изменчивость этноса является его сущностной чертой, механизмом его адаптации к постоянно меняющимся внешним условиям. И неудивительно, что многие традиции, обычаи и нормы, присущие бурятскому этносу в начале XX в., в конце столетия утрачены безвозвратно или же приобрели другие формы и качества [6].

При рассмотрении перспектив развития бурятского этноса в современных условиях необходимо иметь в виду то, что они будут иметь определенные погрешности, так как нынешняя политическая система все еще находится «в развитии», и поэтому не является «демократической» в полном смысле этого слова и, соответственно, такой же является и ее национальная политика.

Нынешнее российское общество можно охарактеризовать как «имитационное». И в смысле ожиданий будущего, которое может быть в определен-

ной степени сравнимо с периодом позднего СССР, когда «желаемое светлое будущее» во многом было декларировано и имело, в смысле политического и экономического развития, отложенный результат.

Современная Россия с начала двухтысячных годов как *федеративное государство* целенаправленно и систематически находится в процессе дефедерализации: ограничение экономических, финансовых и других прав субъектов федерации в пользу федерального центра, вплоть до отмены выборов глав и введения назначения глав субъектов (после событий в Беслане), что можно расценивать «де факто» как демонтаж основ федерализма. Из официальной лексики постепенно исчезла федералистская терминология, что также свидетельствует о тенденциях усиления централизации, унификации и унитаризации страны. Утверждение пресловутой «вертикали власти», то есть одностороннего усиления и доминирования центра, изменение соотношения налоговых доходов в пользу центра до 68%. – всё это свидетельствует об активном процессе превращения России в унитарное государство и «отходе» от принципов федерализма.

Республика Бурятия – субъект федерации, правовой статус которого является переходным от национальной государственности бурятского народа к территориальному типу многонациональной государственности. Однако в результате свертывания федерализма Республика Бурятия как субъект федерации превращается в административно-территориальную единицу – фактически в провинцию унитарного государства, что отражается на её этнической составляющей и национальной политике в отношении бурятского народа.

В соответствии с Конституционными положениями по разграничению полномочий и предметов ведения Республика Бурятия как субъект федерации уже сегодня ограничена в возможностях защиты этнических прав и интересов бурятского народа, которые в соответствии с Конституцией РФ относятся к основным правам и свободам граждан, и их защита является прерогативой федерации. Республика Бурятия может лишь частично участвовать в регулировании интересов этнических групп, исходя из интересов территории и всего ее многонационального населения, но не какого-либо отдельного этноса, даже если он признается титульным.

В этой ситуации национальные республики как субъекты федерации формально еще сохраняют статус субъектов, но фактически превращаются в простые провинции унитарного и жестко централизованного государства, где политика и управление страной осуществляется узким кругом бюрократии в Центре.

В условиях культурного, информационного, численного доминирования русского этноса, который составляет 83% населения Российской Федерации, сфера функционирования бурятской культуры и языка будет объективно сокращаться. Подтверждением этому является современная *языковая*

политика. Унификация и бюрократизация языковой политики современной России оставила далеко позади попытки нивелирования национальных языков в союзных и автономных республиках в период позднего Советского Союза. В настоящее время для свободного и нормального функционирования языков народов России искусственно создаются различные препятствия и ограничения, и это ведет к постепенному их вытеснению не только из публичной сферы, но и из системы образования.

Законодательное закрепление русского языка как государственного языка Российской Федерации, а затем признание его языком государствообразующего народа автоматически ставит языки народов России в подчиненное и зависимое положение и ограничивает языковые права граждан и народов. Продекларированный в 2018 г. в Йошкар-Оле «запрет», или так называемая «добровольность» изучения национальных языков в школе, открыли простор для фактического и законодательного ограничения изучения национальных языков в субъектах федерации. И этот процесс ограничений не только не прекращается, а продолжает набирать обороты.

На перспективы сохранения этнокультурной самобытности бурятского этноса в настоящее время значительно влияет информационная свобода и глобальная информационная сеть, они изменяют информационно-культурное поле республики и округов. Стремительно возрастают возможности получения и передачи информации на большие расстояния, а государственные границы не могут выполнять роль барьеров для информации и постоянно возрастающего культурного обмена между странами.

Поэтому вполне можно предположить, что буряты будут поставлены в условия необходимости переходить на язык и культуру большинства и усваивать «универсальные ценности». Уже сегодня процессы коммуникации и передача информации осуществляются, преимущественно, на языке большинства той или иной страны, а также на мировых языках, и это делает перспективы сохранения и развития миноритарных языков, в том числе бурятского языка, еще более проблематичными.

В этих условиях, если не предпринять срочных эффективных и системных мер по защите языка, то социальные функции бурятского языка будут сокращаться, и он все меньше будет способен отвечать своему назначению национального языка. При существующей ныне незаинтересованности власти и, главное, самого этноса в отношении родного языка, этот процесс постепенно будет вести к отмиранию его как средства коммуникации в общественной сфере, а затем и как живого разговорного языка, который не обеспечивает коммуникации внутри этноса. Языковой сдвиг, произошедший в самосознании бурятского этноса в отношении своего языка, является утратой языковой лояльности и тревожным сигналом усиления аккультурации и языковой ассимиляции.

Какие выводы можно сделать в отношении перспектив развития бурятского этноса? А самое главное, что можно предложить в качестве рекомендаций для обеспечения нормального развития бурятского этноса в перспективе?

1. Развитие бурятского этноса в XXI веке нужно принимать как необходимую **модернизацию (модификацию) бурятской этничности** на основе сохранения нравственности, гармонично сочетающую в себе прогрессивные начала самобытности и традиционности, и опирающуюся на них. Сохранение и культивирование нравственно здоровых этнических ценностей и родного языка, гармонично сочетающихся с общей высокой культурой и образованием, и должно обеспечивать динамичное и поступательное развитие этноса.

2. Необходимо признать национальную автономию (национальную государственность) политической и правовой гарантией свободного этнокультурного развития и сохранения самобытности этноса.

3. Необходимо последовательно укреплять **национальное самосознание** на основе его модификации, предполагающей сохранение самобытности и интеграции в современные демократические институты общества.

4. Необходимо продолжение **национального строительства**, которое должно осуществляться на основе использования естественных инструментов и механизмов саморегуляции и саморазвития этноса. Самоорганизация должна рассматриваться как важный элемент жизнедеятельности этноса, как условие обеспечения его саморазвития.

В этом плане сохранение и развитие традиционных связей внутри бурятского этноса в форме территориально родственных групп позволяет предположить, что, с одной стороны, их можно рассматривать как архаику и как проявление «трайбализма», а с другой, как естественный способ сохранения этнической идентичности, национального самосознания и этнического единства и форму передачи этнической информации следующим поколениям. Поэтому их существование и сохранение возможно в той или иной форме в перспективе.

5. Необходимо признать, что **индивидуальный уровень** – уровень отдельной личности – является ключевым и должен служить критерием эффективности всей работы. На этом уровне необходимо создание системы нравственных этнических норм, механизмов передачи информации, ориентиров автономного развития личности и сохранения идентичности, что должно обеспечить развитие этноса в целом.

6. В условиях культурной конкуренции групп, доминирующего положения русской культуры и языка (государственное управление, информационные связи и поле, разница в количественном потенциале) развитие бурятской культуры нельзя рассматривать изолированно, вне существующего общего культурного поля государства, республики, округа и т.д. Бесперспективно и вредно противопоставлять бурятскую культуру и язык доминирующим языку и культуре.

Исходя из существующего положения необходимо определить ориентиры этнокультурного развития народа. Задача состоит в том, чтобы выбрать приемлемые варианты его развития (сохранения).

Литература

1. *Абизаде Араш*. Этничность, раса и человечество, возможное в будущем / Пер. с англ. Ю. Зарецкий, В. Зеленский // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 1. [Эл. ресурс]. URL: <https://intelros.ru> (дата обращения: 30.10.2022)
2. *Алейда Ассман*. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛЮ, 2017. [Эл. ресурс]. URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 6.08.2022)
3. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц, 2001. 286 с.
4. *Богданов М. Н.* Очерки истории бурят-монгольского народа / с доп. статьями Б.Б. Барадина и Н. Н. Козьмина; под ред. Н. Н. Козьмина. 2-е изд. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. 304 с.
5. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса. 3-е изд., испр. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 436 с.
6. Буряты в этнополитическом пространстве России: от империи до федерации / Б. В. Базаров [и др.]. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 320 с.
7. *Вердери Кэтрин*. Куда идут «нация» и «национализм»? // *Нации и национализм*. Сб. ст. / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Праксис, 2002. [Эл. ресурс]. URL: <https://travelling-science.blogspot.com> (дата обращения: 30.10.2022)
8. *Дерикот Наталия*. Будут ли в будущем существовать нации? // *Futurist*. 2019. 30 апр. [Эл. ресурс]. URL: <http://futurist.ru/> (дата обращения: 30.10.2022)
9. *Капустин Б.* Законодательство истины, или Заметки о характерных чертах отечественного дискурса о нации и национализме // *Логос*. 2007. №1 (58). С.103–137.
10. *Коротеева В. В.* Теории национализма в зарубежных социальных науках. М.: Изд-во РГГУ, 1999. С. 143.
11. *Кочетков В. В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. № 2. 2012. С. 144–162.
12. *Кузнецова Я. А.* Трудовой потенциал Бурятии в 1970 – 1980-е годы: количественные и качественные характеристики // *Исторический ежегодник*. Сб. статей / под ред. А.Х. Элгерта. Новосибирск, 2010. С. 226.
13. Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики : матер. сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., г. Москва / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. 315 с.

14. Попов М. Е. Надэтническая идентичность: опыт формирования гражданского общества и российская полиэтничная специфика // Публичное пространство, гражданское общество и власть: опыт развития и взаимодействия: сб. ст. М.: Политическая энциклопедия. 2008. С. 82–94.
15. Сафонов А. Л., Орлов А. Д. Нация и этнос в едином мире // Век глобализации. 2013. Вып. 2 (12). С.155–167.
16. Тайсаев Д.М. Эволюция. Этничность. Культура. На пути к построению постнеклассической теории этноса. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2005. 197 с.
17. Хобсбаум Эрик Джон. Нации и национализм после 1780 года / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.

УДК 373.1 (372.881.1)

Харбанова В. В.*

Администрация Усть-Ордынского Бурятского округа

Меры государственной поддержки бурятского языка на территории Усть-Ордынского Бурятского округа

Аннотация. В статье представлена информация о деятельности администрации Усть-Ордынского Бурятского округа по обеспечению сохранения и развития бурятского языка на территории округа, обновленном содержании этнокультурного образования, новых формах работы, укреплении материально-технической базы образовательных организаций.

Ключевые слова: бурятский язык, Усть-Ордынский Бурятский округ, система образования, государственная поддержка

Harbanova V. V.

Administration of Ust-Orda Buryat District

Measures of State Support of the Buryat Language in the Territory of Ust-Ordynsky Buryat District

Abstract. The article provides information about the activities of the administration Ust-Orda Buryat district to ensure the preservation and development of the Buryat language on the territory of the district, the updated content of ethno-cultural education, new forms of work, strengthening the material and technical base of educational organizations.

Keywords: Buryat language, Ust-Orda Buryat district, education system, state support

В условиях модернизации системы российского образования главной задачей является обеспечение современного качества образования, где эт-

* Харбанова Вероника Валерьевна, начальник отдела по национальным языкам Управления по сохранению и развитию национальной самобытности администрации Усть-Ордынского Бурятского округа. E-mail: no-uobo@yandex.ru

нокультурная составляющая является одним из приоритетных направлений. Проблемы этнокультурного образования и преподавания родных языков обсуждаются сегодня на разных уровнях: от министерских кабинетов до школьных классов. Обществом уже осознана актуальность и важность этнокультурного компонента в образовании и воспитании. Успех этой работы зависит от качества организации образовательной деятельности, в которой родители и учителя помогут каждому ребенку приобщиться к культуре народа.

Усть-Ордынский Бурятский округ многонационален. На его территории проживают русские, буряты, татары, украинцы, белорусы, поляки, чуваш и др. народы. Каждый из народов имеет право и возможность разговаривать на своем родном языке. Это многовековой порядок нашего развития. Мы находим общий язык на нашей многонациональной земле, сохраняем уникальную самобытную культуру и языки.

В настоящее время в Усть-Ордынском Бурятском округе сформированы достаточные условия для изучения родного (бурятского) языка. Существенным фактором его сохранения и развития является система образования. Сеть образовательных учреждений округа представлена 300 муниципальными организациями: 184 общеобразовательными учреждениями, 86 дошкольными образовательными учреждениями – юридическими лицами, 18 учреждениями, реализующими дошкольные образовательные программы (16 структурных подразделений и 2 дошкольные образовательные группы при общеобразовательных учреждениях), 12 учреждениями дополнительного образования. Количество обучающихся, изучающих бурятский язык и литературу, составило 4 978 или 24 % от их общего количества, количество воспитанников, изучающих бурятский язык составило – 2 640 или 39,5% от их общего количества. Большое внимание уделяется созданию условий для изучения языка, в том числе за счет оснащения материально-технической базы образовательных организаций.

С целью популяризации и повышения мотивации изучения родного (бурятского) языка разработана ведомственная целевая программа «Обеспечение условий для сохранения, развития и популяризации бурятского языка» на 2020–2024 годы». В рамках программы проводятся различные мероприятия: акция единого действия «Я говорю на родном языке!», месячник по родному языку, окружная олимпиада по бурятскому языку среди школьников 5–9 классов, конкурс мультфильмов на родном языке «Легенды Байкала», конкурс «Лучшая образовательная организация с этнокультурной составляющей», фестиваль команд КВН на родном бурятском языке и др.

В настоящее время в преподавании бурятского языка используются учебно-методические материалы, адаптированные к реалиям региона. Среди проектов последнего времени, реализованных в сфере этнокультурного образования и родных языков, следует отметить проект «УМК «Буряад хэлэн», который реализуется с 2019 г. В его рамках разработаны и изданы учебно-методические комплекты по бурятскому языку для 1–4 классов об-

разовательных организаций Иркутской области, состоящие из пяти компонентов: учебник, рабочая тетрадь, книга для чтения, тетрадь, аудио приложение и методическое пособие для учителя. В настоящее время разработана рукопись для 5 класса, ведется работа над учебно-методическим комплектом для 6 класса. Уникальность проекта заключается в использовании коммуникативно-деятельностного подхода в обучении родному языку, содержание УМК максимально приближено к диалекту прибайкальских бурят.

Современную образовательную среду формируют цифровые технологии. В целях повышения эффективности и качества преподавания бурятского языка, с 2022 г. нами начата реализация проекта «Создание предмета «Бурятский язык» на цифровом образовательном ресурсе». Уже разработан проект для 1 класса.

Целенаправленная организация этнокультурного образования детей необходима с дошкольного возраста и предполагает развитие у них определенных социальных качеств, приобретение ими социального опыта. Её основная цель – приобщение ребенка к ценностям культуры своего народа, воспитание духовно-нравственной личности, которая знает, уважает и продолжает традиции своей семьи, этноса. В рамках осуществления преемственности «детский сад – школа» в 2020 г. разработана Парциальная образовательная программа по бурятскому языку для дошкольников, которая проходит апробацию в 19 детских садах округа. В настоящее время, авторская группа работает над изданием УМК к данной программе.

При построении образовательной стратегии следует учитывать, что начало приобщения ребёнка к этнокультурным традициям закладывается еще до школы, в семье. Поэтому особое внимание необходимо уделять работе с семьёй, для чего следует разработать и опробовать систему методической поддержки образовательных инноваций, обеспечивающих этнокультурную направленность образовательного процесса в контексте: образовательная организация – ребёнок – семья. Это особенно важно в связи с тем, что семья перестает быть передатчиком языка от старшего поколения младшему, как это было ранее, а современная молодежь отличается нигилистическим отношением к родному языку, считая его бесперспективным и ненужным. Сохранить язык возможно, главное, не останавливаться, не искать виноватых, а начать говорить на родном языке хотя бы у себя дома.

В 2022 г. отделом по национальным языкам Управления по сохранению и развитию национальной самобытности администрации Усть-Ордынского Бурятского округа был инициирован окружной межмуниципальный конкурс среди дошкольных образовательных учреждений «Моя семья» («Минии гэр булэ») по обобщению опыта этнокультурного взаимодействия с семьями воспитанников. Победитель конкурса был награжден ценным призом «Творческая лаборатория» стоимостью 328 тыс. рублей. С 2019 г. в штатные расписания дошкольных образовательных учреждений округа введена

должность «педагог дополнительного образования» для изучения воспитанниками бурятского языка.

Для сохранения родного языка, в первую очередь, нужно на нем говорить, необходимо живое общение на языке, который вы хотите сохранить – это самое важное и элементарное правило. Говорить нужно вне зависимости от уровня владения языком, что будет первым и очень важным шагом на пути к его сохранению. В этих целях в округе используется формат воскресных школ и центров изучения родных языков: «Буряад хэлэнэй байшан» («Дом бурятского языка») при Усть-Ордынском дацане, Центр семейного общения «Сайн байна! Здравствуйте!» в Усть-Ордынской Национальной библиотеке, открытый в рамках проекта общественной организации «Булаг» («Родник»), центр «Булжамуур» («Жаворонок») в п. Ново-Нукутский, открытый в 2021 г., и семейный центр «Ая-ганга» («Полевой цветок») в п. Кутулик, открытый в 2022 г. в Библиотеке им. В. А. Вампилова.

Необходима постоянная, системная, последовательная мотивация, и это, в первую очередь, забота Государства, которое должно и может обеспечить дополнительные меры поддержки педагогов. Так, в округе действует стимулирующая выплата в размере 15 % от должностного оклада учителям бурятского языка и литературы. Formой поддержки является и проведение конкурсов профессионального мастерства «Лучший педагог этнокультурного образования дошкольного образовательного учреждения», «Лучший учитель бурятского языка».

Реализация вышеуказанных мер в 2022 г., в сравнении с 2019 г., способствовала увеличению доли образовательных организаций с изучением бурятского языка: школ – с 68 до 86, детских садов – с 19 до 57, соответственно, количество учеников и воспитанников, изучающих бурятский язык, увеличилось в 1,5 раза.

В целях создания условий для получения школьниками качественного образования, реализации этнокультурных общеобразовательных программ, в 2020 г. открылась первая в истории округа Усть-Ордынская гимназия-интернат лингвистической и этнокультурной направленности. В учреждении разработана и успешно реализуется дополнительная общеразвивающая этнокультурная общеобразовательная программа «Тоонто нютаг» / «Моя малая родина», переросшая в проект «Студия развития личности «Байкальские ростки». Презентация проекта состоялась на Московском Международном салоне образования в октябре 2021 г. За два года своего функционирования гимназия доказала свою состоятельность, мы гордимся ее успехами в учебной и внеурочной деятельности. Положительный опыт этнокультурного воспитания подрастающего поколения переняла Обусинская СОШ, которая в августе 2021 г. была преобразована в школу-интернат этнокультурной и спортивной направленности.

Таким образом, в округе созданы условия для сохранения и развития языковой и этнокультурной среды, сохраняются духовные ценности народов.

На заседании Президиума Российской академии наук 2 марта 2021 г. при обсуждении вопроса «Языковое многообразие и языковая политика как научная проблема» было отмечено появление в России такой положительной тенденции как активизм – движение «снизу», направленное на поддержку языков. Необходимо чтобы этнокультурный компонент присутствовал во всех сферах. А это возможно только при условии объединения и четкой координации деятельности всех заинтересованных участников: муниципалитета, общественности, образовательных организаций, начиная с детского сада, семьи. Родной язык является визитной карточкой любой нации. Говорить, читать и писать на родном языке – это задача нашего поколения, потому что материнский язык связывает нас с нашими славными предками. Его сохранение, в совокупности с сохранением культуры и фольклора, помогает нации продолжать своё существование.

УДК 378.4(571.53)

Шаракшинова Е. К.*

Иркутский государственный университет

Вклад выпускников отделения бурятской филологии Иркутского госуниверситета в развитие Усть-Ордынского Бурятского округа

Аннотация: В статье рассказывается об истории отделения бурятской филологии Иркутского государственного университета и рассматривается вклад выпускников отделения в социально-экономическое развитие Усть-Ордынского Бурятского округа.

Ключевые слова: ИГУ, бурятская филология, выпускники, образовательные организации, СМИ.

Sharakshinova E.K.

Irkutsk State University

Contribution of Graduates of the Department of Buryat Philology of Irkutsk State University to the Development of Ust-Orda Buryat District

Abstract: The article describes the Department of Buryat Philology of Irkutsk State University history and examines the contribution of graduates of the department to the socio-economic development of the Ust-Orda Buryat district.

Keywords: ISU, Buryat philology, graduates, educational organizations, mass media.

* Шаракшинова Елена Константиновна, канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой бурятской филологии Иркутского государственного университета. E-mail: elladaisu@mail.ru

Иркутский университет – старейшее высшее учебное заведение в Восточной Сибири – вносит огромный вклад в дело подготовки квалифицированных кадров для народного хозяйства, науки, образования, средств массовой информации Усть-Ордынского бурятского округа. Важная роль в этом принадлежит бурятскому филологическому отделению.

Университет был основан в 1918 г., и в этом же году на его историко-филологическом факультете начали создаваться условия для открытия так называемого «восточного отделения». Оно было рассчитано на подготовку специалистов по японскому, китайскому и монгольским языкам. В 1920 г. на восточном отделении гуманитарного факультета преподавались монгольский, китайский, японский языки. Монголоведческий цикл включал в себя монгольский язык, который преподавали профессора Г. Ц. Цыби-ков, Ц. Жамцарано; обычное право монгольских народов преподавал профессор В. А. Рязановский; географию и этнографию монгольских народов – профессор Б. Э. Петри; историю буддизма – профессор Н. Д. Миронов. К числу вспомогательных предметов были отнесены санскрит (профессор Н. Д. Миронов), курс китайского разговорного языка (Б. К. Пашков), общая география (А. А. Половинкин), общая география Сибири (приват-доцент С. Н. Лаптев).

В 1920 г. на восточном отделении обучалось 79 студентов. Одним из слушателей отделения был выдающийся чешский писатель Ярослав Гашек, который входил в редакцию газеты 5-й Армии «Красный стрелок» и пытался организовать в Иркутске выпуск газет для китайцев, корейцев, монголов и бурят. Так появилась в то время газета на бурятском языке «Үүр».

В 1925 г. в ИГУ среди 1673 студентов примерно 20 % составляли лица бурятской национальности. Это свидетельствовало об огромной тяге народа к высшему образованию. 4 января 1925 г. правление Иркутского университета, согласно Постановлению ЦИК Бурят-Монгольской республики, решило ввести обязательное изучение бурят-монгольского языка и культуры для студентов бурятской и монгольской национальности.

В 1926 г. бурят-монгольское отделение открылось на педагогическом факультете университета. У истоков его создания стояли известные ученые Г. Цыби-ков, Ц. Жамцарано. Программа обучения на бурят-монгольском отделении делилась на два цикла: литературно-лингвистический и обществоведческий. Сразу же были созданы кафедра бурят-монгольского языка и кабинет монголоведения. Специализация на бурят-монгольском отделении начиналась сразу с первого курса.

Первый выпуск бурят-монгольского отделения состоялся в 1930 г. и был он небольшим: всего 12 человек. В докладе профессора Н. Н. Козьмина, посвященном первому выпуску отделения, отмечалось, что первый

набор национального отделения сократился в «результате объективных причин. Большинство студентов, не закончив учебу, ушли на педагогическую работу». Из числа первых выпускников были рекомендованы в аспирантуру по литературно-лингвистическому циклу 2 человека (Бертагаев Т. А., Малахинов П. И.) и по обществоведческому циклу 2 человека (Занданов Г. П., Хаптаев П. Т.), в будущем они стали известными учеными, прославившими свой alma mater. Из числа первых выпускников преданным профессии учителя всю жизнь оставался Балдунников Архип Иванович, сыгравший большую роль в развитии народного образования округа. Уроженец Осинского района, он работал учителем в Орлокской семилетней школе, которая была открыта при его непосредственном участии. Ныне это Ирхидейская средняя общеобразовательная школа, с 2008 г. носит имя А. И. Балдунникова.

Бурят-монгольское отделение просуществовало до 1930 г., а затем было переведено в Улан-Удэ, где в 1932 г. на его основе возник Бурятский государственный педагогический институт им. Доржи Банзарова, ныне Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова. Таким образом, ИГУ сыграл решающую роль в основании первого высшего учебного заведения в Бурятии.

В 1944 г. по ходатайству Усть-Ордынского Бурятского округа в Иркутском университете на историко-филологическом факультете вновь открылось специализированное бурят-монгольское отделение, и были приняты на I курс 30 студентов. Среди первокурсников значительную часть составляли выходцы из Усть-Ордынского округа. Отделение имело два цикла – исторический и филологический. Его главная задача заключалась в подготовке квалифицированных учителей бурятского и русского языков и литературы, истории в национальной школе.

Сегодня университет продолжает подготовку учителей для образовательных организаций округа на факультете теоретической и прикладной филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации (ИФИЯМ ИГУ). За все эти годы выпущено более 1000 специалистов, вклад которых в дело развития народного образования, науки и культуры Усть-Ордынского округа неоценим. Из числа выпускников каждый десятый стал научным работником. Они успешно защитили кандидатские, докторские диссертации по филологии, истории, этнографии, экономике, философии, и представляют элиту бурятоведческой фундаментальной науки.

Только докторов наук, профессоров насчитывается более 20 выпускников. Среди них: известный филолог, доктор филологических наук, заведующий группой монголистики Института языкознания АН СССР Т. А. Бертагаев; доктор исторических наук, профессор П. Т. Хаптаев; доктор историче-

ских наук, профессор Н. П. Егунов; доктор экономических наук, профессор П. И. Малахинов; доктор исторических наук, исследователь шаманизма бурят, главный научный сотрудник БНЦ Т. М. Михайлов; доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии ИГУ в 80-х годах К. Б. Ботороев; доктор филологических наук, исследователь ономастики, топонимики, профессор кафедры бурятской филологии ИГУ А. Г. Митрошкина; доктор исторических наук, профессор М. Н. Халбаев; доктор филологических наук, профессор, Академик Петровской академии наук и искусств, крупнейший ученый, организатор науки, литературовед, театровед, литературный критик, заслуженный деятель науки Республики Бурятия и России, председатель Президиума Бурятского научного центра в 80-х годах В. Ц. Найдаков; доктор филологических наук, профессор, театровед, театральный критик В. Ц. Найдакова; доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМБиТ, зав. отделом фольклора М. И. Тулохонов; доктор философских наук, профессор, ректор ВСГАКИ (1990–1995) Г. И. Балханов; доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой этносоциологии восточного факультета ИРГТУ В. Х. Харнохоев; профессор, ректор Бурятского государственного педагогического университета им. Д. Банзарова Г. Д. Басаев; профессор Н. К. Елаев; проректор ИПКРО Я. Б. Санжиева; доктора наук Л. В. Шулунова, Д. Д. Нимаев, М. С. Васильева, Л. Б. Бадмаева. Доктора и кандидаты наук (свыше 8 человек) работают в БГУ, ВСГАКИ, ИГУ, ИРНИТУ, ВСГТУ, ИРГУПСе и учат молодое поколение главному: как жить полнокровно, честно служить народу, отдаваться избранной специальности до конца.

Бурятское филологическое отделение подготовило таких талантливых писателей, поэтов, как Ким Ильин, Владимир Петонов, Мэлс Самбуев, журналистов – зав. корреспондентским пунктом ТАСС в Монголии Кима Болдохонова, зав. программой всероссийского радио Хубисхала Цыренжапова, Арсения Бадиева. В развитии СМИ округа огромный вклад внесли такие выпускники, как Валерий Ентаев – многолетний редактор (1994–2009) газеты «Усть-Ордын үнэн». Выпускник отделения 1968 г. Сергей Сократович Салдамаев стоял у истоков окружного радиовещания, где проработал около 40 лет, из них 30 – главным редактором окружного радио. Эстафету журналистов старшего поколения достойно продолжили выпускники поздних лет: Акодим Анхонов («Панорама округа», Усть-Орда), Наталья Могзоева, Сильвия Алхансаева («Усть-Ордын үнэн»), Росина Ефремова, Татьяна Оножеева («Эхирит-Булагатский вестник»). Хотелось бы отметить работу известного в бурятоязычной медиасфере журналиста Намжилмы Цыденовой, выпускницы 1991 г. В профессии она с 1991 г. Была редактором окружного радиовещания, где проработала 18 лет, с 2007 г. перешла в газету «Усть-Ордын үнэн», где трудится по сей день, является неоднократным лауреатом

фестиваля «Алтаргана». На окружном радио успешно работают Виктория Манданова и Елена Илькина. В районной газете Осинского района «Знамя труда» главным редактором является Надежда Эшметова. Один из известных журналистов Иркутска, теперь и всей страны, Игорь Пиханов достойно работает и прославляет свою малую родину – Усть-Ордынский округ и свою alma mater – Иркутский университет.

Бурятское отделение готовит не только педагогических, научных работников, но и является кузницей кадров будущих управленцев. Многие воспитанники нашего отделения занимали в разные годы и занимают в настоящее время ответственные руководящие должности. В органах управления округа работали: Дамбинов Карп Николаевич – заместитель председателя окрисполкома, будучи учителем русского языка в Хохорской средней школе, он курировал социальную сферу, при его непосредственном участии строились школы, интернаты, больницы в селах округа (1953); Багадаева Энгельсина Ивановна – первый заместитель главы Усть-Ордынской окружной администрации (1971); Хориноев Алексей Протасович – член Законодательного собрания Усть-Ордынского округа, Председатель окружной Думы (1971); Мантраков Лаврентий Борисович – начальник окружного отдела народного образования (1972) и др.

Значительная часть выпускников работали и работают в образовательных организациях учителями бурятского языка и литературы, русского языка и литературы, истории. По информации Отдела образования округа в конце 1970-х – начале 1980-х гг. потребность в учителях русского языка и литературы на 80% заполнялась только выпускниками отделения бурятской филологии. В округе практически не было школ, где бы ни работали выпускники бурятского отделения. Среди них немало отмеченных государственными наградами, удостоенных почетными званиями – заслуженных учителей РФ, отличников народного просвещения, преподавателей высшей школы.

По данным управления образования Усть-Ордынского округа, только в средних общеобразовательных организациях в настоящее время учителями только бурятского языка и литературы работают около 40 выпускников бурятского отделения: Тобшиноева О. Б. (Тарасинская СОШ), Шадаева Т. М., Башлеева С. И. (Обусинская СОШ), Мантыкова Б. Д. (Бурят-Янгутская СОШ), Спасова Д. М. (Ирхидейская СОШ), Танганова В. Г. (Хоготовская СОШ), Ольхеева И. В. (Корсукская СОШ), Хабаева М. А. (Хадаханская СОШ), Насирова Г. Н. (Нагалькская СОШ). А сколько учителей в округе ведут уроки по русскому языку и литературе и добиваются высоких результатов! – Еремеева Е. А. (Новоидинская СОШ), Бугланова Л. С. (Новонукутская СОШ), Гергенова Р. Б, Мантыкова А. А. (Обусинская СОШ), Жербакова Л. Р. (Майская СОШ), Андреева Т. Г. (Хадаханская СОШ), На-

дырова Л. И. (Осинская СОШ № 1) и др. Среди выпускников бурятского отделения немало учителей русского языка, ученики которых ЕГЭ по русскому языку сдают на высокие баллы. Это такие педагоги, как Габагуева Лидия Ильинична (Осинская СОШ № 1, вып. 1985 г.), Дархаева Эльвира Оболовна (Олойская СОШ, 1985), Даганеева Нелли Владимировна (Хадаханская СОШ, 1983 г.), Манданова Екатерина Николаевна (Осинская СОШ № 2, 1989 г.) и др. Многие выпускники отделения бурятской филологии являются участниками и победителями, лауреатами различных профессиональных конкурсов, инновационных проектов, экспериментальных площадок премий различных уровней: Спасова Дарья Матвеевна («Лучший учитель года России», 2001), Мантыкова Бальжинима Дамдинцыреновна (1980).

Среди выпускников бурятского отделения немало директоров школ, завучей, педагогов-новаторов: Шобоев Кондратий Хадалаевич, выпускник 1962 г., директор Ахинской средней школы, отличник народного просвещения, Заслуженный учитель РФ, школа с 1998 г. носит его имя; Сахаров Владимир Дмитриевич, Багадаев Геннадий Романович, Ханхасаева Людмила Георгиевна, Олохтонова Александра Тимофеевна, Спасова Дарья Матвеевна, Мантыкова Бальжинима Дамдинцыреновна, Хоренова Генриетта Андреевна, Хамгушкеева Анна Геннадьевна и др. Образовательные организации под руководством передовых директоров признаются инновационными, многие входят в реестр ведущих образовательных учреждений России, являются экспериментальными площадками различных УМК, что подтверждает их огромный вклад на благо процветания родного Усть-Ордынского округа.

То, чего добились выпускники бурятского отделения, стало возможным благодаря неустанной, кропотливой, целенаправленной работе всего профессорско-преподавательского коллектива факультета, сумевшего передать глубокие фундаментальные знания своим воспитанникам, научившего их работать добросовестно, честно выполнять свой долг, оставаться преданными своему делу.

В настоящее время на бурятском отделении обучаются более 30 студентов по очной форме бакалавриата и магистратуры. Студенты занимаются по новым учебным стандартам, которые предусматривают углубленное изучение учебных дисциплин. Что касается перспектив бурятского отделения, то, прежде всего, необходимо дальнейшее усовершенствование учебного процесса, разработка новых стандартов. Отделение с оптимизмом смотрит в будущее.

Вместе с тем существует немало проблем. Главная из которых – проблема набора. В последнее время сокращается число бюджетных мест на бакалавриат на профиль – «Филология. Родной язык», в магистратуру во-

обще нет бюджетных мест. Нам с каждым годом все труднее и труднее осуществлять набор студентов на 1 курс. Тому много причин. Во-первых, увеличилась конкуренция в лице высших учебных заведений в Бурятии, где увеличены бюджетные места по нашему профилю. Во-вторых, уменьшение часов на изучение родного языка в школах отбило к нему интерес. В-третьих, отсутствие мотивации у детей и родителей. Многие буряты сегодня перешли на русский язык общения, как в семье, так и в обществе. Несмотря на усилия, предпринимаемые в округе, исправить ситуацию в одночасье невозможно. Поэтому мы хотели бы обратиться в администрацию Усть-Ордынского округа с предложением подумать и принять решение о целевой подготовке учителей бурятского языка и литературы для образовательных организаций. Учительский корпус бурятоведов составляет достаточно возрастную коллектив. Кроме того, учитывая большой опыт факультета по подготовке учителей по двупрофильной направленности, можно было бы проработать вопрос об открытии смешанных профилей: бурятский язык и английский, бурятский язык и китайский, возможно, на первых порах на коммерческой основе. Исходя из современной ситуации с кадрами в образовательных организациях, в условиях жесткой оптимизации, такая работа, на наш взгляд, видится вполне перспективной.

Литература

1. Бурятское отделение Иркутского государственного университета. 2-е изд. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2019. 86 с.

УДК 929.521.1

Хантуев А.А.*

Родословная хроника «Золотого» рода Верхоленских эхиритов после вхождения в состав Русского государства в XVII в.

Аннотация. Рассматриваются вопросы истории бурятского народа на примере родословной хроники руководителей Верхоленского ведомства после вхождения в состав Русского государства и появления у бурят русской письменности. Анализируются архивные документы данного ведомства XVII–XX вв.

Ключевые слова: архивные документы, Верхоленские эхириты, патронимия, родословная, 1-й Абазаевский род.

Khantuev A.A.

Bloodline Chronicles of the «Golden» Kin of the Upper Lena Ekhirit after the Incorporation into the Russian State in the 17th Century

Abstract. Article documents the history of the Buryat people on the example of the genealogical study of the leadership of the upper Lena administrative department (Verkholenskoe inorodnoe vedomstvo) after the incorporation into the Russian state and the adoption of the Russian (Cyrillic) script. The archival records of the department from the 17th to the 20th centuries are analysed.

Keywords: archival documents, upper Lena Ekhirits, patronymy, ancestry, the 1st Abazai kin.

Президент России сказал, что патриотизм – это наша национальная идея. Но патриотизм – это не только любовь к Родине, но и хорошее знание истории своего государства, региона, района, улуса и деревни. В последнее время значительно вырос интерес к истории, особенно к истории своей малой родины «тоонто нютаг» (села, улуса, района, рода и племени), к её «белым» страницам. Многие желают знать истинную историю своего края не только по легендам и преданиям, как было ранее, но и по архивным документам. Хорошим тоном должно считаться знание своих предков до 7–9 поколений, умение восстановить и проверить по архивным документам родословную своего малого рода – патронимию (греч. *patronymía* – произошедшие от одного предка).

* Хантуев Анатолий Александрович, краевед-генеалог предбайкальских бурят, почётный член Иркутского областного общества «Родословие», действительный член ИОО РГО (Иркутское отделение), лауреат XIV Международного бурятского фестиваля «Алтаргана-2020». E-mail: aakhantuev@mail.ru.

В настоящей статье представлены результаты большой работы по восстановлению истории Верхоленских бурят, которую невозможно рассматривать вне объективной истории развития всего Байкальского региона в XVII–XVIII вв.

До прихода русских письменности у предков бурят Предбайкалья не было (по крайней мере ни одного документа не сохранилось). С вхождением Байкальского региона в состав Русского государства в XVII в. появилась русская письменность. При Петре I с 1718 г. начались переписи населения, которые тогда назывались «ревизскими сказками». До 1857 г. их было десять. Эти документы необходимо использовать при составлении родословных.

Буряты раньше всегда были сильны своей изустной историей, благодаря которой мы знаем, что наш народ состоит из четырёх племён: *булагаты*, *эхириты*, *хори* и *хонгодоры*, которые до настоящего времени носят имена своих легендарных предков – Булагата, Эхирита, Хоредоя и Хонгодора. Булагат считается старшим братом Эхирита. Кроме этих, основных племён совместно с бурятами живут роды, вышедшие из Монголии и Джунгарии [1, с. 9; 6]. Предки бурят издавна являются насельниками Байкальской территории (древнее название – Баргуджин-Токум), которая с конца 1-го тысячелетия до н.э. и вплоть до XVII в. находилась в зоне влияния, по очереди, хунну, Тюркского и Кыргызского каганатов, Монгольского государства. Байкальский регион был северной окраинной частью средневековой Монголии.

В XVII в. определился путь дальнейшего цивилизационного развития народов Сибири, в т.ч. и бурят. События, произошедшие в Центральной Азии и южной Сибири в середине и конце этого века, сильно повлияли и изменили судьбу нашего края, который при определённых обстоятельствах мог попасть и в состав Китая: если бы русские первопроходцы, двигавшиеся на восток от Енисейска малыми силами, начали движение не с 1628 г., а только к концу XVII в., то граница между Китаем и Россией могла бы проходить в другом месте. России благоволила историческая удача! Немного об этом.

В 1634 г. умер потомок Чингис-хана – *Лигдэн-хан*, 1588–1634 гг., который был последним великим ханом династии «Северная Юань». Монгольское государство («Халха», «Монгол улс» или «Северная Юань») раздробилось. Потомки Чингис-хана в Монголии в то время делились на 3 ветви по старшинству: «Дзасагту-ханы» (запад), «Тушету-ханы» (центр) и «Сэцэн-ханы» (восток). Буряты Предбайкалья являлись территориально вассалами и платили ясак (налог) младшей ветви «Дзасагту-ханов» – хотогойтскому Алтан-хану (территория совр. Хубсугульского аймака Монголии).

Предбайкальскую часть территории бурят присоединяли к России каза-чьи отряды, которые шли из Енисейского и Красноярского острогов вместе

со стрельцами, промышленными и торговыми людьми, активно занимавшими и осваивавшими территорию Восточной Сибири путём сбора ясака и строительства форпостов – острогов, главными из которых в Предбайкалье являлись: **Киренский** (построен в 1630 г. казачьим десятником Василием Еромолаевичем Бугром); **Братский** (в 1631 г., у Падунского порога на Ангаре (первое время все остроги назывались братскими), казачьим пятидесятником Максимом Перфильевым); **Верхоленский** (в 1641 г., на правом берегу Лены в четырёх верстах от устья Куленги, казачьим пятидесятником Мартьяном Васильевым); **Балаганский** (в 1654 г., напротив Осинского (Хангинского) острова на левом берегу Ангары на Унге, сыном боярским Дмитрием Поздеевичем Фирсовым (приёмным сыном Максима Перфильева)); **Иркутский (Яндашский)** (в 1661 г., напротив впадения Иркуты в Ангару на Верхоленской стороне (по просьбе сойотского князца Яндаша в декабре 1660 г. для защиты от притеснений красноярских казаков и по распоряжению енисейского воеводы Ивана Ивановича Ржевского), сыном боярским Яковом Ивановичем Похабовым). Эти остроги, вместе с забайкальскими, образовали сеть военных укреплений, обеспечивавших контроль над территорией Байкальского региона, скоро они стали административно-политическими и торгово-экономическими центрами.

Ещё до прихода русских в начале XVII в. из Баргузинской долины ушло монголоязычное племя **баргутов**, которые в дальнейшем расселились на землях «Сэцэн-ханов» в восточной Монголии и Китае.

Западные монголы – ойраты в 1635 г. образовали сильное централизованное **Джунгарское ханство**, когда глава племени чорос Батур-хунтайджи объединил ойратские племена. Напомним, что в 1207 г. наши предки в Байкальском регионе, входившие в состав Ойратского племенного союза как «лесные народы» Шихшита, вошли в империю Чингис-хана, подчинившись войскам его старшего сына Джучи. Это были ойраты, буряты, баргуты, бархуны, урсуты, хабханасы, ханхасы, тубасы, кыргызы. Современные потомки ойратов в России – **калмыки**.

К 1636 г. **чжурчжени из Манчжурии** (среднее течение Амура) образовали «империю Цин» и начали завоевание Китая («империя Мин»), которое длилось до 1683 г. Маньчжурский Китай просуществовал почти до Первой Мировой войны.

В 1680-х годах в Халхе началась междоусобная борьба за власть.

Чуть ранее, в 1671 г. правителем Джунгарского ханства стал **Галдан Бошогто-хан («благословенный»)**, 1644–1697 гг. В 1688 г. он вторгся в Халху, чтобы объединить всю Монголию, но «Тушету-хан» Чихуньдорж, проиграв ему сражения, вынужден был обратиться за помощью к цинскому императору **Канси**. Кстати, в архивных документах зафиксировано, что иркутский воевода **Леонтий Кислянский** 04.07.1689 г. принимал посланцев Бошогто-хана.

В этом же 1689 г. *Фёдором Алексеевичем Головиным*, 1650–1706 гг., был заключён *мирный Нерчинский Договор* между Русским царством и Манчжурским Китаем (империя Цин), который впервые определил отношения и границу между двумя государствами.

В следующем 1690 г. началась ойратско-манчжурская война. В 1691 г. началось постепенное юридическое оформление вхождения Северной Монголии (Халхи) в состав Манчжурского Китая. К 1697 г. Галдан Бошогто-хан войну проиграл, т.к. против него была выставлена миллионная армия Китая, а из Джунгарии не было поддержки. В составе Цинской империи территория Внешней Монголии представляла собой отдельное имперское наместничество, поделённое на четыре ханства (аймаки Дзасагту, Сайн-ноён, Тушету и Сэцэн) и пограничный Кобдоский округ на западе. Таким образом Монголия потеряла свой суверенитет до 1911 г.

Во второй половине XVII в. из-за гражданской войны в Монголии часть населения из Халхи, Южного и Монгольского Алтая перебрались в Байкальский регион под покровительство России, образовав различные этнические роды и группы среди местного населения.

К концу XVII в. территория северной Монголии (Предбайкалье и Забайкалье) вошла в состав Русского государства. В 1708 г. была создана *Сибирская губерния* с центром в Тобольске, в состав которой входила вся Сибирь и приуральская часть Европейской России. Одной из пяти провинций губернии была – *Иркутская*, в состав которой входили буряты.

С 1720 г. началось научное исследование Сибири, в том числе родоплеменного строя бурят. Первыми учеными в Сибири были немцы, связавшие свою жизнь с Россией: *Даниэль (Даниил) Готлиб Мессершмидт*, 1685–1735 гг., руководитель первой научной Сибирской экспедиции в 1720–1727 гг., организованной по указу Петра I от 05.11.1718 г., немецкий медик и ботаник, родоначальник русской археологии, открыл петроглифы; *Миллер Герард Фридрих (Фёдор Иванович)*, 1705–1783 гг., русско-немецкий историограф, естествоиспытатель и путешественник, исследовал Сибирь с 1733 г. до 1743 г., написал научный труд «История Сибири»; *Иоганн Георг Гмелин*, 1709–1755 гг., немецкий естествоиспытатель на русской службе, врач, ботаник, этнограф, путешественник, исследователь Сибири и Урала. Среди русских участников академических экспедиций XVIII в. наиболее значимой фигурой является *Степан Петрович Крашенинников*, 1711–1755 гг., русский ботаник, этнограф, географ, путешественник, исследователь Сибири и Камчатки, автор знаменитой книги «Описание земли Камчатки», ровесник М.В. Ломоносова.

Изначально, с момента колонизации Сибири, царское правительство не разрушало общественную организацию коренных народов. В середине XVIII в. буряты (после исследований учёных) были разделены на инородные ведомства (всех нерусских в России называли инородцами) *по родопле-*

менному признаку для удобства администрирования и сбора ясака (налога). Были образованы инородные ведомства, которые затем преобразовались в степные конторы и думы: в Предбайкалье – *Аларская, Балаганская, Верхоленская, Идинская, Кудинская, и Тункинская*; в Забайкалье – *Баргузинская, Кударинская, Селенгинская и Хоринская*. В дальнейшем из Верхоленской и Хоринской выделились соответственно *Ольхонская* и *Агинская* думы [7, с. 16–17].

В начале XVII в. территория, на которой проживали *Верхоленские эхириты*, была огромной. *Верхоленский братский острог* был поставлен русскими в непосредственной близости от кочевий бурят [4, с. 46] в месте впадения р. Куленги в р. Лену. Северная граница ареала расселения эхиритов проходила от устья р. Куленги до оз. Очеуль на Малой Анге. Южная граница проходила по современным населенным пунктам Гаханы (Эхирит-Булагатский район) и Ользоны (Баяндаевский район), восточная – до острова Ольхон.

Из бурятских изустных преданий известно, что основными потомками *Эхирита* были: *Хэнгэлдэр, Алагтай, Шоно и Худагсаган*, потомки которых, в свою очередь, проживали в XVII в. в бассейне верхнего течения реки Лены и её притоков: Куленги, Манзурки, Анги, на западном побережье озера Байкал, на острове Ольхон, по долинам рек Ходонца, в верховьях Куды и Мурина. От них пошли основные эхиритские роды: *хэнгэлдэровский, шоноевский, абазаевский, баяндаевский, ользоновский, буровский* [3, с. 22].

От *Хэнгэлдэра* произошли – хэнгэлдэровский и буровский роды; от *Алагтая* – большой и малый абазаевские роды; от *Шоно* – большой и малый шоноевские роды; от *Худагсагана* – баяндаевский и ользоновский роды.

Первые русские землепроходцы появились на земле Прибайкалья в начале второй четверти XVII в. Поначалу это было «мирное» покорение бурятской земли П. Бекетовым. В дальнейшем же наблюдалось «излишнее» налогообложение Енисейскими и Красноярскими казаками, а также монгольскими сюзеренами. Всё это привело к вооружённому сопротивлению. Сороковые годы этого же столетия были отмечены решительным продвижением русских отрядов, несмотря на отчаянное сопротивление бурят, вверх по Ангаре и Лене... [6, с. 56, 103]. Но силы были неравными – у русских было огнестрельное оружие, у бурят же только лук и стрелы. В конце марта 1641 г. русские неожиданно окружили улус потомка Шоно и безоговорочного лидера верхоленских эхиритов того времени *Чепчугея (Шептохоя) Бурлаева*, которого они застали врасплох, его юрта была подожжена, но он не сдался, отстреливался до последнего и сгорел заживо вместе со своим старшим сыном. В июне 1641 г. был убит его брат *Куржум Бурлаев*. В 1645 г. якутским воеводой Петром Головиным были приговорены к смерти потомки

Хэнгэлдэра – *Булуй*, брат его *Бура* (заочно), кудинский ашибагат *Чекар* (все с отсрочкой приговора под угрозой полного уничтожения. «Статейная речь» якутского воеводы Петра Головина). В дальнейшем они были помилованы, но всё это привело к переселению предков буровского рода с Лены и Анги в верховья Куды.

Немного о Иване Похабове: в 1642 г. новгородец Иван Похабов прибыл в Енисейский острог в чине сына боярского из Москвы. С 1644 г. до 1659 г. служил в Прибайкалье, был приказчиком Братских нижнего и верхнего острогов, т.е. Братского и Балаганского. Согласно материалам Иоганна Эбергарда Фишера (1697–1771 гг., исследователь Сибири), в 1739–1748 гг. во время своего управления И. Похабов проявил «беспокойный и сердитый нрав». На него писали челобитные и буряты, и казаки, и пашенные крестьяне. В 1658 г. из-за его жестокого правления бежали в Монголию все буряты с Унги, Осы и Оки. Балаганские буряты шли через Белую, Китой и верховья Иркуты. Окинские беглецы – через верховья Оки, Ии в Танну-Тувинский край к озеру Косогол (А. П. Окладников). В своих песнях и преданиях буряты называли И. Похабова «Багаба-ханом». В 1659 г. ясак в Балаганском остроге никто не платил. Многие вернулись обратно только после 1684 г. Верхоленские и Кудинские буряты вели отдельные военные действия до 1680 г.

Всю бесперспективность неравной вооруженной борьбы одним из первых понял исключительно умный и дальновидный потомок *Алагтая* и *Хонтора Наитужева* из 1-го Абазаевского рода – большой шаман *Олинга Бойрдов* [3, с. 62]. Он собрал суглан (собрание) верхоленской знати, на котором было принято решение о прекращении вооружённого сопротивления и начале переговоров с русскими о признании власти белого царя. После успешной поездки в Верхоленский острог *Олинга* получил от русской власти право на управление бурятским народом Верхоленья. Это произошло в восьмидесятых годах XVII в.

В дальнейшем же буряты совместно с русскими отражали нападения монголов в Предбайкалье и Забайкалье. Примером этому служат следующие указы Иркутского воеводы:

«1688 г. марта 7. Указная память иркутского воеводы стольника *Алексея Синявина* иркутскому толмачу *Михайлу Епифанову* и казаку *Ивану Белобородову* ехать им в братские улусы на реки Китой и Белую и привести в Иркутск 150 вооруженных бурят».

«1688 г. марта 8. Указная память иркутского воеводы *Алексея Синявина* приказчику Верхоленского острога сыну боярскому *Евдокиму Кудрякову* о немедленной посылке отряда *Верхоленских бурят* в Ильинскую слободу за Байкал в распоряжение полковника *Федора Скрыпицына* для выручки Селенгинского острога».

Олинга Бойрдов (дабы не совмещать свою религиозную деятельность с административной) через несколько лет добровольно передал своё право

руководить *бурятами Верхоленья* с согласия русских властей на общеэхиритском суглане своему родственнику, потомку Бадая Наитуюева, *Барлуку Турухаеву*.

Поговорим *о 1-м Абазаевском роде*. По преданиям *Алагтай* имел одного сына – *Амара*. После ранней смерти Алагтая его жена *Абазай* родила внебрачного сына *Абая*. Их стали называть *абазаевскими сыновьями* по имени матери Абазай, так как они воспитывались без отца. От Амара пошёл большой, или *1-й Абазаевский род*, от Абая – малый, или *2-й Абазаевский род* (эти роды расселены на территории современного Баяндаевского района Иркутской области).

Традиционная легендарная родословная *1-го Абазаевского рода* выглядит так: *I поколение. Буха-нойон. II. Эхирит. III. Зонхи. IV. Хэрхэн. V. Алагтай (жена – Абазай). VI. Амар*. Сыновья Амара: *VII. Наита* и его братья – *Эмхэ, Асой и Осой* проживали в бассейнах рек Унгура и Ходонца. Сыновья Наиты: *VIII. Аран, Бадай, Молой, Хонтор, Сальхан, Тора, Ебожин, Моихон* и племянник *Тылге* (его сын – *Сальша Тылгеев, предок Хоройских и Бахайских улусов*).

С этого времени до начала XX в. Верхоленским ведомством руководили потомки сыновей *Бадая и Сальхана Наитуюевых* из улусов Токский-1, Токский-2 и Шутхалун, а также один из потомков *Сальша Тылгеева* из улуса Бахай-2. Все они относились к *1-му Абазаевскому роду*, который мы вправе сегодня называть *«золотым» родом верхоленских эхиритов»*.

В данной статье восстановлена по архивным документам ГАРБ и ГАИО генеалогическая хронология руководителей (главных шуленг и тайшей) Верхоленского ведомства (ВВ), Верхоленской степной конторы (ВСК), Верхоленской степной думы (ВСД) – все они происходили из 1-го Абазаевского рода. Эти сведения помогут восстановить более чем трёхсотлетнюю родословную историю современного Баяндаевского района Иркутской области – исследования в этом направлении автором настоящей статьи ведутся по просьбе мэра *Анатолия Прокопьевича Табинаева*.

Руководители – главные родоначальники Верхоленских бурят с конца XVII в.:

1. Олинга Бойрдоев, ок. 1640 г.р., первый главный шуленга Верхоленских бурят. Его потомки образовали улус Бортой. Современные потомки Олинги Бойрдовой из Бортоя – *Алтаевы, Бутухановы, Зудаевы, Казаковы, Мангутовы, Мардаевы, Номогоевы*. По монгольскому традиционному обычаю, которого монголы придерживаются до сих пор, фамилия бурята указывалась по имени его отца вплоть до начала XX в. Этот древний обычай перестал действовать с началом общероссийской волостной реформы 1912 г.

2. **Барлук Турухаев**, ок. 1670 г.р., был главным шуленгой примерно до 1740 г. (сын Турахи Бадаева, улус Токский). «*Первым тайшой Верхоленья*» его назвал народный краевед верхоленских бурят – *Мангутхан Маласагев*, 1867–1930 гг. (из улуса Шонтой 1-го Абазаевского рода). Современные потомки Барлука Турухаева: *Абзаевы, Бороевы, Имигеевы, Манжуевы, Халтакишиновы, Халтыгеевы* (улус Балтагуй), *Омбоевы, Степановы, Халбаевы* (улус Токский-1). Его брат: *Банай Турухаев*, ок. 1675 г.р. Современные потомки Баная Турухаева: *Казаковы, Табинаевы, Тапхаровы, Хандаровы* (улус Токский-2 или Молой).

3. **Малка Барлуков**, ок. 1700 г.р., главный шуленга ВИБ (улус Токский-1). Должность главного шуленги в то время передавалась по наследству от отца к сыну, и не всегда к старшему. Его старшие братья: *Баран Барлуков* (современные потомки – *Бороевы* из Балтагуя) и *Балтуй Барлуков* (современные потомки – *Халтакишиновы* из Балтагуя).

4. **Чохон (Шухан) Малкин**, 1726–1789 гг., главный шуленга ВИБ, был в 1765 г., до 1772 г. (улус Токский-1. Современных потомков нет). Его брат – *Мухай Малкин*, 1727 г.р. (улус Токский).

5. **Имьй Мухаев**, 1747 г.р., главный шуленга ВИБ с 1772 г. до 1782 г. (сын Мухая Малкина, улус Токский-1. Современные потомки – *Степановы*).

6. **Убугун Тухаев**, 1728–1789 гг., главный шуленга ВСК с 1782 г. до 1788 г. (потомок Сальхана Наитугева, улус Шутхалун. Современные потомки – *Александровы, Борсоевы, Номоевы*).

7. **Ертагар Чохонов**, 1760–1813 гг., главный шуленга ВСК с 1788 г. до 1802 г., с 1800 г. – главный тайша ВСК (улус Токский-1).

8. **Имыген Абагалов**, 1761–1815 гг., главный тайша ВСК с 1802 г. до 1808 г. (потомок Баная Турухаева, улус Токский-2 или Молой. Современные потомки – *Казаковы, Табинаевы, Тапхаровы*).

9. **Питон Имыев**, 1774 г.р., главный тайша ВСК с 1808 г. до 1818 г. (сын Имыя Мухаева, улус Токский-1).

10. **Александр Ертагаров**, 1798–1830 гг., главный тайша ВСК с 1818 г. до 1824 г., с 1824 г. – главный тайша ВСД (внук Чохона Малкина, улус Токский-1. Современных потомков нет).

11. **Бутухан Хунгеев**, 1788–1840 гг., главный тайша ВСД с 1830 г. до 1840 г. (потомок Барлука Турухаева, улус Токский-2. Современные потомки – *Халбаевы*).

12. **Матвей Бутуханов**, 1803–1875 гг., главный тайша ВСД с 1840 г. до 1860 г. (улус Токский-2).

13. **Александр Номоев**, 1827–1866 гг., главный тайша ВСД с 1860 г. до 1866 г. (потомок *Сальхана Наитугева*, улус Шутхалун).

14. **Бабай Орхоков**, 1840 г.р., главный тайша ВСД с 1866 г. до 1878 г. (потомок Сальша Тылгеева, улус Бахай-2. Современных потомки – *Алексеевы*).

15. Степан Александров, 1851–1910 гг., главный тайша ВСД с 1878 г. до 1885 г. (потомок Сальхана Наитуева, улус Шутхалун).

16. Осип Степанов, 1851 г.р., главный тайша ВСД с 1885 г. до 1889 г. (потомок Барлука Турухаева и Имыя Мухаева, Токский-1, первый голова Хоготовской инородной управы с 1889 г. до 1892 г. Современные потомки – **Степановы**).

С 1889 г. головами и выборными *Хоготовской инородной управы (ХИУ)* были представители только 1-го Абазаевского рода.

В заключении можно сказать, что доминирование кочевых сообществ, насчитывавших практически полтора тысячелетия, завершилось распадом Монгольской империи в XVII в. Продвижение казаков в Сибирь в XVI в., в начальный период носившее спонтанный и стихийный характер, в дальнейшем приобрело состояние продуманной политики освоения Русским царством громадной территории. Присоединение территории этнической Бурятии к России шло в течение целого столетия. В сложных геополитических условиях бурятские племена сделали исторический цивилизационный выбор, определив свое развитие в рамках Российского государства, которое опиралось на положительные отношения с местными этническими объединениями. Это коренным образом отличает Россию от стран Запада, чьи колониальные завоевания сопровождались геноцидом местного населения.

Буринский и Кяхтинский договоры 1727 г., зафиксировав закрепление Байкальского региона за Русским государством, завершили процесс присоединения Бурятии к России. Усилилась охрана русско-китайской границы на всем ее протяжении. Вместе с русскими буряты и эвенки охраняли пограничные земли, которые для них были «породными». Русский посол С.Л. Владиславич-Рагузинский дал высокую оценку действиям бурят на пограничной службе: «Служат верою России, не уступая природным россиянам». В состав России вошла большая территория со значительным по тому времени населением и богатыми природными ресурсами. Присоединение Бурятии к России имело историческое значение для нашего народа, т.к. в это время монголоязычное население Предбайкалья и Забайкалья не представляло собой единый народ, его консолидация только начиналась и была скорректирована появлением мощного русского фактора, который способствовал развитию нового витка этногенеза бурят.

В течение длительного периода Российское государство сохраняло бурятские административно-государственные ведомства и национальное самоуправление. В 1822 г. была проведена реформа управления в Сибири. Правительством по проекту М.М. Сперанского были утверждены «Учреждения для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев» и др. законоположения. Степные думы вели учет населения, составляли статистические сведения о количестве скота, посевах, сенокосении,

урожае хлебов, производили раскладку денежных сборов и распределение повинностей внутри ведомства, учет доходов и расходов общественного имущества, ведали вопросами землепользования, рассматривали дела о калыме, долговых взысканиях, потравах посевов и покосов, мелких кражах. В центре внимания степных дум находились вопросы вероисповедания, организация и работа учебных заведений, проблемы здравоохранения, соблюдение народных обычаев и традиций.

Таким образом, Российское государство не только сохраняло, но и совершенствовало местное самоуправление бурят. В рамках Российского государства бурятские племена завершили свою консолидацию в бурятскую народность со своим языком и культурой, которые мы обязаны сохранить для будущих поколений. Вопрос о том, кем бы мы были в составе Манчжурского Китая, остаётся открытым.

Таким образом, в начале XVII в. в Байкальском регионе имелось три сценария трансграничья: *манчжурский, русский и бурят-монгольский*, которые сошлись во времени и пространстве, и объективное развитие исторических событий завершилось присоединением Бурятии к Российскому государству.

Литература и источники

1. *Балдаев С.П.* Родословные предания и легенды бурят. В 2 ч. Ч.1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2009. 375 с.
2. ГАРБ. Ф. 4. Верхоленская степная дума; Ф. 460. Верхоленская степная контора.
3. *Дырхеев П.С.* Верхоленские буряты. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. 263 с.
4. *Нанзатов Б.З.* Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение: моногр. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.
5. *Нанзатов Б.З.* Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). Иркутск: [б.и.], 2005. 160 с.
6. *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Улан-Удэ: НоваПринт, 2014. 512 с.
7. *Хантуев А.А., Хантуева Е.А.* Родословные кудинских бурят (по архивным материалам Кудинского бурятского ведомства XVIII–XX вв. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 284 с.

Участие иркутских губернаторов в осуществлении инородческой политики во второй половине XVIII – начале XIX в.

Аннотация. В статье дается анализ деятельности иркутских гражданских губернаторов второй пол. XVIII – начала XIX в. в сфере управления коренным населением Восточной Сибири, выявляются основные направления инородческой политики российского самодержавия в указанный период. Делается вывод о том, что мероприятия, инициируемые руководителями Иркутской губернии, являлись продолжением правительственного курса Российской империи, сочетавшего как стремление приобщить коренные народы Сибири к «цивилизации», так и попытку учесть региональную специфику края.

Ключевые слова: история государственного управления, Иркутская губерния, гражданские губернаторы, инородческая политика, коренные народы Сибири.

Nikiforov A.L.

Irkutsk State University

Participation of Irkutsk Governors in the Implementation of Indigenous Policy in the Second Half of the 18th – Early 19th Century

Abstract. The article analyzes the activities of Irkutsk civil governors of the second half of the XVIII – early XIX century in the field of management of the native population of Eastern Siberia, reveals main directions of the of the Russian autocracy in this period. It is concluded that the measures initiated by the heads of Irkutsk province were a continuation of the government course of the Russian Empire, which combined both the desire to introduce them to “civilization” and an attempt to consider the regional specific of the land.

Keywords: history of public administration, Irkutsk governorate, civil governors, indigenous policy, the native peoples of Siberia.

Управление коренными народами Сибири и упорядочение взаимоотношений с ними на протяжении многих веков относились к числу важнейших задач российского самодержавия. Закрепившись на громадных пространствах северо-восточной Евразии, русское государство, опиравшееся, главным образом, на православную земледельческую общину, столкнулось с необходимостью властвовать над немалочисленным, но пестрым конгломератом народов, значительно отличающихся по своему этноконфессиональному составу и хозяйственному укладу от населения исторического центра страны. Решение «инородческого вопроса», т. е. поиск наиболее эффективных

* Никифоров Александр Леонидович, аспирант кафедры истории России исторического ф-та Иркутского государственного университета. E-mail: Alex-Nikifor97@yandex.ru

способов интеграции коренных народов в общероссийское хозяйственно-экономическое и культурное пространство, а также непосредственное управление «инородцами» в соответствии с действующим законодательством и управленческими практиками ложилось на плечи не только центрального правительства в Москве или Петербурге, но и региональную администрацию, возглавляемую губернаторами.

Феномен «инородческой политики» исследовался, в той или иной степени, на всех этапах отечественной историографии. В дореволюционный период этот аспект государственной политики получил освещение в работах представителей сибирского «областничества», таких как С. С. Шашков [13], Н. М. Ядринцев [14]. Названные авторы, однако, изучали положение инородцев лишь в более широком контексте вопросов колонизации и организации управления Сибирью, кроме того, для их исследований был характерен достаточно односторонний подход в оценке влияния русской цивилизации на коренные народы региона, постулировался тезис о постепенном их вымирании.

В советский период изучение истории народов Сибири и их положения в российском государстве позволило создать более объективную картину взаимоотношений государства и инородческого населения региона. Исследование социально-экономического развития бурятского этноса, в частности, осуществлялось такими историками как Ф. А. Кудрявцев [10], Е. М. Залкинд [6]. В то же время господство марксистско-ленинской методологии вносило свои коррективы в работы этих авторов, заставляя акцентировать излишнее внимание на негативных сторонах политики «царизма» по отношению коренным народам Сибири, что несколько затрудняло понимание эволюции правительственного подхода к решению «инородческого вопроса».

Новейший этап российской историографии открыл возможности для более комплексного изучения государственной политики Российской империи на национальных окраинах страны, к которым относилась, конечно, и Сибирь, которую населяли десятки различных народов и этносов. Проблеме «окраинной политики» посвящены работы А. В. Ремнева [12], Л. М. Дамешека [4, 5, 12], И. Л. Дамешек [4, 5]. На основе широкого компаративного анализа правительственных мероприятий Российской империи на нерусских окраинах страны Л. М. Дамешек и И. Л. Дамешек была сформулирована концепция «имперского регионализма», вносящая заметный вклад в изучение особенностей инородческой политики самодержавия и понимание ее сущности.

Помимо исследований, непосредственно посвященных тому, как российская администрация управляла инородцами, при написании статьи были использованы исторические труды, раскрывающие историю и социально-экономическое положение ряда коренных народов Восточной Сибири.

И, поскольку данная статья фокусируется, в соответствии с тематикой конференции, прежде всего, на бурятах Прибайкалья, то в перечне этих работ необходимо выделить трехтомную «Историю Бурятии», а именно второй том, посвященный истории данного этноса с XVII по начало XX вв. [8].

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты Российской империи, регулирующие порядок управления инородцами Сибири, в частности, «Инструкции» 1728 и 1763 гг., а также статистические издания, например «Описание Иркутского наместничества 1792 года» [11].

В XVII – нач. XVIII в. аборигенная политика Русского царства в Сибири все еще базировалось на традициях, заложенных Московским государством при контактах с нерусским населением Урала и Поволжья, и, во многом, золотоордынских практиках. В основе такой политики лежала система «кыштымства», т. е. данничества, при котором подчиненный, «слабый» народ обязан был предоставлять определенные блага «сильному» народу, народу-покорителю. Основным проявлением этой зависимости являлся ясак, взимаемый, главным образом, в виде меха животных пушного промысла (пушныни). Подобная система взаимоотношений была хорошо известна многим народам Сибири, в разное время являвшимся данниками монгольских и тюркских держав Позднего Средневековья. Данное обстоятельство обеспечило относительно спокойное подчинение местных народов посланникам русского царя в лице казаков и служилых людей.

Первые нормативные акты царского правительства практически не затрагивали внутренние отношения «иноземцев», и касались, по преимуществу, сбора ясака. Однако в XVIII в., когда Сибирь была усмирена и надежно соединена с Россией, на смену представлению о местном населении как о «иноземцах», проживающих на земле, ставшей собственностью русского государя приходят новые взгляды. Первоначально это была идея «регулярного государства», которую активно внедрял Петр I. Согласно ней, у каждой категории населения должна была быть своя роль в отлаженном общественно-политическом механизме.

В ходе податной реформы 1724 г. сибирские ясачные люди были формально причислены к категории государственных крестьян, и помимо уплаты ясака на них стали распространяться иные денежные и натуральные повинности в пользу казны. Сам ясак меняет свою юридическую сущность, превращаясь из дани с покоренных племен в особую форму налога. Это была одновременно и государственная подать, и феодальная рента в пользу владельца угодий, где вели свой промысел местные племена и народы – российского монарха [9, с. 130].

Изложенная выше картина совершенно справедлива, разумеется, и для бурят. Территория расселения бурятских племен (этногенез бурят, как предполагают современные исследования, посвященные данному этносу, завершился уже XVIII в. [8, с. 554]) была присоединена к Московскому государ-

ству в течение вт. пол. XVII в. Финальную точку в разграничении русских и китайских владений в Восточной Сибири поставил Буринский трактат, заключенный между Российской и Цинской империями в 1727 г., который в современной бурятской историографии рассматривается как акт окончательного присоединения Бурятии к России [7, с. 23; 8, с. 544]. Согласно этому договору, все племена, кочевавшие вдоль границы, были признаны подданными того государства, на территории которого они находились в момент заключения трактата.

Прямым следствием Буринского договора стала «Инструкция пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву, составленная графом С. Л. Владиславичем-Рагузинским 22 июля 1728 г. Первоначально данная инструкция касалась лишь вопросов управления пограничными бурятскими и монгольскими племенами. Однако в действительности она распространилась на все коренное население Восточной Сибири. В соответствии с данной инструкцией из ведения бурятских родовых властей были изъяты так называемые «криминальные» дела, расправа по «малым» делам оставалась в компетенции родоначальников. Род становился основной административной, хозяйственной и налоговой единицей, переход из рода в род ограничивался.

Постепенная европеизация, модернизация и бюрократизация российского государства, а также взятые на вооружение российским самодержавием идеи Просвещения, привели к заметному изменению аборигенной политики в Сибири во вт. пол. XVIII в. Сибирские народы стали рассматриваться как «дикие» племена, которые необходимо просвещать и приобщать к цивилизации. По замечанию Н. М. Ядринцева, Екатерина II смотрела «на Сибирь, как на инородческую колонию и русскую Индию, где необходима либеральная колониальная политика» [14].

Некоторое повышение статуса сибирских «иноземцев» в сторону признания их полноценными подданными империи нашло выражение в предоставлении им права избрания депутатов в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. На смену понятию «иноземцы» приходит слово «иноверцы», а в конце XVIII столетия возникает еще один термин – «инородцы». Данное определение использовалось в Российской империи на официальном уровне вплоть до 1917 г.

Изменение положения коренного населения Сибири было обусловлено, конечно, не только политическими, но и экономическими причинами. Ко второй половине XVIII в. значение натурального ясачного сбора начинает падать, и аборигенное население Сибири перестает рассматриваться центральным правительством как исключительно поставщики пушнины. На первый план выходит развитие сельского хозяйства и торговли. Эта тенденция отражала не только требования российского самодержавия, но и потребности развития аборигенов Сибири, в хозяйстве которых наблюдалось

постепенное, но неуклонное падение удельного веса охоты и пушного промысла, а также усиление товарно-денежных отношений.

Относительно бурят Прибайкалья можно сказать, что они исторически были более активно втянуты в торговые отношения, чем эвенки (тунгусы) и другие народы, населяющие северные части региона. Сказывались тесные связи с Монголией, чьи купцы посещали земли предбайкальских бурят вплоть до первой трети XVIII в. Сбор ясака именно в денежном эквиваленте был характерен для большинства бурят Прибайкалья уже в начале XVIII в. [6, с. 196]. Бурятское земледелие, находившееся на довольно низком уровне в XVII в., получает заметный толчок в развитии в XVIII в. и к середине столетия уже превращается в товарную отрасль хозяйства, важную не только для бурят, но и для Иркутской губернии в целом.

Итак, под влиянием многих факторов «инородческая» политика российского государства в Сибири становится более комплексной и сложной. В ней можно выделить три основных направления: а) повышение эффективности сбор ясака и других податей; б) организация управления, которое учитывало бы и устремления русской администрации, и интересы правящей верхушки инородческих племенных союзов; в) постепенная христианизация инородческого населения.

Хотя пальма первенства в подготовке положений инородческой политики принадлежала, несомненно, государству в целом, немалую роль в ее разработке, а тем более осуществлении играли региональные власти в лице сибирских губернаторов. Закон позволял им выносить на рассмотрение правительства разнообразные предложения и меры, касающиеся данной сферы управления. Кроме того, в их подчинении, непосредственном или опосредованном, находились все коренные народы региона. Большинство прошений с мест направлялось, прежде всего, в губернские города. Губернские правления перенаправляли те или иные дела в вышестоящие органы власти, либо рассматривали их самостоятельно. Таким образом, руководители сибирских губерний не могли остаться в стороне от участия в решении «инородческого вопроса».

В данной статье мы рассмотрим деятельность губернаторов Иркутской губернии вт. пол. XVIII – XIX вв. в сфере инородческой политики, оставив при этом за скобками роль генерал-губернаторов Иркутского наместничества (1783–1797 гг.) и Сибирского генерал-губернаторства (1803–1821 гг.), а в отношении коренных народов Прибайкалья сделаем упор на положении бурятского населения региона.

Иркутская губерния как самостоятельная административная единица была учреждена в 1764 г. Важно подчеркнуть, что ее первоначальная территория выходила далеко за рамки Прибайкалья и Приангарья, и охватывала все владения Российской империи к востоку от Енисея, вплоть до Тихого океана и границы с Китаем. Таким образом, в ведении губернского правле-

ния находилось большое количество ясачных инородцев – буряты, якуты, тунгусы и т. д. Общее число инородческого населения этой обширной территории в конце XVIII в. исчислялось 213 410 душами обоего пола, из которых наиболее многочисленную группу составляли буряты – 97 703 человека (45%) [11, с. 49].

Создание новой губернии совпало по времени с первой ясачной комиссией, стартовавшей в 1763 г. под руководством секунд-майора А. Л. Щербачева. Эта комиссия провела перепись сибирских «иноверцев» и установила новый оклад для сбора ясака, впервые регламентировав возраст плательщиков ясачного сбора – с 18 до 50 лет [5, с. 170–171]. При этом упразднился институт ясачных сборщиков, а сбор ясака и прочих податей возлагался на родоначальников (тайшей, зайсанов, шуленг и пр.), чьи функции регламентировались. Подобным образом правительство стремилось заручиться поддержкой родоплеменной знати, которая являлась проводником политики самодержавия.

По всей видимости, активное участие в деятельности ясачной комиссии принял первый иркутский губернатор К. Л. Фрауэндорф (1764–1767 гг.). Предложенные им инициативы касались: во-первых, регулирования сбора ясака с целью обеспечить регулярность его поступления (Фрауэндорф настаивал на уравнении ясачного оклада для тунгусов и хоринских бурят (по одному соболю с мужчины), а также выдвинул идею переводить бедных тунгусов в услужение к богатым русским (которые обязывались платить за них ясак); во-вторых, распространения земледелия среди инородцев (инициатива расселить ясачных тунгусов по уездам и обучить их хлебопашеству, а также призыв к расширению хлебопашества у осинских и балаганских бурят) [3, с. 136].

Отдельный интерес вызывает предложение К. Л. Фрауэндорфа по сокращению штата родоначальников у всех ясачных народов. По мнению С. А. Гурулева, данное решение было обусловлено тем, что избыток родовых чиновников создавал благоприятную почву для злоупотреблений: родоначальники в улусах разоряли «родовичей», обогащая себя, между собой беспрестанно ссорились, обременяли начальство жалобами. Сокращение же штата родовых начальников позволило повысить эффективность управления в инородческих ведомствах [3, с. 136]. Не отвергая данных выводов, добавим также, что уменьшение числа представителей родового управления, равно как и изменение порядка оплаты их службы (вместо фиксированного жалования вводилась система отчисления в пользу старшин 2% от всей суммы собранного ими ясака) являлось очевидным способом сокращения расходов казны.

В то же время русская администрация не стремилась к полной ликвидации автономии инородческих общин. Усиление административной роли родоплеменной знати и включение традиционных институтов власти в су-

ществующую систему административного и фискального управления было выгодно властям страны и региона. Поэтому правительство неоднократно прибегало к попыткам реорганизовать структуру родового управления, включить инородческую знать в политическую элиту империи.

В этой сфере наиболее заметны устремления Н. И. Трескина, бывшего иркутским губернатором в 1806–1819 гг. Им была предпринята попытка узаконить существующий порядок занятия должностей, основанный на принципе наследования. В 1811 г. Трескин выдвинул проект «Положения в подтверждение и восстановление действия узаконений и правил по предметам иноверческого и сельского управлений», в котором обосновывал необходимость запретить «простым инородцам» занимать должности родоначальников [6, с. 299]. Проект иркутского гражданского губернатора был реализован в 1812 г., когда было принято «Положение о выборах иноверческих начальников и правах их», которое официально закрепляло наследственный порядок замещения должностей в инородческом управлении. Преемником уходящего в отставку чиновника должен быть его старший сын, причем малолетство «наследника» не должно являться препятствием к избранию, но в таком случае выбор родоначальника должен дополняться избранием его временного заместителя. Избрание в родоначальники рядового улусника допускалось лишь в крайнем случае. Однако в любом варианте губернская администрация оставляла за собой право отстранения от должности избранного лица за нерадение и «худое» с точки зрения власти «управление родом» [8, с. 153].

Принятое по инициативе Трескина положение, с одной стороны, соответствовало общей политике самодержавия, делавшего ставку на укрепление родовой знати в инородческих общинах, а с другой – отражало тот факт, что региональные власти понимали, что при разработке законоположений для Сибири необходимо учитывать некоторые региональные особенности. Данная тенденция, выражающаяся в создании более гибкой системы управления на окраинах Российской империи, впоследствии найдет свое отражение в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г., разработанном М. М. Сперанским и Г. С. Батеньковым.

Одной из важнейших задач иркутских губернаторов конца XVIII–XIX вв. становится стремление активизировать сельскохозяйственную отрасль в регионе, в том числе и за счет расширения земледелия у инородцев. Бурятское земледелие, пережившее расцвет в сер. XVIII в., к концу столетия вновь приходит в упадок. Иркутский гражданский губернатор Л. Т. Нагель (1791–1797 гг.) объяснял его тем, что русское население постепенно вытесняло оседлых бурят с их пахотных земель, а также обращал внимание на то, что необходимость уплачивать оброк с пашен и покосов снижает у бурятского населения заинтересованность в развитии земледелия [6, с. 201].

Правительство использовало разные методы развития сельского хозяйства у бурят: в них моральное и материальное поощрение сочеталось с неприкрытым администрированием. К первым следует отнести систематическую раздачу «инородцам» ссуды деньгами и семенами для проведения посевных работ, предоставление различных, порой весьма значительных налоговых льгот, всевозможные поощрения родоначальников за успехи в земледелии [1, с. 176; 2, с. 66]. Ко второй же категории следует отнести политику уже упомянутого выше Н. И. Трескина, который стал автором «Положения о развитии хлебопашества». Это положение строго определяло нормы инородческой запашки, сроки проведения полевых работ и способы наказания для уклоняющихся от повинности. Это положение получило широкое распространение, неукоснительно соблюдалось и надолго осталось в памяти населения. Впоследствии даже ссыльные декабристы отзывались о нем как о благотворительной мере, ошибочно полагая, что именно И. Трескин приучил к земледелию и оседлости кочевых бурят [4, с. 326].

Таким образом, участие иркутских губернаторов в осуществлении инородческой политики являлось одним из важнейших направлений их административной деятельности в должности глав региона. Иркутские гражданские губернаторы занимались как разработкой законопроектов, призванных усовершенствовать систему управления коренными народами Сибири, так и претворением данных положений в жизнь. В целом идеи и предложения глав Иркутской губернии хорошо вписывались в общий курс «охранительной» политики самодержавия по отношению к инородческому населению, направленной с одной стороны, на обеспечение стабильных налоговых поступлений и консервацию полуфеодальной структуры бурятского общества, с другой – на стимулирование, путем как прямого принуждения, так и экономических мер, развития товарного хозяйства и перехода к оседлому образу жизни.

Литература

1. Бурятский этнос в имперской системе власти (XIX – начало XX вв.) / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас / отв. ред. Б. В. Базаров. Иркутск: Оттиск, 2020. 740 с.
2. *Гаращенко А. Н.* Трескин и Цейдлер – иркутские гражданские губернаторы первой половины XIX в. Иркутск : Оттиск, 2014. 400 с.
3. *Гурулев С. А.* Первый иркутский губернатор фон Фрауендорф // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 135–140.
4. *Дамешек Л. М., Дамешек И. Л.* Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск : Оттиск, 2018. 416 с.
5. *Дамешек Л.М., И. Л. Дамешек.* Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.
6. *Залкинд Е. М.* Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. 320 с.

7. *Нанзатов Б. З.* Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение / отв. ред. П. Б. Коновалов. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2018. 224 с.
8. История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII – начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
9. *Конев А. Ю.* Переписи ясачного населения Сибири первой половины XVIII в. (новые материалы) // Вестник РУДН. Серия История России. 2004. № 4. С. 128–136.
10. *Кудрявцев Ф. А.* История бурят-монгольского народа. Очерки. От XVII в. до 60-х годов XIX в. М. ; Л., 1940. 242 с.
11. Описание Иркутского наместничества 1792 года. Новосибирск : Наука. Сиб. от-ние, 1988. 254 с.
12. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М. : НЛЮ, 2007. 362 с.
13. *Шапков С. С.* Сибирские инородцы в XIX столетии [Эл. ресурс] / URL: http://az.lib.ru/s/shashkow_s_s/text_1867_01_inorodtzy_olderfo.shtml (дата обращения 09.09.2022).
14. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, экономическом и историческом отношении. изд. 2, испр. и доп. СПб. : изд. И. М. Сибирякова, 1892. 720 с.

УДК 008 (571.54) (091)

Оглезнева Г. В.*

Иркутский государственный университет

Особенности развития культурной среды в Западной Бурятии в конце XIX – начале XX вв.

Аннотация. Рассматриваются особенности развития элементов культурной среды: системы образования, культурно-просветительных учреждений, распространения средств информации и пропаганды, торговли продукцией культурного назначения в Западной Бурятии в конце XIX – начале XX в. Особенности выявляются путем сравнения ситуации в ведомствах и сельских поселениях Иркутской губернии. Сделан вывод о сближении элементов культурной среды у западных бурят и русского сельского населения, при сохранении особенностей, связанных с наличием этнических и конфессиональных различий.

Ключевые слова: культурная среда, Западная Бурятия, образование, библиотеки, ВСОИРГО, любительский народный театр.

* **Оглезнева Галина Васильевна**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: gogl@mail.ru

Features of the Development of the Cultural Environment in Western Buryatia in the Late 19th – Early 20th XX Centuries

Abstract. The features of the cultural environment elements development are considered: education system, cultural and educational institutions, the dissemination of information and propaganda, trade in cultural products in Western Buryatia in the late XIX - early XX centuries. The features are revealed by comparing the situation in the departments and rural settlements of the Irkutsk province. The conclusion is made about the convergence of elements of the cultural environment of the Western Buryats and the Russian rural population, while preserving the features associated with the presence of ethnic and confessional differences.

Keywords: cultural environment, Western Buryatia, education, libraries, VSOIRGO, amateur folk theater.

Понятие «культурная среда» имеет множество толкований, но в данном случае можно ограничиться указанием на то, что она создает вполне определенные условия для развития человека. В конкретно-исторических исследованиях к ней относят системы образования и воспитания, средств информации и пропаганды, культурно-просветительных учреждений и торговли продукцией культурного назначения.

Для выявления особенностей развития культурной среды в Западной Бурятии в указанный период нужно сравнить основные тенденции развития каждого ее элемента с предшествующим периодом, а также с аналогичными процессами в сельских поселениях Иркутской губернии.

В 1804 г. была открыта первая школа для бурятских детей в Балаганском ведомстве, до 1861 г. открыты еще 6 училищ: Идинское в Бохане, два – в Аларском ведомстве, по одному – в Нукутах, в Басайском улусе Ленского ведомства и на Ольхоне. Они периодически закрывались, затем возобновляли работу. Распространения школьной сети практически не происходило, и к 1861 г. действующими оставались только 2 училища.

В 1860-х гг. было образовано или восстановлено 8 министерских училищ, в том числе частная Мариинская женская школа в улусе Зунгарском Балаганского ведомства. Однако в 1870-х гг. был взят курс на русификацию народов Сибири и Поволжья, и среди 7 новых школ только одна являлась министерской, остальные – миссионерскими. В 1880-х гг. образовано одно училище, при этом часть миссионерских училищ закрылась.

Сопоставим эти процессы с аналогичными данными о развитии сельской школы в Иркутской губернии. В 1859 г. в селениях всех округов насчитывалось 16 училищ и 2 казачьих, что превышало аналогичные показатели в инородческих ведомствах. В 1871 г. эта цифра выросла до 34 школ. Различия можно увидеть в соотношении развития светской и церковной школы: в

1870-х гг. в ведомствах открывались преимущественно миссионерские школы, а в селениях до середины 1880-х гг. развивалась почти исключительно светская школа, и только впоследствии численность церковно-приходских школ стала быстро расти, тогда как численность миссионерских школ в ведомствах сокращалась.

Судя по материалам переписи начальных школ, проведенной Петербургским комитетом грамотности Вольного экономического общества, в январе 1895 г. в Западной Бурятии насчитывалось 11 министерских инородческих училищ (без Тунки) и 8 миссионерских [6, с. 288]. Таким образом, примерно за 30 лет численность училищ в ведомствах увеличилась с 2 до 19, т.е. выросла в 9,5 раз, хотя прибавилось только 17 школ. В это же время в сельских поселениях Иркутской губернии была 131 школа, т.е. их численность возросла в 7,2 раза, следовательно, темпы роста были ниже, чем в ведомствах, но реально прибавилось 113 школ [5, с. 210].

На рубеже XIX–XX вв. число бурятских училищ резко возрастает. В 1914 г. министерских училищ насчитывалось уже 119, т.е. мы видим увеличение в 6,2 раза. Реальный прирост – 100 школ. Больше всего училищ в Балаганском уезде – 61, в Верхоленском – 31, в Иркутском – 24, в Нижнеудинском – 2, в Киренском – 1 [подсчитано по: 1, л.л. 61–89]. При этом растет не только количество, но и качество образования: среди 119 училищ – 11 двухклассных (9,3%).

В 1911 г. в Иркутской губернии было 602 сельских училища, из них 55 двухклассных (9,1%) [5, с. 602]. Темпы роста снижаются: школ стало больше в 4,6 раза, но реально прибавилась 471 школа. При этом нужно заметить, что процент двухклассных училищ в школьной сети был примерно равный. Сопоставление темпов роста школьной сети не в полной мере отражает роль школы в обучении бурят, поскольку многие учились в сельских школах, наряду с русскими учениками. Были ученики-буряты и в городских училищах.

Количественные данные выявляют общие черты развития системы образования как элемента культурной среды как в ведомствах, так и в сельских поселениях Иркутской губернии. Связано это с государственной политикой в сфере просвещения, в первую очередь с системой финансирования школ. В первой половине XIX в. они содержались на средства местного населения и благотворительные пожертвования, но с 1899 г. казна начинает финансировать начальную школу. В 1913 г. на долю государства приходилось до половины всех расходов на сельскую школу, а бурятские школы получали фиксированные дотации: 700 руб. – одноклассные и 1400 руб. – двухклассные, остальное добавляли сами ведомства. Суммы на содержание одноклассных училищ колебались от 920 руб. до 1234 руб. [2, лл. 19–20]. Это несколько облегчало содержание школ, и жители охотнее принимали общественные приговоры об их создании.

Другим фактором, влиявшим как на русское, так и на бурятское население, было изменение экономической жизни, связанное с развитием торговли, ростом спроса на грамотных людей и возникавшей возможностью перейти от тяжелого физического труда к более легкому, например, быть избранным на общественные должности (что было важно и для крестьян). В середине 1890-х гг. наличие родовых писарей из «инородцев» считалось результатом деятельности школы [10, л. 490]. Дополнительным фактором, стимулирующим русское население, были льготы по исполнению воинской повинности по реформе 1874 г., поскольку срок службы зависел от уровня образования. Этот фактор не влиял на развитие школы у бурят, т.к. они были освобождены от воинской повинности.

Рост процента грамотных среди населения способствовал дальнейшему развитию потребности в образовании, причем отмечалось, что главное требование бурят – «твердое освоение русского языка» [10, л. 228]. Распространение в ведомствах так называемых вольных школ, подразумевавших обучение у грамотных людей, могло этому способствовать. Вольные школы были характерны и для русского сельского населения, хотя требования к ним были другие – приобретение навыков письма, чтения и счета. Исходя из различия требований к школе бурятского и русского населения, можно сказать, что любая школа больше соответствовала надеждам бурят, поскольку давала им знание языка, востребованного в повседневной жизни, и это знание сохранялось, тогда как навыки письма и чтения утрачивались, т.к. в обыденной жизни крестьян они применялись редко. Недаром существовало понятие «рецидив неграмотности».

Бурятское население проявляло, хотя и не повсеместно, заботу об обучении девочек. В ответе на анкету Вольного экономического общества в январе 1895 г. отмечено, что предложение слить мужское и женское отделение Идинского министерского училища вызвало протест, и в общественном приговоре было указано: «Хотя мы и инородцы, но отлично сознаем, что женщина воспитательница детей и потому желательно, чтобы матери наших детей не оставались без образования» [10, л. 52]. Осознание необходимости образования ярко проявилось в решении съезда представителей бурятского населения Иркутской губернии (1905 г.) о введении обязательного бесплатного обучения и стипендий для бурят в средних и высших учебных заведениях, введения в начальных училищах бурят-монгольского языка, открытия за счет казны учительской семинарии.

С возникновением школ в ведомствах появляются отдельные культурно-просветительные учреждения, в первую очередь, библиотеки. Школьные библиотеки делились, как и во всех начальных училищах, на ученическую и учительскую. Подбор книг зависел от каталога разрешенных изданий, а их количество – от размеров финансирования. По данным на 1 января 1917 г. самая большая ученическая библиотека была в двухклассном Курумчинском

училище в 548 томов, самая большая учительская – в двухклассной Идинском училище в 646 томов [2, лл. 21–22]. Средние показатели обеспеченности училищ книгами, по школьной переписи 1911 г., для Иркутской губернии были равны 270 экземпляров [8, с. 127]. Таким образом, показатели в лучших бурятских школах были выше, чем в типичной школе Иркутской губернии. Это важная особенность, поскольку предотвратить рецидив неграмотности, возникавший из-за невозможности практиковаться в чтении, можно было, в большинстве случаев, только благодаря школьной библиотеке. В сельских поселениях Иркутской губернии ситуация была похожей, но там встречались народные библиотеки при училищах (не являющиеся школьными), при волостных и сельских правлениях, церковные, в предреволюционные годы – кооперативные.

Общим типом библиотек и в селениях, и в ведомствах в начале XX в. были библиотеки Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии. По отчету этого общества в 1903–1904 гг., такие библиотеки существовали в Бохане, Тырети, Анге. Еще один общий тип библиотеки – личные, бывшие у бурят большей редкостью, чем у русских крестьян. Так, в конце 1880-х – начале 1890-х гг. в результате исследования, проведенного К. Кокоулиным в Киренском уезде (самом отдаленном от центра губернии), в 25 селах (1261 двор) книги были обнаружены в 378 дворах (хотя бы по одной), т.е. в 30% дворов [7, с. 64–65]. В анкетах Общества распространения народного образования и народных развлечений в 1900 г. личные библиотеки были зафиксированы только у двух бурят Молькинского ведомства, да еще у немногих бурят насчитывалось от 2 до 10 книг. В Унгинском ведомстве, библиотеки были у бурят, получивших образование в иркутских учебных заведениях [3, л. 14]. Совершенно очевидны причины такого различия: уровень русской грамотности бурят объективно был ниже, чем у крестьян; книжная торговля в ведомствах долгое время практически отсутствовала: городские базары были далеко, торговцы и книгоноши начали продавать книги только в начале XX в. Еще одной формой книжной торговли могли стать склады для продажи книг, и они создавались как в улусах, так и в селах при волостных правлениях и школах. Такой склад был создан в 1893 г. на средства блюстителя училища Сократа Пирожкова в его доме, а в конце 1890-х гг. некоторые Общества о попечении начального образования стали создавать подобные склады для торговли в сельской местности. Это свидетельствует об особенностях развития книготорговли как элемента культурной среды: в Западной Бурятии она зависела от личной инициативы, а в Иркутской губернии в целом – от общественной активности.

Имеющиеся собрания книг были различными по характеру: у крестьян преобладали сочинения духовного характера, у бурят наиболее популярны были календари. В уже упомянутом анкетировании 1900 г. встречаются суждения о том, что календари есть «у многих бурят», «у половины грамотных»,

«почти в каждом доме» [3, л. 14]. Встречаются упоминания о читательских интересах грамотных бурят в 1890-х гг.: «Книги нравятся с необычайным содержанием – сказки, исторические рассказы, случаи из военной жизни. Книги духовного содержания читаются, но не с таким интересом» [10, л. 212].

К системе торговли продукцией культурного назначения можно отнести и подписку на газеты и журналы, которая была платной. Особенностью этой «торговли» в изучаемый период можно считать порой принудительный характер подписки как в волостях, так и в ведомствах. Эта практика существовала с 1860-х гг., менялись только названия изданий, которые навязывались исправниками. В начале XX в. это был «Сельский вестник», который должны были выписывать сельские общества и ведомства. Но в этот период существовали и добровольные подписчики как газет (чаще всего «Восточного обозрения»), так и журналов (предпочитали «Ниву»). Этот выбор в значительной степени совпадал с интересами крестьян.

Доказательством освоения данного элемента культурной среды можно считать тот факт, что среди нарождающейся бурятской интеллигенции были не только читатели, но и авторы публикаций в периодической печати – как фольклорно-этнографического, так и публицистического характера. Примером может служить дискуссия между Ц. Жамцарано и М. Н. Богдановым в журнале «Сибирские вопросы» в 1907 г.

Бурятская школа, как и сельские училища, пыталась приобщить к книжной культуре и неграмотное население – на воскресных чтениях, которые появились в конце XIX – начале XX вв. Но, в отличие от русских селений, в бурятских школах эта практика не привилась. Кроме сложностей с их организацией, аудитория плохо понимала по-русски и не испытывала потребности в духовно-нравственных беседах, которые были в программе чтений. Известны попытки М. Н. Хангалова читать дома по-бурятски, что привлекало слушателей. Наличие переводов художественных произведений («Женитьба» Н. В. Гоголя, «Власть тьмы» Л. Н. Толстого, «Униженные и оскорбленные» Ф. М. Достоевского, рассказов А. П. Чехова и др.) на бурятский язык давало возможность привлечь к чтению более широкую аудиторию, включающую неграмотных [9, с. 376]. Распространение домашнего чтения было характерно и для сельских поселений, но там круг чтения был более широким.

В Иркутской губернии значимым элементом культурной среды являлся Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. В его деятельности участвовали и западные буряты, что создавало условия для их культурного развития. Конечно, наиболее известен М. Н. Хангалов, который в ходе своих исследований, собирая фольклорные тексты, акцентировал их значимость не только для самих бурят, но и для других народов, и для науки в целом. Известны также публикации П. П. Баторова, И. Этагорова, И. Вамбоцыренова. Активная собирательская, а затем и ис-

следовательская деятельность П. П. Баторова могла привести к появлению такого нового элемента культурной среды, как музей, для которого были собраны экспонаты. Однако первая мировая война помешала осуществлению этого начинания.

Привлечение местного населения к изучению различных сторон собственной жизни было одной из задач ВСОИРГО и затрагивало как грамотное сельское население в целом, так и бурят в частности. Особенно это характерно для 1890-х гг., когда проводилось анкетирование для изучения сельского хозяйства и кустарной промышленности Иркутской губернии. В 1891–92 гг. среди 170 человек, ответивших на анкеты, было 24 бурята, в том числе учителя, члены родовых управлений и инородные головы, а также обычные люди. Была даже одна, единственная из 170 человек, женщина – Агрипина Егоровна Данчинова из Гыртуйского улуса Бильчирского ведомства [Посчитано по: 4, с. I–XIII].

Некоторые корреспонденты ВСОИРГО сотрудничали и с другими просветительными обществами. В частности, сохранились ответы 8 представителей разных ведомств на анкету Общества распространения народного образования и народных развлечений (1901 г.). Интересно, что и буряты, и русские крестьяне указали, что основным способом применения грамотности для них является «рукоприкладство» – т.е. подписывание различных бумаг.

Еще одним новым элементом культурной среды можно считать появление первых любительских спектаклей. Вообще любительский народный театр – общероссийское явление конца XIX – начала XX вв., отражающее процесс распространения профессиональной культуры в народной среде и её освоения народом не только в качестве потребителей, но и участников. Во внегородских поселениях Иркутской губернии любительские постановки профессиональной драматургии упоминаются уже с 1870-х гг., но более активно любительские театральные кружки действовали с конца 1890-х гг. Этому способствовали как правительственная политика поощрения подобной формы разумного досуга как способа борьбы с пьянством, так и строительство Транссибирской железной дороги, что привело к появлению культурных сил в селениях, ставших станциями, а также к росту торгово-промышленных поселений с большой прослойкой неземледельческого населения. Наибольшего расцвета любительский народный театр достиг в годы первой мировой войны. Устройство спектаклей в селе поощряла не только администрация, но и церковь: это помогало поддерживать введенный в годы войны «сухой закон», занимало праздную в зимнюю пору молодежь.

Особенности любительского театра в Западной Бурятии заключались в более позднем его возникновении, меньшем распространении, а также в репертуаре. Везде репертуар состоял исключительно из произведений профессиональной драматургии, разрешенных для постановки в народном театре. Как известно, именно таким путем шел М. Н. Хангалов: в 1915–1916 гг.

в Бильчирском училище были поставлены пьесы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется», «Не в свои сани не садись», а также одноактные пьесы и водевили А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого. Именно эти пьесы составляли основу репертуара всех любительских народных театров в России. Сходство с организацией любительских спектаклей еще и в том, что повсеместно в Восточной Сибири спектакли устраивались в училищах, т.к. других общественных зданий не было.

Главной особенностью любительского театра в Западной Бурятии была попытка ввести в репертуар произведения первых бурятских драматургов: Даниила Абашеева, Иннокентия Барлукова, Иннокентия Салтыкова и С. Балдаева, сочинителей рукописных пьес, тексты которых до нас не дошли. Все они являлись выпускниками Иркутской учительской семинарии и были знакомы с театром как зрители. Пьеса Д. Абашеева «Ухэл» («Смерть») была поставлена на этнографическом вечере в Иркутске в 1908 г., очевидно, силами учащихся семинарии. Пьеса И. Салтыкова «Хоер можо» («Два мира») была поставлена в Алари в 1911 г. Известны две постановки пьесы И. Барлукова «Архин зэмэ» («Вино виновато») – в Иркутске на этнографическом вечере в 1911 г. и в Бильчирском училище в 1915 г. [6, с. 335–336]. По тематике эта пьеса близка к идеям «Руководящих указаний для деятельности попечительств о народной трезвости, одобренных министром финансов 28 января 1897 г.», где среди других средств борьбы с пьянством упоминался и народный театр. К его достоинствам относили то, что он доступен и грамотным, и неграмотным, доставляет больше впечатлений, чем даже народные чтения с туманными картинками, занимает много времени, чем отвлекает от трактира, да и подбор пьес может быть антиалкогольным [11, с. 93–94].

Таким образом, приведенные данные свидетельствуют о сближении элементов культурной среды у западных бурят и русского сельского населения, при сохранении особенностей, связанных с наличием этнических и профессиональных различий.

Литература и источники

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 63. Оп.1. Д. 115.
2. ГАИО. Ф.63. Оп.1. Д. 728.
3. ГАИО. Ф. 197. Оп.1. Д. 2.
4. Иркутская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1891 год по сведениям, полученным от корреспондентов. Иркутск, 1892. 92 с.
5. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) в XVII–XXI вв. Иркутск, 2012. 800 с.
6. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л.М. Дамешек. М., 1995. 542 с.
7. *Кокоулин К.* Школа и грамотность в Киренском округе Иркутской губернии. Памятная книжка. Иркутск, 1895. 73 с.

8. Однодневная перепись начальных школ Российской империи, произведенная 18 января 1911г. Вып.16. Пг., 1916. 150 с.
9. Очерки истории культуры Бурятии. Т.1. Улан-Удэ, 1972. 490 с.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.91. Оп.3. Д.401.
11. *Хайченко Г. А.* Русский народный театр конца XIX – начала XX века. М., 1975. 365 с.

УДК 271.2-76-051(470)(091)

Кружалина А. А.*

Иркутский государственный университет

Миссионерские практики христианизации бурят дореволюционной России (на материалах периодической печати)

Аннотация. В статье рассматривается деятельность христианских миссионеров в Азиатской России. На основе компаративного анализа материалов периодической печати, а также архивных документов и источников личного происхождения характеризуется специфика миссионерской деятельности в среде бурятского населения, а также факторы, влиявшие на ее динамику.

Ключевые слова: миссионеры, буряты, Иркутская губерния, Российская империя, христианизация.

Kruzhalina A. A.

Irkutsk State University

Missionary Practices of Christianization of the Buryats of Pre-Revolutionary Russia (Based on the Materials of the Periodical Press)

Abstract. The article examines the activities of Christian missionaries in Asian Russia. On the basis of a comparative analysis of periodical materials, as well as archival documents and sources of personal origin, the specifics of missionary activity among the Buryat population, as well as the factors that influenced its dynamics, are characterized.

Keywords: missionaries, Buryats, Irkutsk province, Russian Empire, Christianization.

На протяжении всей своей истории Сибирь представляла собой область интенсивных этнокультурных контактов, многонациональный край, население которого отражало многообразие этнического состава, культур и религий России [3, с. 179]. Многочисленные этнические группы Сибири, обозначаемые единой категорией «инородцы», находились на разных уровнях

* **Кружалина Анастасия Алексеевна**, канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Иркутского государственного университета. E-mail: kliokrua@yandex.ru

социально-экономического развития. Во многом их жизненный уклад обуславливался системой взглядов и верований, передаваемых из поколения в поколение, а также нормами обычного права.

С массовым притоком в регион русских, а также в результате осуществления широкомасштабной политики инкорпорации региона в общеимперскую систему, коренные народы Сибири подверглись всестороннему влиянию русского христианского населения. XIX век относится к периоду активной миссионерской деятельности в регионе. По всей Сибири осуществляли миссионерскую деятельность как организованные миссии (Иркутская, Забайкальская, Амурская и т.д.), так и отдельные проповедники христианского учения. Вопросы «христианизации» находились в тесной взаимосвязи не только с вопросами развития системы образования (повышения уровня грамотности среди инородцев, открытия школ для инородческого юношества и т. п.), на священников-миссионеров возлагалась и государственная задача: они были проводниками русского православия на окраинах страны и проводниками российского государства. Принятие православия коренными сибирскими народами ускорило их переход в русское подданство, что способствовало закреплению за Россией населённой ими окраинной территории [22, с. 44].

В результате анализа отобранных статей удалось охарактеризовать практическую деятельность миссионеров на территории Иркутской губернии, а также выделить основные проблемы, которые, по мнению авторов, препятствовали широкому распространению христианства среди инородческого населения Сибири.

Прежде всего, стоит заметить, что епархиальное начальство понимало, что уровень миссионерской подготовки влиял на успех самой миссии. Во время обучения уделялось внимание формированию «правильного» образа жизни и нравственной чистоты. Важно было развить в миссионерах умение импровизировать в частных беседах и общественных проповедях, вести путевые журналы, этнографические записки и т. п. [17, с. 153].

РПЦ была заинтересована в переводе многих православных книг на местные языки. В 1815 г. на бурятский язык было переведено Евангелие от Матфея, а в 1823 г. краткий катехизис. Спустя 25 лет, в 1840-х, осуществлен перевод Символа веры, Отче наш, Божественной Литургии, «Краткой священной истории Ветхого завета» [25].

Динамика обращений в христианство зависела от многих факторов. Например, визиты в регион высокопоставленных особ могли стать основанием к волеизъявлению бурят креститься. Так, в 1873 г. Восточную Сибирь посетил великий князь Алексей Александрович. Выражая свои верноподданнические чувства, тункинские буряты во главе с тайшой Алексеем Хомаковым изволили желание через генерал-губернатора креститься в честь данного события [25].

Основным конкурентом РПЦ на территории Сибири являлись буддистские монахи. Миссионеры свидетельствовали, что последние запугали население различными проклятиями, убеждали в том, что после крещения они будут пахать землю для русских, их обложат податями на все или вообще заберут в солдаты. Можно предположить, что под таким напором многие инородцы отказывались от идеи присоединиться к православию.

Русское духовенство оказалось неспособным противостоять буддистским монахам, скажем так, в борьбе за паству. Коренное население не понимало миссионеров, когда те говорили о том, что русский царь желает, но не требует от подданных принять православную веру, оставляя данный вопрос на совести каждого человека. Многие представители коренных народов скорее допускали факт насильственного крещения по воле монарха, а в отсутствии такового не спешили менять веру.

Нередко миссионеры сообщают о фактах следующего характера, препятствующих крещению: «буряты чужались нас, изыскивали случаи уехать из улусов на целый день и более, а некоторые относились к нам [миссионерам] очень враждебно» [20, с. 444]; «ложно настроенные людьми неблагонамеренными, имеющими выгоду держать народ в тьме суеверия, а ныне может быть и по дикости, буряты нередко бегут при первой встрече с миссионерами» [7, с. 143]; «оглашаемые учением евангелия инородцы до того выказывают сопротивление призыванию, до того иногда ожесточаются, что готовы или прогнать миссионера, или сами бежать от него; и убегают, гонимые невидимою силою» [15, с. 221]; «ламы, для поддержания своего суеверия постоянно распускали в народ слухи о полученных будто ими указах с предписанием запрещать бурятам принимать христианскую веру и тому подобное» [10, с. 267]. Вообще, по единому мнению корреспондентов «епархиальных ведомостей»: «назойливость и дерзость лам весьма вредит живущим в кочевьях христианам» [8, с. 565]. А по сообщению иеромонаха Паисия, «куда бы он ни отправился с проповедью, всегда предшествуют ему и сопровождают его ламы, чтобы предостерегать от убеждений его бурят и истреблять всё посеянное миссионером» [5, с. 161].

Очень часто проблема принятия христианства делалась серьезной внутрисемейной проблемой, так как «случалось встречать бурят, давно расположенных к христианству, даже перенесших много оскорблений за свои убеждения, и всё ещё остающихся некрещёнными, потому что или переселение было бы для них разорением, или не могут убедить креститься своё семейство» [9, с. 141]. Случалось, что семья отворачивалась от новокрещённого, оставляя его на произвол судьбы. В подтверждение приведем лишь несколько наиболее ярких примеров: «Новокрещённая А. Б-ва была покинута своими родственниками на произвол судьбы» [12, с. 373]; «Каждый раз, когда Назрыт, увлекаясь силою благодати ко Христу Спасителю, высказывала перед мужем [служителем дацана] желание своё и просила у него дозволе-

ния принять святое крещение, была жестоко увечена за своё исповедание христианской веры; а при покушении жены отправиться к миссионеру для принятия крещения фанатик с яростью бросался, как тигр, на жену свою, таскал её за косы по юрте, бил во что попало, ... измученная Назрыт давала клятву мужу умереть в ламском суеверии» [17, с. 221].

Специфически негативное восприятие бывшими соплеменниками в своей среде новокрещённого инородца (особенно у бурят) толкали его либо к уходу, высылению из привычных мест обитания, либо превращало его в некоего мученика. «Доселе всякий крещёный бурят выселялся из своего улуса к русским и делался русским не по вере только, но и по всему образу жизни; и вы сделали бы тяжкое оскорбление крещённому буряту, назвавши его бурятом, а не русским. Переселение это делается сколько по естественному расположению, с переменою веры, переменить и жизнь сколько же и по нужде. Крещённый бурят среди не крещённых есть всегдашний исповедник, если не мученик, особенно среди ламского населения, и самая бдительная и благонамеренная полиция не может защитить его от притеснений бурятских начальников и простых бурят» [9, с. 140].

Безусловно, последнее суждение несколько гипертрофированно, однако подобные случаи имели место быть. Подтверждение чему автор статьи находит уже в самих основах азиатского права: «Владение землёй условливается силою человека, и земли, раз захваченные сильными, переходят к их потомкам, как законное наследие; христиане со дня крещения большею частию выходят из языческих семейств, к которым принадлежали и с которыми пользовались землёю. Как же им теперь получить земли? Опять по милости язычника – тайши или языческого общества: в степных законах ничего не найдут в свою пользу» [10, с. 270].

Вместе с тем, на уровне государственного законодательства вопрос улучшения быта новокрещённых инородцев, предоставления им каких-либо льгот не находил широкого отражения, за исключением предоставления трёхлетней льготы от платежей и податей, предоставляемой всем новокрещённым, вне зависимости от этнической принадлежности [23, л. 2].

Бывали также случаи, когда вопрос престижа, высокого социального положения вставали в противостояние со стремлением принять христианство; в подобном случае предпочтение зачастую отдавалось первому. Так, один корреспондент «Иркутских епархиальных ведомостей» сообщает, что знакомый ему ещё ранее верхоленский бурят Номогоев всегда считался «не только грамотным, но и очень рассудительным инородцем; читал книги, имел понятие о христианстве и даже был расположен к принятию христианства»; но не соглашался долгое время принять христианство, аргументируя это тем, что этот факт могли сочти «за домогательство должности тайши». Однако, когда ему посчастливилось вступить в управление, «он сделался сам, ради удержания за собою власти, гонителем расположенных к христи-

анству в своём ведомстве. Презревший ради шаманистов христианство, получил достойную мзду от самих шаманов» [14, с.180–181].

«Епархиальные ведомости» свидетельствуют о том, что миссионеры проявляли всяческие старания, чтобы привлечь и удержать в вере в Христа новокрещённых инородцев: строили церкви и храмы в инородческих поселениях, проводили беседы с некрещёнными и новокрещёнными инородцами, «во время поездок по инородческим улусам учили их кратким молитвам, убеждали твёрдо хранить православную веру, объясняли Символ Веры и десятословие, изложенные на монгольском языке рассказывали жизнеописания Угодников Божьих, а в особенности всеми инородцами чтимых святителя Николая и мученицы Параскевы, и в некоторых юртах служили молебны с водосвятием» [11, с. 774].

Для привлечения крещенных бурят в лоно православия миссионеры даже прибегали к помощи полиции и местных властей. Особенно остро стоял вопрос по поводу крещения детей инородцев, которых не всегда отдавали добровольно. Во многих случаях их прятали, особенно девочек, надеясь выдать замуж за калым.

Однако влияние «языческих предрассудков», из поколения в поколение передаваемых примет, сказаний, обычаев, которые шли в разрез с официальным христианским учением, всячески препятствовало распространению православной веры среди инородцев. Население продолжало верить в духов, совершать шаманские обряды, обращаться к услугам шаманов и лам. Большинство православных миссионеров были непримиримыми противниками иных верований, особенно шаманизма [2]. Так, генерал-губернатор А. П. Фредерикс писал А. П. Игнатьеву об отношении к бурятам архиепископа Вениамина (Благонравова) и характеризовал последнего как страшного фанатика, который был готов сжечь бурят за неправильную веру на костре [4]. Статистические сведения, публикуемые «епархиальными ведомостями» губернских центров, свидетельствуют о том, что процесс христианизации инородцев протекал хоть и медленно, но относительно стабильно. Вместе с тем качество работы, проделанной каждым отдельным миссионером, значительно отличалось как в силу специфики личности последнего, так и в результате объективных причин. В общем же от каждой миссии ежегодно прибавлялось примерно по 300–700 новокрещённых инородцев.

В свою очередь, корреспонденты частной прессы вполне обоснованно считают, что масштабы распространения христианства среди сибирских инородцев в реальности излишне преувеличены епархиальными изданиями. Многие из них заявляют, что зачастую факт принятия православия был лишь выражением стремления коренных народов стабилизировать и, по возможности, улучшить свои взаимоотношения с русским населением региона.

В своих воспоминаниях о Восточной Сибири участник кружка петрашевцев Феликс Толь свидетельствует о наличии некоторого количества перекрещённых бурят, но при этом иронично замечает: «Зато зайдите в лес и

вы непременно встретите, в стороне от просёлочной дороги, кусты, увешанные лентами... – это того же самого христианина-буряты путевая молельня» [24, с. 332]. «За рубль серебром и за новую рубаху [буряты] охотно шли креститься, а затем по-прежнему отправляли своё идолопоклонство» [1, с. 604].

Весьма затрудняло распространение христианства отсутствие глубоких знаний учения у новокрещённых инородцев, что препятствовало тому, чтобы они сами становились распространителями учения в привычной им среде. В связи с этим было очень важно проводить христианские проповеди и богослужения на родном для инородцев языке. Многие миссионеры активно использовали «расположение к грамотности» в интересах своей практической деятельности: снабжали желающих обучаться грамоте инородцев «священными и другими благочестивого содержания книгами» [16, с. 262].

Христианские миссионеры-корреспонденты говорили о пользе училищ и школ, открываемых при миссиях и монастырях для инородческого юношества [6, с. 115], о пользе перевода книг на бурятский язык [19], считая «распространение между инородцами грамотности и просвещения и преимущественно христианского» одной из своих «существенных обязанностей» [13, с. 348]. По их мнению, даже «широкая практика, например, внебогослужебных чтений в миссии начинает воспитывать в крещённых инородцах интерес к духовно-нравственному чтению» [21, с. 2]. Однако этот аспект проблемы христианизации бурят заслуживает самостоятельной дискуссии.

По данным переписи населения 1897 г., в Сибири насчитывалось порядка 288 тыс. представителей бурят-монгольского населения, из которых епархиальная статистика причисляла 45 тыс. к крещеным. Именно в это время в обществе, с одной стороны, наметился упадок православной веры, что вылилось в сокращении желающих посвятить себя миссионерской деятельности. От служения в миссиях отпугивала бедность, трудность условий и ответственность, незнание местными русского языка и отдаленность приходов от миссионерских центров. С другой стороны, дарованная подданным свобода вероисповедания «развязала руки» тем инородцам, для которых факт крещения был лишь формальностью. Так, если в Тункинской миссии числилось около 10 тыс. крещеных бурят, то после выхода указа почти все они приняли буддизм [4].

В начале XX столетия периодическая печать стала активно призывать духовенство к участию в обсуждении острых как внутррелигиозных, так и общесоциальных проблем и к выработке возможных путей их решения. На страницах религиозной периодики активно обсуждалась проблема обновления миссионерской деятельности: увеличение числа православных храмов, церковно-приходских школ, новых переселенческих селений [17]. Однако надвигающийся кризис политической системы империи достаточно ярко отразился и на Сибирской окраине, из-за чего фокус интересов корреспондентов и общества несколько сместился.

Литература и источники

1. *Белоголовый Н. А.* Из сибирских воспоминаний // Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. 2-е изд. М., 1898. 654 с.
2. *Бураева О. В.* Православие у бурят (XVII – начало XX в.) // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 55–66.
3. *Гончаров Ю. М.* Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 179–185.
4. *Дулов А. В.* Взаимоотношения светских и духовных властей в Восточной Сибири в XVII – начале XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2009. № 1 (3). С. 251–260.
5. Забайкальская духовная миссия // Иркутские епархиальные ведомости. 1866. № 13.
6. Забайкальская духовная миссия (Окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 17.
7. Забайкальская духовная миссия в 1866 году (Продолжение) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 13.
8. Забайкальская духовная миссия в 1868 году (Окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 52.
9. Забайкальская миссия (письмо из Посольского монастыря) // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 11.
10. Забайкальская миссия. Пятое письмо из Посольского монастыря // Иркутские епархиальные ведомости. 1864. № 15.
11. Забайкальская православная миссия в 1870 году // Иркутские епархиальные ведомости. 1871. № 44.
12. Записки Забайкальского миссионера иеромонаха Мелетия, за 1864 год (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1865. № 23.
13. Иркутская духовная миссия в 1870 году // Иркутские епархиальные ведомости. 1861. № 25.
14. Иркутское отделение духовной миссии (Окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 22.
15. Иркутское отделение духовной миссии (Продолжение) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 19.
16. Иркутское отделение духовной миссии (Продолжение) // Иркутские епархиальные ведомости. 1867. № 21.
17. *Лысенко Н. А.* Идеал сибирского священника-миссионера в официальных периодических изданиях русской православной церкви во второй половине XIX – начала XX вв. Новосибирск, 2014. 222 с.
18. Миссионеры Тункинского ведомства // Иркутские епархиальные ведомости. 1868. № 30.

19. О переводе учебных книг на бурятский язык // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 12–13.
20. Отчёт в миссионерских занятиях посольского иеродиакона (ныне иеромонаха) Мелетия, за вторую половину 1862 года // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 28.
21. Отчёт о миссиях Томской епархии Алтайской и Киргизской за 1891 год (Продолжение) // Томские епархиальные ведомости 1892. № 6.
22. Пономарёва Е. Л. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Восточной Сибири по материалам всеподданнейших отчётов генерал-губернаторов // Христианское начало в культуре России XIX–XXI вв. Седьмые Щаповские чтения: Материалы всерос. науч.-практ. конф., Иркутск, 8 октября 2008 г. / сост. А. С. Маджаров. Иркутск: Отгиск. 2008. С. 44.
23. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1264. Оп. 1. Д. 440.
24. Толь Ф-Э. Г. Воспоминания о Восточной Сибири // Петрашевцы в Сибири: документы / науч. ред. С. Ф. Коваль. Иркутск, 2005. 542 с.
25. Шагжина З. А. Миссионерская деятельность православной церкви среди бурят в XIX в. [Эл. ресурс] / З.А. Шагжина. – Эл. версия печат. публ. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24476060_60209939.pdf. (дата обращения: 19.08.2022).

УДК 271.2: 266+37

Ометова М. Л.*

Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

Обзор деятельности миссионерских церковно-приходских школ Балаганского уезда Иркутской губернии в XIX – начале XX в. (священники-миссионеры, педагоги и попечители)

Аннотация. В статье дается краткий обзор деятельности миссионерских церковных школ, существовавших на территории Балаганского уезда Иркутской губернии к концу XIX в., описываются особенности христианизации бурятского населения на территории Балаганского, Идинского и Аларского инородческих ведомств, говорится об участии в работе школ священников-миссионеров, попечителей, благотворителей. Рассматриваются особенности учительской работы в миссионерских школах.

Ключевые слова: церковно-приходские школы, миссионерские школы, инородческие школы грамоты, священники-миссионеры, «Иркутские епархиальные ведомости».

* **Ометова Марина Леонидовна**, главный хранитель музейных предметов ИОГАУК Архитектурно-этнографический музей «Тальцы». E-mail: mar46@list.ru

Overview of Missionary Schools Balagansky District of Irkutsk Province in the 19th – Early 20th Century (Missionary Priests, Teachers and Trustees)

Abstract. The article gives a brief overview of the activities of missionary church schools that existed on the territory of the Balagan district of Irkutsk province by the end of the 19th century, describes the features of the Christianization of the Buryat population on the territory of the Balagan, Idinsky and Alar foreign departments, tells about the participation of missionary priests, trustees, philanthropists in the work of schools, the specifics of the teacher's work in missionary schools.

Keywords: parochial schools, missionary schools, foreign literacy schools, missionary priests, "Irkutsk diocesan Gazette".

Целью миссионерской деятельности православной церкви являлась христианизация нерусских народов России и их просвещение. Огромное значение в этом играли вопросы образования, прежде всего школьного. В 1860–1870-е гг. профессор Казанской духовной академии Н.И. Ильминский разработал систему просвещения мусульман и «инородцев-язычников», суть которой состояла в ведении христианской проповеди на родном языке, учителями должны были стать священники или выходцы из того же народа. Система Ильминского получила поддержку государства и была рекомендована для распространения в миссионерских школах [8]. Успешно применялась она и в Иркутской губернии, где священниками-миссионерами и учителями для инородческих школ старались назначать людей, знающих язык.

Миссионерское служение в Иркутской губернии к концу XIX в. было распределено по 10 ведомствам: Тункинскому, Аларскому, Балаганскому, Идинскому, Капсальскому, Кудинскому, Верхоленскому, Ленскому, Ольхонскому, Китайскому [1, с. 99]. Выстраивая отношения с бурятским населением, русская администрация учитывала его социальную родоплеменную организацию: основой административного деления инородцев была принадлежность к роду, а не к территории. Органы их самоуправления разделялись на 3 ступени: низшая – родовое управление, средняя – инородная управа, высшая – Степная дума [9, с. 176].

В рамках данной статьи рассмотрим особенности миссионерского просвещения на территории Балаганского уезда Иркутской губернии – самого обширного по площади и численности населения. К концу XIX в. уезд включал в себя несколько инородческих ведомств: Балаганское, Идинское, Аларское. Только в Балаганском ведомстве, по данным 1883 г., проживало 17239 душ обоего пола в 65 кочевьях и 13 оседлых местах, в Аларском и Идинском ведомстве – по 12000 душ обоего пола.

Исследование проведено на материале «Иркутских епархиальных ведомостей» – официального издания Иркутской епархии, выходившего с 1863 по 1919 гг. Хотя газету не всегда можно считать достаточно объективной, разнообразные, отраженные в ней сведения о церковной жизни нашего края и о людях, принимавших участие в разных ее сферах, дают богатый и безусловно ценный материал, заслуживающий научного изучения и анализа.

Согласно сведениям, приведенным в ведомостях, в рассматриваемый период во всем уезде существовало 6 миссионерских школ: Молькинская (открыта 29 ноября 1874 г.), Нельхайская (1 марта 1877 г.), Бажеевская (2 октября 1878 г.), Бильчирская/ Гыртуйская (16 декабря 1884 г.), Куйтинская (в 1887 г.) [5, с. 274], Одиссинская (в 1893 г.) [13, с. 584].

Из отчетов, опубликованных в епархиальной газете, также известно, что в 1899 г. в бурятских родах на территории уезда существовали церковные школы грамоты: 2-го Мураева рода – 3 школы, Ользоева рода – 4 школы, в родах 1-го Мураева, Булутского, Зунгарского, 2-го Ихинадского, Онгоева, Шоротского – по одной школе. Такие школы создавались по инициативе жителей улуса, специального здания они не имели, а по очереди располагались в домах учеников. Нанимался грамотный человек, оплата была по договоренности – натуральной или деньгами, обучение велось по любым доступным учебно-методическим книгам. В перечисленных выше бурятских школах грамоты обучалось от 5 до 12 детей, как правило мальчиков, учителями, по данным отчета, были ссыльнопоселенцы [10, с. 168].

Такой уровень образования, однако, не мог удовлетворять требованиям подлинного церковного просвещения и воцерковления инородческого населения. Главным принципом церковных школ было воспитывающее обучение, поэтому церковь стремилась к созданию стационарных школ с подготовленными педагогами. Духовное воспитание учеников проводилось в разных формах: организация библиотек, религиозно-нравственные чтения, паломничества к святыням, крестные ходы, церковные праздники, основной формой воспитывающего обучения являлось участие учеников в богослужении. Часто при церковно-приходских школах устраивались внебогослужебные беседы для взрослых, имевшие огромное просветительное значение. Обучение молитвам детей на бурятском языке предполагало то, что они смогут обучить этому со временем и своих родителей. В школы преимущественно принимались дети новокрещенных инородцев, но, если позволяло помещение, миссионеры не отказывали в приеме детей язычников, многие из которых впоследствии принимали крещение.

Приведем небольшой обзор священнического миссионерского служения в Балаганском уезде. Заметное движение инородцев Балаганского ведомства к принятию крещения началось с 1848 г., под влиянием главного родоначальника балаганских бурят Иннокентия Михайловича Пирожкова. В это время около 300 человек приняли христианство. С 1850 г. в

Балаганское ведомство был назначен миссионер-священник Иннокентий Ливанов. В первое время он находился на должности священника г. Балаганска и благочинного, миссионерское служение было дополнительным. С 1861 г. священник Ливанов оставлен только при миссионерском служении и переведен к Нукутской миссионерской церкви. Первоначально вместе с Балаганским ведомством ему были поручены также Аларское и Идинское (Идинское ведомство отделилось в 1862 г., Аларское в 1866 г.) [6, с. 260–261]. В 1866 г. священнику-миссионеру был установлен оклад 300 рублей и 200 рублей полагалось на разъезды. В помощь был дан 1 причетник с окладом 150 рублей. В этой должности Иннокентий Ливанов оставался в течение 16 лет [9, с. 179].

Отделившееся в 1862 г. Идинское ведомство миссионером был назначен протоиерей Доржеев, прибывший в Иркутск из Ярославля по делу перевода богослужебных книг на монгольский язык, «в двукратное свое посещение Идинского ведомства, при содействии, главным образом, г. Пирожкова просветил св. крещением свыше 100 душ» [5, с. 298].

Идинские буряты неохотно соглашались на крещение, и И. М. Пирожков предложил начать с обращения в христианство родовых старост, заседателей думы улусных старшин и почетных инородцев. В течение года Пирожков составил список числом 300 человек. О таком отрадном событии было доложено Святейшему Синоду, однако крещение замедлилось, так как знатные инородцы желали провести крещение торжественно, чтоб произвести впечатление на своих соплеменников, кроме того, инородческие власти желали получить в восприемники Государя Императора. Крещение инородцев, включенных в этот список, было совершено только к 1867 г. при Степной думе, по этому поводу было организовано торжественное собрание.

Назначенный в Идинское ведомство священник Корнаков, не прослужил и года: вследствие бедности содержания, попросился к приходской церкви. Вместо Корнакова, на то же содержание, в 1863 г. назначен был священник Титов, вернувшийся из Камчатской епархии на родину в Иркутскую губернию и хорошо знавший разговорный бурятский язык. После нескольких месяцев служения, по его усиленной просьбе, переведен на другое место.

В 1864 г. миссионерские обязанности были возложены на священника Осинского села Петра Николаевского, который был «один из исполнительнейших по должности священников». Два года Петр Николаевский трудился в проповедовании евангельского учения инородцам Идинского ведомства, посещал отдаленные улусы, оставаясь приходским священником в Осе. Во второй половине 1866 г. просил увольнение от миссионерской должности, за время служения крестил 18 человек. В сентябре 1866 г. на должность миссионера Идинского ведомства был назначен священник Малышевского прихода Василий Попов, который в течение четырехмесячного служения успел обратить в христианство 36 душ. В Идинском инородческом ведом-

стве обращение инородцев в христианство совершалось успешно не только миссионерами, но и приходскими священниками: так, священник Шипицинского прихода Михаил Нетелин в 1866 г. просветил святым крещением 31 человека, а священник Олонского прихода Петр Сперанский – 15, другие от 2 до 8 душ [7, с. 275–276]. С конца 1866 г. было увеличено жалование священникам-миссионерам, поэтому они реже стали отказываться от такого сложного служения.

В 1866 г. от Совета миссионерского общества было выделено пособие для содержания отдельного миссионера в Аларском ведомстве. Этим миссионером с сентября 1866 г. был определен священник Иретского прихода Иннокентий Преловский, который «имел расположенность к миссионерскому служению... и разумел бурятский язык». Ему было назначено содержание 400 рублей, в том числе 140 рублей от жалования по Иреткому приходу и 260 рублей прибавлены из пособия от миссионерского общества. При священнике-миссионере назначен причетник с окладом жалования в 150 рублей (в том числе 49 рублей причетнического жалования по Иретскому приходу, а 110 рублей от пособия миссионерского общества) [6, с. 256]. Особому попечению аларского миссионера, при его назначении, была поручена проверка списков новокрещенных, так как инородцы, получавшие подарки за крещение, нередко крестились по нескольку раз. Миссионер Преловский сверх того выполнял обязанности законоучителя, по два раза в неделю посещал инородческое училище, состоящее при степной думе, для проповедования закона Божия детям инородцев и, вместе с главным родоначальником аларских бурят, прилагал попечение о построении для них миссионерской церкви.

К 1880 г. в Балаганском округе трудились 8 миссионеров: в Боханском стане – Николай Флоренсов, Бильчирском – Александр Суханов, Молькинском – Иоанн Лахин, Нельхайском – Флеров, Нукутском – Иннокентий Ливанов (до декабря, затем Петр Косыгин), Бажеевском – Иннокентий Преловский, Аларском – Николай Затопляев.

Благотворителями и попечителями инородческих школ выступали местные тайши и зажиточные буряты. Так, тайша И.И. Пирожков, родоначальник идинских бурят, активно содействовавший крещению инородцев, собирал ежегодные сборы на содержание Боханской школы. За свои заслуги Пирожков и родовые старосты его ведомства с некоторыми инородцами были представлены епархиальным начальством к высочайшей награде. В 1889 г. инородец Егор Александрович Данчинов пожертвовал в Бильчирскую школу портрет Государя Императора в золоченой раме. В Одиссинской миссионерской школе Е.А. Данчинов являлся попечителем и давал приют в своем доме четырем учащимся мальчикам-инородцам. Инородец Илья Иванович Хазагаев в 1889 г. купил за свой счет большие торговые счета для Бильчирской школы, а также пожертвовал для школы земледельческие орудия «для полноты образования учащихся, согласно современным требованиям и

нуждам края». В 1892 г. он предоставил свой дом под пансион для учеников школы, пожертвовал для школы земледельческие орудия, 150 рублей на нужды школы [12, с. 11–12]. 8 марта 1896 г. в звании попечителя Нельхайской миссионерской церковно-приходской школы утвержден инородец Николай Семенов [4, с. 238]. В 1897 г. объявлена благодарность отделения епархиального училищного совета попечителю Молькинской миссионерской церковно-приходской школы инородцу Иосифу Александровичу Улаханову за ежегодную помощь школе в виде взноса 25 рублей на нужды.

В учителя миссионерских школ предпочтительно направлялись люди, знающие бурятский язык. Первым учителем Балаганского инородческого училища был определен окончивший курс семинарии, из балаганских инородцев, Болдонов, бывший учитель бурятского языка в духовном училище [6, с. 263]. 1889 г. в Куйтинскую школу был назначен учителем Иван Егорович Этогоров – бурят, окончивший курс Иркутской учительской семинарии, получал жалованье из средств миссии 200 рублей [3, с. 8]. В 1896 г. в Одиссинской одноклассной миссионерской школе преподавал учитель инородец Петр Филатов, окончивший курс в двухклассной образцовой школе при Иркутской духовной семинарии [11, с. 249]. В Молькинской школе учителем был Сергей Адрианович Инкижинов (по другому написанию, Инкигрин, Инкигринов). В Бильчирской одноклассной церковно-приходской миссионерской школе (улус Гыргуевский) первыми двумя учителями стали священник Николай Косыгин и Александр Успенский, однако проработали недолго; третьим по счету был назначен священник Махочкеев «из природных бурят», окончивший курс в Учительской семинарии. В 1892 г. учителем состоял священник Николай Шангин, слушавший в течение 2-х лет миссионерские курсы в Казанской духовной Академии по монголо-буддийскому отделению.

В 1892 г. Высокопреосвященный Архиепископ Тихон во время поездки для обозрения миссионерских станов испытывал учеников Бильчирской школы по Закону Божию, чтению по-славянски и пению. Оказалось, что все дети правильно говорят по-русски, удовлетворительно давали ответы по священной истории, молитвы знали не только по-русски, но и по-бурятски. Читали по-славянски лучше, чем по-русски. Детям был предложен переведенный на бурятский язык текст огласительного поучения высокопреосвященного Вениамина, и они переводили его на русский язык удовлетворительно, своими словами передавали мысли поучения верно [2, с. 6–7].

Нужно отметить, что в «Иркутских епархиальных ведомостях» упоминаются и учителя миссионерских школ, без указания знания ими бурятского языка, поэтому мы не можем достоверно сказать, на каком языке они преподавали: в Бажеевской миссионерской школе – Анна Петровна Лаврова (1889 г.), Анна Образцова (1896 г.), Ольга Семеновна Петровская (1899 г.); в Бильчирской школе – Наталья Мичурина (1899 г.); в Куйтинской – Пелагея

Вембер (1896 г.); Молькинской – Клавдия Мефодьевна Никольская (1899 г.); Нельхайской – Тальяна Филатова (1896 г.).

Таким образом, по материалам «Иркутских епархиальных ведомостей» можно судить о том, что представители инородческой власти принимали активное участие в христианизации своих соплеменников, оказывали помощь миссионерским церковно-приходским школам, приобретая оборудование, предоставляя жилье для учеников; с введением Миссионерским обществом дополнительной оплаты священниками за миссионерскую деятельность кадры священников-миссионеров становятся более постоянными; обучение детей в миссионерских церковных школах учителями-бурятами на родном языке давало положительные результаты.

Литература и источники

1. *Балданов С. С.* Административное управление Российским государством Бурятией (конец XVII – начало XX вв.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2005. 134 с.
2. *Виноградов А.* Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1893. № 9.
3. *Виноградов А.* Описание первой поездки высокопреосвященнейшего Тихона, архиепископа Иркутского, для обозрения миссионерских станов и приходских церквей Иркутского и Балаганского округов, расположенных по Московскому и Ангарскому трактам, с 3-го по 16 ч. октября 1892 г. // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1893. № 11.
4. Епархиальные распоряжения и известия // Иркутские епархиальные ведомости. 1896. № 17.
5. Иркутская духовная миссия в Идинском ведомстве // Иркутские епархиальные ведомости. 1870. № 37.
6. Иркутское отделение духовной миссии // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1867. № 21.
7. Иркутское отделение духовной миссии // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1867. № 22.
8. *Лышя О.Б.* Деятельность православных миссионеров по развитию школьного образования среди коренных народов нижнего Амура во второй половине XIX в. // Русская Америка: материалы III Международной научной конференции «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.). Иркутск, 2007.
9. Сведения об Иркутском отделении миссии духовной в пределах Восточной Сибири за 1866 год // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1867. № 16, 17.

10. Список начальных школ духовного ведомства к 1 января 1899 г. // Иркутские епархиальные ведомости. 1900. № 8–9.
11. Список церковно-приходских школ Иркутской епархии // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1896. № 10.
12. *Троицкий-Сенютович П.* Краткий отчет Инспектора народных Училищ Иркутского, Балаганского и Верхоленского округов о церковно-приходских, миссионерских школах грамотности, осмотренных им в феврале и марте 1889 года // Иркутские епархиальные ведомости. 1890. № 6.
13. *Фивейский Д.* Церковно-приходские школы Балаганского уезда (Историко-статистический очерк) // Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1908. № 21.

УДК 271.2+908

Павлова Н. Д.*

Церкви и миссионерские станы в XIX – начале XX в. на территории современного Нукутского района

Аннотация. В статье рассматривается история трех храмов Нукутского района: Нукутской церкви во имя святителя Иннокентия, Одиссинской миссионерской во имя Михаила Архангела и Наймадайской церкви в честь Сошествия Святого Духа. История храмов восстанавливается на основе архивных документов – клировых ведомостей, публикаций в «Иркутских епархиальных ведомостях», а также воспоминаний старожилов Нукутского района и собственных воспоминаний автора.

Ключевые слова: буряты, миссионерская деятельность, крещение, православные храмы, родословная

Pavlova N. D.

Churches and Missionary Camps in the 19th and Early 20th Centuries on the Territory of the Modern Nukut District

Abstract. The article describes the history of the three churches of the Nukut district: Nukut church in the name of St. Innokenty, Odissin missionary church in the name of St. Michael the Archangel and Naimadai church in the name of the Descent of the Holy Spirit. The history of the temples is reconstructed on the basis of archival documents: clerical vestments, publications in the «Irkutsk Diocesan Gazette» as well as the recollections of the old residents of the Nukut region and the author's own recollections.

Keywords: Buryats, missionary activity, baptism, Orthodox churches, genealogy

* Павлова Нина Даниловна, краевед. E-mail: ninapavlova1953@mail.ru

Распространение христианства у бурят началось с появлением первых русских, но особенно усилилось во 2-й половине XIX в.: именно в это время миссионерская деятельность приобрела системный характер. При этом наибольших успехов Православная церковь добилась у западных бурят, хотя, следует признать, что христианизация зачастую была формальной (а в некоторых случаях и насильственной), и, несмотря на принятое крещение, многие буряты оставались шаманистами.

В настоящей статье будет рассмотрено распространение христианства на территории Нукутского района. Первый православный миссионерский стан среди бурят был основан в 1859 г. в улусе Нукуты Балаганского ведомства, при Балаганской степной думе. В XIX – начале XX в. на территории района было три православных церкви.

В Государственном архиве Иркутской области сохранились документы о том, как строился **1-й Нукутский храм во имя святителя Иннокентия**. Заложен он был в 1848 г. усердием тайши Балаганского ведомства Григория Андреева и окончен уже после его смерти Балаганским мещанином Березиным в 1859 г. Освящён храм 1 июня 1859 г. Преосвящённейшим Евсевием, архиепископом Иркутским. Первым священником был назначен протоиерей Иннокентий Ливанов, окончивший курс в Иркутской духовной семинарии в 1848 г. со званием студента. Его служение продолжалось с 1859 по 1880 гг. включительно. В состав прихода тогда входило 68 улусов из трёх ведомств: Балаганского, Аларского и Идинского с населением более 50.000 душ обо-его пола. Храм простоял почти 20 лет. Шестого января 1878 г. он сгорел до основания.

Второе здание Нукутского храма было построено усердием протоиерея Иннокентия Ливанова и тайши Фёдора Щербакова на средства, собранные с бурят бывшего Балаганского ведомства и добровольные пожертвования. Уже 16 октября 1879 г. храм был освящён Высокопреосвященнейшим Вениамином, архиепископом Иркутским и Нерчинским. В конце 1880 г. отец Иннокентий Ливанов вышел по болезни за штат после 21 г. служения в приходе. После него почти 15 лет прослужил в приходе Африкан Медведев, окончивший курс учебы в приходском училище, под руководством отца Иннокентия Ливанова. Умер в 1895 г. И снова от неисправности печи в декабре 1896 г. храм сгорел до основания во второй раз.

Третье здание Нукутского храма было построено в 1898 г. на добровольные пожертвования бурят Унгинского ведомства, входящих в район стана. Освящено здание в ноябре 1898 г. Высокопреосвященнейшим Тихоном, Архиепископом Иркутским и Верхоленским. В апреле 1895 г. священником был назначен Прокопий Копылов, окончивший курс в Иркутской духовной семинарии в 1894 г. [5]

Буряты нередко рассматривали крещение как акт, приносящий им материальную выгоду: добровольно принимавшие крещение получали подар-

ки, рубахи, продовольствие, освобождались от уплаты ясака на три года и других повинностей. И нередко они принимали обряд крещения несколько раз. Не все сородичи были довольны тем, что их улусники принимают православие, и, выражая свое недовольство, говорили, что «из-за куска хлеба крест повесил». Однако не все буряты, прошедшие крещение, получали билет, дававший льготу на освобождение от уплаты ясака. Происходило это в тех случаях, когда зайсаны, шуленги (глава рода) не давали льгот или буряты крестились в детском возрасте, когда были еще неплатежеспособными. А некоторые, крестившись, изучили русский язык и получали ответственные должности. С этих пор стало много бурят с русскими фамилиями. Некоторые же из бурят, имевших достаток, принимая православие, выкупали свои фамилии, то есть оставляли их без изменения. Десятки, сотни бурят, получив начальное образование в приходских училищах, продолжали учебу в духовных училищах в городах Сибири, становились не только священниками, но несли крест в гушу своих сородичей.

В ГАИО нам удалось обнаружить списки бурят, принявших православие в Нукутской церкви на рубеже XIX–XX вв. При их анализе были выявлены некоторые любопытные закономерности: так, отчества, получаемые при крещении, зависели от дня недели. Если о. Александр крестил в понедельник, то давались отчества, например, Александровичи и Александровны; крещеные во вторник – получали отчества Николаевичи и Николаевны [2, л.80]. Таким образом, у детей из одной семьи могли быть разные отчества. Именно поэтому иногда возникают вопросы и путаница при генеалогических разысканиях.

Строительством православных приходов, организацией школ занимались православные священники. Миссионерская деятельность предусматривала развитие образования среди детей местных жителей. В 1865 г. в приходе была открыта школа. Учителем в ней состоял окончивший курс учительской семинарии Фёдор Петелин, из инородцев. По церковным спискам детей школьного возраста в приходе к 1 января 1898 г. числилось 1595 человек. Из них православных – 687 человек обоего пола, шаманистов – 908 обоего пола. Из этого числа в Нукутской школе обучалось в 1898 г. только 32 мальчика и 10 девочек. Из них – 30 православных, 12 – шаманистов, 1 – из духовных, 1 – из купцов и мещан, 2 – из крестьян, 32 инородца, 2 детей солдат, 4 – поселенцев. Всего обучалось 126 человек [2, л.81].

Существует легенда по поводу открытия Одиссинской школы и православной церкви, знакомая автору статьи с детства, поскольку ее действующими лицами были мои предки по отцовской линии со стороны деда и бабушки. Легенда гласит следующее: Жил в Одиссе (ныне Зунгар) богатый бурят Ашттн (от этого имени пошла фамилия Ашедуев), который имел много скота, содержал батраков, имел двухэтажный магазин, являлся старостой. Староста Ашедуев, собирая налоги, повысил нормы своим одноулусникам,

что явилось тяжелым бременем для небогатых жителей улусов. И двое – Кузьма и Шарьян – поехали в Иркутск к генерал-губернатору с жалобой, что Ашттн притесняет их налогами. Губернатор потребовал к себе старосту и при улусниках принял решение: наказать Ашттна в инородческой управе в Коновалово в присутствии жителей 25 плетями. Прибыв домой, все обдумав, в ночь на своих упитанных рысаках добрался он до Иркутска к генерал-губернатору и упросил его сменить гнев на милость. Взамен 25 плетям он обещал построить в Одиссе школу и православную церковь и обратиться сородичей в православие. Решение было принято в пользу Ашттн [Семейная легенда Дамбиновых].

Школа была открыта 14 декабря 1867 г. Это была школа для бурятских девочек на 30 мест при 22 ученицах, из – них 12 пансионерок. Ашедуев открыл ее в своем доме, построенном в 1861 г., и обязывался содержать в течение пяти лет за свой счет. Это была единственная школа для бурятских девочек, не имевшая на тот период аналогов на территории Бурятии, Забайкальского края и Иркутской области [1].

*Здание
школы.
Фотография
1925 г.*

Интересная подробность: в здании был предусмотрен теплый туалет, что было исключительной редкостью для того времени. За устройство женского инородческого училища в Нукутах Ашедуеву была вручена медаль [4].

Выполнил он свое обещание и относительно постройки церкви. 26 мая 1882 г. на средства Ашедуева был заложен **Одиссинский миссионерский храм**, первоначально приписной к Николаевской церкви с. Нукуты. «Построили храм подрядчики Е. Константинов и Т. Сурин – крестьяне Шиверского селения. Храм был деревянный, в длину всего 7 сажень (примерно 15 м), с колокольней небольших размеров. Освятили его 11 ноября 1884 г. во

имя Архистратига Михаила. В феврале 1901 г. при церкви был учрежден самостоятельный приход, в который вошло 1226 человек православных, кроме того здесь проживало 2468 некрещенных бурят» [5].

Как вспоминали очевидцы, церковь была построена на высоком месте, очень красивая, ее было видно со всех четырех сторон, рядом с церковью росли сосны, лиственницы. «15 мая Архипастырь был остановлен в Одицинском улусе родоначальником Ашедудевым, при добром участии коего, было собрано значительное число бурят для встречи Владыки и для крещения. Среди обширного двора Архипастырь со своими сотрудниками крестил до 140 душ и тут же благословил приобщить их к Святыням Христовых тайн, запасными святыми дарами. Достойный староста, имеющий уже две медали за полезные и похвальные дела, изъявил Архипастырю усердие. На свой счет соорудить в своем улусе молитвенный дом с алтарем...» [6].

Рядом со школой и церковью Ашедудев построил дом для дьячка, он был одной архитектуры с открытой школой. Буряты этот дом называли «зушое-гыр», поскольку, видимо, слово дьячок, трудно было им произносить. Дом до сих пор «живой»: в нем живут люди.

Полное описание церкви дается в ее клировой ведомости за 1902 г.: «Церковь сия с постройкой начата в 1882 г., старанием бывшего старосты Зунгарского рода Михаила Ашедудева, без пособий добродетельных подаяний. Освящена 11 ноября 1882 г. Благочинным священником Алексеем Сухановым. 2). Здание деревянное с такою же колокольнею, однаэтажная. 3). Престол в ней один, во имя Архистратига Михаила и прочих сил бесплотных. 4). Утварью и ризницею недостаточна, пять Богослужебных книг. 5). Причта по штату положено: один Священник званием миссионера и один псаломщик. 6). Земли при сей церкви усадебной пять десятин. Усадебная земля отведена 6-го декабря 1902 г. общественным приговором. Приговор хранится при делах церкви. Плана не имеется. 7). В 1901 г. в феврале отцом Благочинным миссионерских церквей возбуждено было ходатайство через Епархиальное начальство, пред гражданскими властями и в отвод сенокосной земли. Результаты ходатайства неизвестны. 8). Причтовых польщений пять. Квартиру для причта нанимается на средства Иркутского Комитета Православного Миссионерского общества. Сим Комитетом отпускается средства на постройку домов, которые имеют быть выстроены осенью 1903 г. 9). На содержание причта положено Указом Священного Синода от 16 марта 1901 г. № 1833 жалование миссионеру 400 рублей, на разъезды его по делам службы 100 рублей, псаломщику 200 рублей, каковые причт получает из Балаганского Губернского Казначейства. Кроме того, причт получает из Иркутского

Комитета Православного Миссионерского общества добавочное жалование миссионера 206 рублей, псаломщик 54 рубля. 10). Здание принадлежит церкви: сторожка для получения трапезников. 11). Расстояние сия церковь от Иркутской Духовной Консистории в 267 верстах, а от благочинного в 150 верстах. 12). Ближайшая к сей церкви Коноваловская Петро-Павловская находится к востоку в 15 верстах, Шиверская Константино-Еленинская – к северу в 20 верстах. 13). Приписных церквей нет. 14). Домовой книги нет. 15). Опись церковному имуществу составлена в 1902 г. 16). Приходно-расходные книги о суммах свечной церковной за шнуром и печатью Иркутской Духовной Консистории ведутся исправно и хранятся в целости. 17). Копия метрической книги за 1902 г. хранятся в целости. 18). Использованная роспись за 1902 г. хранится в целости. Священник Дмитрий Копылов.

В 1902 г. старостой Одиссинской Михайло-Архангельской миссионерской церкви был избран инородец Зунгарского рода Зунгаро-Быкотского ведомства Тарас Иванович Данчинов. Сохранился его послужной список. «Из знаков отличия имеет серебряную медаль, 41 г. от роду, православного вероисповедания. По избрании церковно-приходским сходом в должность церковного старосты утвержден Епархиальным начальством в сей должности 4-го ноября сего 1902 г. ... состоял почетным блюстителем Одиссинской Тихоновской Миссионерской церковной школы с 30 октября 1895 г. по 14 декабря 1902 г. За содействие к благоустройству Одиссинской Тихоновской церковной школы награжден серебряной медалью для ношения на груди Указ за № 1393 1900 г. За труды и усердие по постройке Одиссинской Тихоновской Миссионерской школы получил благодарность Епархиального Начальства с выдачей Грамоты 1901 г. за № 86». Миссионер Священник Димитрий Копылов. Псаломщик Андрей Попов [3].

Также сохранилась клировая ведомость церкви за 1911 г. В ней добавлена информация о том, что в 1904 г. «Дома для службы и церковных слушателей на церковной усадебной земле построены от Иркутского Православного Миссионерского общества в 1904 г. и составляют собственность Комитета, стоящие 5097 рублей 54 копейки. Другие здания принадлежат церкви: деревянная сторожка, для получения трапезников. Состояние домиков: при доме священника есть: амбар, сеновал, баня, погребя и ограда, а при доме псаломщика надворные постройки начаты». А также сведения о имеющихся в приходе школах: «две из них при стане Миссионерская Тихвинская одна и в Быкотском улусе миссионерская инородческая одна. Церковная школа помещается в домашней собственности на содержание инородческого общества Зунгаро-Быкотского ведомства 50 рублей в г., в ней обучается 35 мальчиков, 9 девочек буряток. При церкви состоит старостою церковный инородец Семен Самсонович Дамбинов, который на этой должности с 1906 г. Преосвященный последний раз посетил приход в 1908 г.» [3, л. 81].

В ведомости приводятся ценные сведения о населении:

№ п/п	Улусы	Число домов или х-в	мужчин	женщин	Расстояние от церкви
1.	Одиссинский	23	64	40	-
2.	Котовский	11	12	9	3
3.	Харагунский	22	35	21	8
4.	Биритский	41	80	67	4
5.	Улентуевский	20	57	27	6
6.	Онгоевский	22	39	34	6
7.	Курунтуевский	20	40	36	12
8.	Аритский	24	67	27	20
9.	Багаевский	16	46	23	15
10.	Исетский	16	32	21	15

Таблица составлена по архивным данным [3, л. 91], по ней можно сделать также вывод о том, какое расстояние было между Быкотскими улусами: начиная от Курунтуя версты идут по нарастающей, то есть до Курунтуя 12 км, до Багаева 15 км, до Арит 20 км, до Исет 25 км. Вывод: между Курунтуем и Багаевым расстояние 3 км, от Багаево до Арит 5 км и от Арит до Исет 5 км. Эти сведения важны потому, что эти населенные пункты были затоплены в связи со строительством Братской ГЭС и сейчас находятся на дне Ангары.

В ведомости содержится информация о штате церкви и положенном ее служителям жаловании: «Миссионеру – 500 рублей в г., сотруднику 500 рублей и псаломщику 200 рублей. Доходов за 1911 г. получено 30 рублей» [3, л. 91]. Читая эти архивные источники, автор заинтересовалась, насколько весомыми были деньги практически век назад? За один год доходы церкви составили 30 руб., за другой – 20 руб. На что можно было рассчитывать на эти деньги в то время? В открытых источниках можно найти информацию о жаловании в царской России, в его переводе на современный рублевый эквивалент.

Должность	Жалованье	Размер жалованья в современном рублевом выражении.
Фельдшер	40 рубл.	60550рубл.11 коп.
Учитель н\школы	25 рубл.	37843рубл.82 коп.
Рабочий	37,5 рубл.	56765рубл. 73 коп.
Кухарка	8 рубл.	12 110рубл.02 коп.
Дворник	18 рубл.	27247рубл.55 коп.
Полковник	325 рубл.	491969 рубл.66 коп.

То есть миссионер получал примерно 42 руб. в мес., что эквивалентно 63 577 руб. Уровень оплаты кажется вполне соответствующим современному. Но следует учесть, что продолжительность рабочего дня составляла 12

часов, выходной был один (а у священника воскресный день всегда был занят службой), отпусков вовсе не существовало. Покупательная стоимость в то время была гораздо меньше, так как цены на товары и продукты, считается, были весьма высоки. Таким образом, содержание миссионера и особенно псаломщика нельзя признать достаточным.

В Одиссинской церкви крестились мои предки. Дедушка с бабушкой по отцу Дамбиновы Кирилл Замбалович и Анна Сергеевна принимали крещение. Бабушка Аханян Шарьяновна при крещении стала Анной Сергеевной. Фамилию выкупили, сохранили свою – Дамбиновы. Моего отца при рождении назвали Донжуп, при крещении он был назван старославянским именем Даниил. Дети были у них все крещенные, а младший родился в 1933 г., когда церковь была уже закрыта и бабушка по договоренности с Коноваловским священником окрестила его в Коноваловской церкви, дав ему имя Георгий. Многие буряты, принимая православие, получали новые имена, но искажали их на бурятский лад: так, в деревне была бабушка Кыршинка, оказавшаяся Кристиной.

Старожилы вспоминали, что, когда закрыли церковь в 1932 г., была задача снести на церкви крест, размером он был где-то полметра, никто не решился забраться на крышу этого святого храма, чтобы его убрать. Потом общими усилиями сняли его, закидывая веревку с петлей на конце. Процедура была долгая. Затем, сняв колокольню, сделали двускатную крышу. До 1968 г. в бывшем храме находился сельский клуб. После того, как для клуба было построено новое здание, церковь снесли. 8 мая 1985 г. на ее месте был открыт памятник погибшим воинам-односельчанам, а теперь и участникам Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Третья церковь на территории современного Нукутского района – это **Наймодайская церковь Сошествия Святого Духа**, открытая в 1903 г. До 1910 г. она входила в состав Нукутской православной церкви, а с 1910 г. стала самостоятельным приходом. Была она одноэтажная, деревянная без колокольни. Построил ее заларинский крестьянин Ф.И. Расопин на свои средства. [5]. Здания этих церквей не сохранились.

В настоящее время на территории Нукутского района мирно сосуществуют 4 религии: шаманизм (самая древняя), христианство, мусульманство и буддизм. Открытие здания Дацана в Новонукутском состоялось в 2006 г., 25.06.2007 г. новонукутский дацан был зарегистри-

Церковь Преображения Господня. Новонукутский

стрирован как первый на территории Усть-Ордынского Бурятского округа. История Церкви прихода Преображения Господня берет свое начало от 8 ноября 2007 г., когда был установлен Поклонный Крест на месте строительства будущего храма, в июне 2008 г. построили Молебный дом. Мечеть в Новокутском была открыта 25 ноября 2009 г. [7]. Все эти храмы находятся практически рядом друг с другом, что символизирует уважение и понимание между людьми, не зависящее от разницы в их религиозных взглядах и конфессиях.

Литература и источники

1. *Андреев В.И.* История бурятской школы (1804–1962). Улан-Удэ. 1964. 567 с.
2. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 9074.
3. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Ед. хр. 7813.
4. История Бурят-Монгольской АССР /под ред. А.П. Окладникова. Т. 1: История Бурят-Монголии от первобытно-общинного строя до Великой Октябрьской социалистической революции. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. 574 с.
5. *Калинина И.В.* Православные храмы Иркутской епархии. XVII – начало XX века. / Научно-справочное издание. М.: «Галарт», 2000. 494 с.
6. Иркутские епархиальные ведомости. 1878. № 17–18.
7. Подшивки районной газеты «Свет Октября» (с 2006–2009 гг.).

Информаторы:

1. Дамбинова Мария Прокопьевна (1924–1998)
2. Дамбинов Георгий Кириллович (1933–1995)
3. Дамбинова Ирина Семеновна (1915–2012)
4. Дамбинов Константин Кириллович (1910–1987)

УДК 39(392.3+392.5+392.7)

Белобородова Н.М.*

Этнокультурные контакты бурят Усть-Ордынского Бурятского округа с иными этническими группами в XX веке (по материалам экспедиций)

Аннотация: Усть-Ордынский Бурятский округ – полиэтническая территория. В статье представлен записанный автором полевой материал об этнокультурных контактах бурят, титульной нации округа, с иными этническими группами (русскими, украинцами, татарами, прибалтами).

Ключевые слова: округ, этнокультурные контакты, буряты, русские, украинцы, татары, прибалты.

* Белобородова Нина Михайловна, канд. ист. наук. E-mail: vikynchik.73@mail.ru

Ethnocultural Contacts of Buryats of the Ust-Ordyn Buryat District with Other Ethnic Groups in the 20th Century (Based on the Materials of the Expeditions)

Abstract: Ust-Orda Buryat District is a multiethnic territory. The article presents the field material recorded by the author about the ethnocultural contacts of the Buryats, the titular nation of the district, with other ethnic groups (Russians, Ukrainians, Tatars, Balts).

Keywords: district, ethno-cultural contacts, Buryats, Russians, Ukrainians, Tatars, Balts.

В основу статьи положены материалы экспедиций по районам Усть-Ордынского Бурятского округа, состоявшихся в период с 1994 по 2021 гг. В результате экспедиций удалось записать воспоминания жителей, представляющие, на наш взгляд, бесценный материал. Известно, что в округе проживает более ста представителей разных национальностей. Коренным населением округа являются буряты. Из других национальностей преобладают русские, меньше украинцев, белорусов, литовцев, татар, чувашей, поляков и других.

В 1926 г., по данным статуправления, население Эхирит-Булагатского аймака (ныне района) разделялось на две основные группы: «бурят и ясачных и русских и проч.». Центром аймака, где были сосредоточены все аймачные учреждения, являлся улус Усть-Орда. Весь Эхирит-Булагатский аймак представлялся смешанным бурято-русским населением с преобладанием бурят. В хошунах (волостях) русские чаще расселялись вперемежку с бурятским населением. Отдельные русские поселения были редки [9, л. 26 об., 29, 29 об.].

Уроженка с. Усть-Орда Татаринаева Евдокия Михайловна (1914 г.р.), рассказывала, как она маленькая с отцом ездила к бурятам: «Раньше были дружки – значит, друг другу были други. С бурятами-та дружна жили. Кулункунские, кукунутские всё дружки были. Раньше не товарищи, а дружки были. Знакомые были у тяти в Кырме, кулункунские буряты. А стычек никогда не было, не ругались, ездили сметанничать в Кулункун (Кулункун). Возили лук, конфеты, табак, а они (т.е. буряты) давали сметану. Они же ничего не сеяли, картошку почти не садили. А осенью вот так с огорода вот так эта табак имя, морковь вот эта, больше всего табак любили. А они значит сметану давали». И буряты обязательно маленькой Дусе преподносили в качестве подарка большую чашку сметаны со словами: «О, эта чашка Дуньхам гостинцам». А ещё говорили: «О, Дуньхам, хутулхай нада». «Ну, хутулхай – калач у их на одной сметане. Хутулхай у их называли, шас ни знаю называют. Ну, стары же знают, молоды, конечно не знают», – поясняла рассказчица [2, с. 76].

Далее Евдокия Михайловна тепло вспоминала, что у бурят коров было «без счёту», сметаны семье Татариновых давали очень много «цёлу кадушку, почти ушат, ведра четыре». Татариновы её не ели, так как у них была своя сметана, а использовали на масло. Запомнилось маленькой девочке, как по их приезду, гостеприимные буряты варили сразу саламат: «У их эта пёрва угощенья саламат был», садясь «кругом», тарасун пили, «ну и тятя садил-ся». Дети бурят с русскими не играли, по мнению бабушки, они боялись приезжих, убегали за юрты, так как никуда не ходили и не ездили. Позже взрослые их стали на «торгí» садить и в Усть-Орду привозить. «Торгá – это двухколёсная такá телега. У нас торгá, а у их арбá называлась», – поясняла долгожительница.

Однажды Дуня с тятьей (отцом) приехала в Айдар (возле Кукунута раньше был улус), а в юрте рожала женщина, подъезжать нельзя было, пока она не родит. Запомнилось девочке, как вокруг юрты ходили и кричали буряты: «Оёй, ах, да! Оёй, ах, да!». А когда родился ребёнок, закололи барана, «в овчину его завёртывали».

По утверждению Евдокии Михайловны, местные буряты праздновали: «Миколу (Николая). Это Микола летняя. Зимнюю-то не праздновали, а летнюю они праздновали. К дружкам-та приезжали, а так чужим-та нет. А у нас как тятя дружив с имя́. Онé к нам ездили, всё время ездили». Кулункунские буряты также приезжали на Пасху и, поздравляя Татаринова Михаила Васильевича с праздником, говорили: «О, Михайло, ты воскрес Христос, воскрес Христос!». Привозили тарасун, сметану.

Несмотря на православное вероисповедание, по рассказам дочери бывшего старосты Усть-Ордынской церкви, «отец приглашал шамана, это делалось для сохранения скота во дворе». В этом случае проявлялась не истинная вера отца девочки в Православие.

Шестнадцатилетней девушкой Евдокия ходила мыть в «Кулюнкуне (Кулункуне)» полы «имя́» (бурятам). Мыла старательно, шоркала. Они даже боялись, смеясь, она вспоминала: «Ой, Ду́ньхам, как так шибко, шибко вы́-мал. Они почему-то сами не мыли, нанимали. Покупали: то платочек купят, кто побогаче – на кофточку купят. Богаты-то нанимали». На кулункунской горе раньше стояли юрты. Запомнилось крестьянке, что, когда в Кулункуне ёхорили, в Усть-Орде было слышно: «Да, сильно уж пели громко». Некоторые из бурят играли на каком-то бурятском инструменте, напоминающем балалайку или мандолину, точно название инструмента сибирячка не смогла вспомнить.

А ещё сельская женщина рассказывала, что буряты даже не подходили к речке Куде, не купались, боялись бухэлдэ (как черт, поясняла бабушка). В лес не ходили, ягоды и грибы не собирали. Известно, что такое отношение к природе освящалось традиционной религией аборигенного населения. Со временем положительный опыт использования природы русскими земле-

дельцами был заимствован бурятским населением, а старожилы переняли у последних «утужное хозяйство».

Раньше русские парни, вспоминала рассказчица, вначале «жали свою страду», а затем нанимались к бурятам. Таким образом, они «зарабатывали себе на обнову», так как крестьянские семьи жили не богато. По утверждению информанта, в их роду все русские, хотя по архивным документам за 1917 г. Усть-Ордынской Троицкой миссионерской церкви ее отец – оседлый инородец [6, л. 5].

А еще помнила крестьянка, как на Рождество Христово жившие по соседству в Усть-Орде прибалты иногда христославщиков угощали яблоками, которые в то время были деликатесом, их ели маленькими кусочками, «растягивая удовольствие».

В полинациональной среде, в результате подражания детей взрослым, в своеобразном преломлении, вероятно, и появилась занимательная шуточная русская загадка «Пришла ночь темна», записанная нами от Татариновой Евдокии Михайловны. Загадку загадывали русские дети с использованием бурятских слов и слов, сочиненных по типу бурятских:

Пришла ночь темна, Садитесь на овсянички,
Пришёл тахтá-бахтá, Догоняйте тахтú-бахтú,
Утащил терхэ-берхэ, Отнимайте терхэ-берхэ.
Вставайте, мошеннички,

Коренная жительница нам поясняла, что тахтá-бахтá – это волк, терхэ-берхэ – это овца, мошеннички – это люди, овсянички – это лошади. Записанная нами загадка – живой словарь русского старожилого населения. О собирании в такой словарь слов «туземного происхождения...» писал Георгий Семенович Виноградов [5, с. 18].

Переверзева Мария Александровна (1920 г.р.), русская, уроженка села Захал в подростковом возрасте с «девками» водила русский хоровод и по-бурятски «ёхор етот» танцевала, «по-бурятски». А когда неродной отец всех дочерей выдал замуж за бурят, то Мария выучила бурятскую колыбельную песню. На наш вопрос: «От кого слышали эту песню?», сибирячка отвечала: «В Кукунутах от своих, родных-та. Оне же буряты – родные». Содержание текста она объяснила так: «Стоит конь привязанной, спит ребенок, собака охраняет». Для сравнения приводим экспедиционную запись и оригинал песни в бурятском исполнении:

Бүбэ бабэ орондоо, Бүбэй бабайн орондоо,
Бүхэ нохэ үдэндэ, Бүхэ нохой үүдэндэ,
Холюнал нарэн хорэда. Холюнал морин хүрэдөө.

Данный материал напоминает варианты колыбельных, записанных Дашинима Санжиевичем Дугаровым в Забайкалье [7, с. 57, 58]. О наклонности подражания русских детей пению бурят в предместьях Иркутска также писал Афанасий Прокофьевич Щапов [15, с. 161].

По исследованиям Николая Алексеевича Ситникова, первыми в деревне Большая Кура поселились черноморские казаки, «которые назвали, как на Кавказе, речку Кура». Деревня Большая Кура – это образец смешанных русско-бурятских браков. Об этом говорят многочисленные рассказы русских старожил. Например, Василий Павлович Букин (1932 г.р.) вспоминал, что их род «с Танга́хая (по линии отца)», казак прапрадед Букин Прокопий был в работниках у богатых бурят Егоровых и в счет расчета за работу попросил дочь и «вот оне поженились». Из рода Букиных в книге Ситникова находим Ивана Андреевича, Прокопия Федоровича, Прокопия Васильевича 1823 г.р. [11, с. 48, 49].

Марии Андриановны Сыроватской мама (1891 г.р.), русская, православная, «четвёртое поколение бурят», ее предки – выходцы из бурят (улусы Харануты, Эмигей). Букина Анна Ивановна (1912 г.р.) с иронией отмечала, что ее сестренка была замужем за умным и богатым бурятом, родила всего одного сына, жила, как барышня. Куда сестра захочет, туда «её вязёт». У них было восемь коров, своя «стряпка».

По сообщению Прасковьи Александровны Журавлёвой (1921 г.р.), в их родословной тоже есть буряты: «У нас от есть от буряты Букины, Ситниковы. Родословная даже в четвёртом колене. Сначала от значит, быв от Дмитрий Алексеевич, потом Алексей Романович, а уже Роман был Мархайч, Мархай бурят был. Вот родословна у них оттуда с Харанут шла. И они харанутские считают нас Куру роднёй». Далее отмечала, что, если русская девушка замуж за бурята выходила, он должен был в церкви обязательно покреститься. По ее мнению, обычно замуж за богатых бурят выходили русские девушки из бедных семей. А по мнению жительницы (1927 г.р.) из с. Тугутуй, ей об этом говорила мама: «Буряты брали замуж красивых русских девушек, чтоб дети были красивые». А Анна Ивановна Букина (1912 г.р.) нам категорично заявляла: «За бурятов атец с матерью ни... адин ни отдавав... А убегала ана вот сама». Необходимо отметить, что, начиная с 1887 г. по 1917 г., бурятское население Сибири уменьшилось на 17,6 %. Эти данные опубликованы в экономическо-статистическом обзоре за 1923 г. [9, л. 30]. Возможно, таким образом богатые буряты, женясь на русских девушках, решали демографическую проблему.

Смешанные браки между русскими и бурятами совершались и в других населенных пунктах. Житель села Куяда (1938 г.р.) вспоминал, что сестра матери была замужем за бурятом, а «мать по-бурятски говорила исключительно». Рассказчик отмечал, что старое поколение русских хорошо владело бурятским языком. А если родственники буряты ездили в Захал в больницу, обязательно заезжали к ним в гости. Мать никогда не курила, но специально для них на «печёрке, у большой печки», держала вышитый, красивый кисет с табаком, на котором сверху лежала маленькая курительная женская трубочка, окованная белым металлом, «скорее всего

серебром». Они пили чай, часа два разговаривали, «попыхивали, но внутрь дым не глотали».

Буряты, по воспоминаниям старожилов, войдя в состав семей русских сибирских крестьян, соблюдали посты и отмечали православные праздники. А русские девушки, выйдя замуж за бурят, осваивали бурятский язык. Таким образом, языковой барьер в некоторой степени между этими двумя группами населения убирался и за счет смешанных браков.

Как известно, основу рациона бурят составляли мясные и молочные продукты. Русские привнесли в традиционную культуру питания аборигенного населения разнообразие сдобной выпечки на свадебном столе. Например, уроженка с. Тугутуй 1927 г.р. рассказывала нам, что её бабушка по материнской линии «была ценной стряпкой, стряпала на свадьбах. Ей платили золотыми монетами. Русские и буряты платили». Известной «стряпухой» близлежащих деревень была еще одна тугутуйская жительница 1906 г.р., которую приглашали на русские и бурятские свадьбы.

Принятие православия способствовало сближению русских и бурят. Это качество проявлялось к осиротевшим детям. Буряты растили русских, по сведениям сибирячек, давая им свои фамилии. Например, Бардымова Нина Борисовна (1910 г.р.) русская женщина поведала о том, что ее мужа, русского мальчика-сироту, вырастили буряты и дали ему свою фамилию. А у другой женщины (1944 г.р.) мать была украинка, девочку-сироту вырастили в бурятской семье, она приняла шаманскую веру.

В улусе Кулункун (ныне село) русские, буряты, татары, украинцы, литовцы жили дружно. Об этом нам поведали бывшие жители улуса. Праздники старались встречать компаниями в своей языковой среде, но, если в гости приходили люди другой национальности, их радушно принимали. «Украинцы, когда в компании были, пели красиво, литовцев не слышала, татар не слышала, буряты пели свои песни, а татары больше по-бурятски говорили. Смешанных браков не было», – делилась воспоминаниями Просвирнина Евгения Андреевна (1942 г.р.). В детстве Евгения научилась говорить по-бурятски, так как бабушка и мама общались с местными бурятами на их родном языке. Если какие-то мероприятия, пели каждый на своём языке, если в компании, то на русском.

Запомнилась рассказчицам национальная одежда: в праздники украинки надевали большие, красивые шали, вышитые кофты, длинные темные юбки; литовцы носили сабо на деревянной подошве. Литовка Петруня шила очень хорошо, «на западный манер», обшивала всех, кто к ней обращался. У бурят были унты, кушаки. Татарские женщины носили яркие платки, старые мужчины – яркие, расшитые тубетейки.

«Домá на замок не запирали, прикрыли и пошли». Помогали многодетным семьям. Например, одна бабушка (1877 г.р.) в течение года жила в бурятской семье председателя колхоза Барлукова и нянчила их дочь и сына.

По воспоминаниям внучки, отношение к ней в этой семье было очень хорошим. «Те годы как-то дружно были, народ дружный был», – заключали рассказчицы.

Местные буряты очень почитали Николая Чудотворца. Однажды у соседей одна из женщин-рассказчиц увидела какой-то образ, сшитый из кожи и подвешенный на ремешке на гвоздик под потолком на балку, хотела его потрогать. Но соседский мальчик сказал: «Не трогай, Николка». Известно, что Святого Николая почитали и северные буряты. От них Матвей Николаевич Хангалов записал поверье «Никола-Бурхан», которое вошло в «Балаганский сборник» [14, с. 57, 58]. Упоминание о почитании образа Николая Угодника бурятами и татарами в Сибири встречаем в работах многих ученых [3, с. 32, 499]. Традицию почитания предбайкальскими бурятами Николая Чудотворца подтверждают архивные материалы. Например, в деле «Документы о религиозной общине при Ново-Николаевской церкви в с. Адыки» Эхирит-Булагатского аймака (района) за 1927 г. при описании церковного здания особое внимание уделено истории строительства церкви. В документе есть информация о том, что церковь освящена во имя «св. (святителя) Николая Мирликийского чудотв. (Чудотворца)» и «построена крещёным инородцем Адыкского улуса, Верхнеудинского ведомства Николаем Хонгоровым, при участии и старании оседлых инородцев Адыкского выселка Александра Казарина, Марии Пермяковой и др. в 1906 году» [12, л. 29].

Известно, что законодательные акты самодержавия до 1915–1916 гг. по урезу крестьянских земель Иркутской губернии в наибольшей степени коснулись бурятских наделов. Одной из веских причин возмущения было то, что Переселенческое управление в начале 10-х гг. XX в. отвело 10 тыс. десятин под переселенческие участки в Аларском, Куйтинском, Ныгдинском, Нельхайском ведомствах (тогда еще в инородческих управах). Об этом писал исследователь истории Алари Жан Александрович Зимин [8, с. 15].

В статье «О бурятах, населяющих Иркутскую губернию» М. Н. Хангалов с болью описывал реализацию земельной реформы в Иркутской губернии, очевидцем которой он был в 1908 г., Матвей Николаевич также отмечал, что «буряты Куйтинского, Аларского и Ныгдинского ведомств преимущественно занимаются скотоводством и по сравнению с русскими крестьянами хлеба сеют мало». Ученый подчеркивал, что главное занятие бурят не хлебопашество, а скотоводство [13, с. 98–100].

Подтверждением насильственного изгнания бурят со своих земельных угодий служат и воспоминания халтинских жителей Аларского района, прибывших в Столыпинскую реформу в 1909 г. из Украины в Сибирь. Например, Федорца Мария Савельевна (1918 г.р.) вспоминала, что новое поселение Халты названо по имени или по фамилии богатого бурята Халтын, на этом участке до их заселения была его заимка. Когда он оставлял эти земли, то в отместку переселенцам забил природный ключ мешками с мукой. Об

этом ей рассказывала еще ее мама, но с годами вода нашла выход, и образовался пруд или, как называли его халтинцы, «рйчка» (речка).

Жители деревни Халты после переселения подрабатывали у богатых бурят в Алятах до прихода советской власти. Сибирячки-украинки рассказывали: «Вначале с бурятами жили не дружно, они относились к нам подозрительно. Но постепенно завязалась торговля, общение. Мы муку меняли на рыбу, многие из больших семей отдавали детей в батраки к богатым бурятам. Отец ездил на заработки в Аляты к богатым бурятам как кузнец, ремонтировал, и они приезжали в Халты. Отец дружил с бурятами по фамилии Данчиновы», «Кравчук Семён Арсеньевич 1910 г.р., уроженец Каменец-Подольской губернии пас коров, овец, лошадей, даже с детьми водился».

Из одежды халтинские переселенцы заказывали в Аляты бурятам пошив больших тулупов и полушубков, унтов. Рассчитывались с ними, кто как мог, по договоренности. По рассказам украинцев, раньше бурятка Мари́ша приезжала в Халты и брала заказы на пошив унтов для детей и взрослых. Она их шила сама. Алятские шили из кожи собственной выделки или из кожи заказчика. Кто держал овец, сам выделывал кожу. Украинцы-переселенцы добавили к традиционной системе питания саламат и чай, заимствовав от бурят.

Смешанных браков украинцев с бурятами не было. Вероятно, сказывалось неприятие в различии культур. Запомнился халтинцам единичный курьезный случай, когда украинская девушка вышла замуж за «исашна» из улуса Алят [4]. Они родили и воспитали четверых детей. Старшая дочь семьи Дроженниковых рассказывала, что отец и бабушка любили петь бурятские песни, особенно ёхор, последняя плохо говорила по-русски. Мать и родная сестра матери, поясняя сибирячка, очень любили в их исполнении бурятские ёхорные напевы, вставали в круг, подпевали и танцевали. Мама рассказчицы понимала бурятский язык, но не говорила на нем. В их семье отмечали православные праздники: Рождество, Старый Новый год, Крещение, Пасху, Троицу. На Рождество варили кутью, «в неё натирали мак». Варвара Савельевна была недовольна, когда муж и свекровь традиционно, по-бурятскому обычаю, капали или брызгали.

Интересны воспоминания Екатерины Васильевны о взаимоотношениях ее членов семьи с другими переселенцами, взрослыми и детьми, с представителями титульной нации. «Отношения с местными бурятами были хорошие», – отмечала уроженка села Алят. Также родители дружили с семьями русских, украинцев, «метисов». По утверждению женщины, раньше в Алятах были «гулянки», гуляли вместе представители из разных групп национальностей дружно и весело. «В детстве, – с теплотой вспоминала Екатерина Васильевна, – у меня была подружка, бурятка Ульяна Морохоева. Дети русских (так называли и украинцев) и бурят также играли вместе в

городки, лапту, через костры прыгали, когда купались ночью на Алятском озере. Иногда мальчишки и девчонки ругались и дрались. Тогда в адрес тех и других звучали неприятные рифмованные дразнилки, затрагивающие национальные образы. После выяснения отношений дети быстро мирились, играли и не враждовали.

Дроженниковы – сын и мать – шили для семьи обувь: ичиги, унты. Ичиги были с голяшкой и без неё. В основном шили из кожи молодых жеребят и телят. Надо заметить, что в то время практически почти каждая семья обеспечивала себя обувью, поэтому бурятское население с. Алят, взрослые и дети, ходили в ичигах и унтах. А дети представителей других групп национальностей в брезентовых тапочках. Но в основном дети тех и других в 1950-х, 1960-х гг. бегали по улице босиком [4, с. 89, 95, 98–103].

Из приведенных материалов следует, что русские старожилы и переселенцы украинцы, следуя догматам Православной церкви, старались жить с коренным населением Усть-Ордынского Бурятского округа и представителями других национальностей в мире и согласии. Конечно, моменты национальной неприязни были, но они происходили на частной основе. Наиболее активный контакт между представителями разных национальностей и коренным бурятским населением установился в процессе хозяйственно-бытовых и семейных связей. Эти связи формировали правильное отношение к ближним и к обществу многонациональной России в целом, так как: «Любовь Христианина должна простираться на всех неверующих людей; ибо все они созданы по образу Божию, как и мы» [10, с. 272].

Литература и источники

1. Муниципальный архив (АОА МО) «Аларский район». Ф. Р-7. Оп. 2. Д. 83.
2. *Белобородова Н. М.* Православные традиции в семейной обрядности русских старожилов Предбайкалья XIX – начала XX века: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск, 2012. 244 с.
3. *Белобородова Н. М.* Православие и фольклор русских старожилов Предбайкалья XIX – начала XXI века: монография. Иркутск, 2019. 607 с.
4. *Белобородова Н. М.* Страницы истории, фольклора, этнографии украинцев Предбайкалья (1909 – 1970-е гг.): монография / научн. ред. И. Б. Батуева. Иркутск, 2021. 544 с.
5. *Виноградов Г. С.* О собирании материала для словаря русского старожилото населения Сибири: опыт программы. Иркутск, 1924. 32 с.
6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. 195. Оп. 1. Д. 252.
7. *Дугаров Д. С.* Бурятские народные песни. Песни селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1969. 341 с.
8. *Зимин Ж. А.* Аларь: история и современность. Кн. 2. Аларь – бурный XX век. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2004. 187 с.

9. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-1198. ОП.1. Д. 4.
10. Православное Нравственное Богословие / Цензор Московской духовной академии, инспектор архимандрит Порфирий; 3-е изд. испр. Кострома: Тип. П. И. Андроникова, 1859. 240 с.
11. *Ситников Н. А.* Край родной: монография. Иркутск, 2021. 124 с.
12. Усть-Ордынский филиал ОГКУ ГАИО. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 6.
13. *Хангалов М. Н.* Собр. соч.: в 3 т. / Под ред. Г. Н. Румянцева. Т.1. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004. 507 с.
14. *Хангалов М. Н.* Собр. соч.: в 3 т. / Под ред. Г. Н. Румянцева. Т.3. Улан-Удэ : Республиканская типография, 2004. 311 с.
15. *Щанов А. П.* Собр. соч. Доп. том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск : Восточносиб. обл. изд-во, 1937. 378 с.

УДК 908

Афиногорова О. И.*

Культурно-информационный центр МО «Гаханское»

Петр Петров – историк и краевед села Гаханы

Аннотация: В статье рассказывается о жизни и исследовательской деятельности краеведа П.П. Петрова – уроженца с. Гаханы Эхирит-Булагатского района. Дается обзор его автобиографических и историко-этнографических записей, охватывающих первую половину XX в. Записи были собраны и переизданы автором статьи в 2021 г. в книге «Родословные легенды и предания моего рода». Подчеркивается роль Петрова в сохранении истории родного края.

Ключевые слова: локальная история, краеведение, Гаханы, Петр Петров, народное управление.

Afinogenova O.I.

Cultural and Information Center of the municipal association “Gakhanskoe”

Pyotr Petrov – Local Historian of the Village of Gakhany

Abstract: The article describes the life and research work of Petr Petrov, a native of Gakhakhan village, Ekhirit-Bulagat district. The author gives a review of his autobiographical and historical-ethnographical records spanning the first half of the 20th century. The records were collected and republished by the author of the article in 2021 in the book “Family legends and tales of my family”. The role of Petrov in preserving the history of his native land is emphasized.

Keywords: local history, local history, Gakhany, Pyotr Petrov, people’s government.

* **Афиногорова Оксана Илларионовна**, директор культурно-информационного центра МО «Гаханское». E-mail: o.afinogenova@yandex.ru

2022 г. знаменуется не только 85-летием Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского округа, но и 100-летием Шарахерского булучного совета, ныне администрация муниципального образования «Гаханское».

В настоящей статье мы хотели бы представить уникальный исторический и краеведческий источник – рукописи Петра Петровича Петрова, самородка-краеведа и историка, уроженца улуса Гаханы, сына Даглаева Пихусая (Петра), принадлежавшего к Олзоновскому роду. Образование Петрова составило всего три класса, причем и те со значительными пропусками и пробелами, что, однако, не помешало ему всю свою жизнь посвятить сбору и фиксации исторических сведений о своей родине. Оставшиеся после него рукописи являются единственными систематизированными записями по истории села Гаханы Эхирит-Булагатского района первой половины XX в. Эти рукописи занимают особое место в нашем семейном архиве (Петр Петрович – дед автора настоящей статьи), часть рукописей хранится в Бурятском научном центре Сибирского отделения Российской академии наук. В 2017 г. мы начали работу по сбору и систематизации записей. В 2021 г. переработанные рукописи были опубликованы в книге «Родословные легенды и предания моего рода» [2]. Часть записей была сделана на бурятском языке, и публикуется в нашем переводе.

Открывающий публикацию текст – «О жизни, о себе, о людях» – это автобиография Петрова от рождения в 1892 г. до выхода на пенсию в 1966 г. Но *личная история автора разворачивается на фоне локальной истории – летописи его малой родины – с. Гаханы* и всего Эхирит-Булагатского района, которая, в свою очередь, оказывается вписанной в историю большой страны. Показано, как Гаханы пережили все ключевые события первой половины XX в.: Первую мировую войну, Октябрьскую революцию, коллективизацию, Великую Отечественную войну и послевоенные годы.

«1914–1915 годы. Началась Первая мировая война, приходилось через семь дней гонять подводы по паре коней, возить солдат из Баяндая, Олзон до Усть-Орды, прибывших с Севера, мобилизованных в армию. Они по дороге хулиганили. Ненавидели инородцев, потому что они не принимают участия в войне... 1916 год. И вдруг нагрянуло объявление – всеобщая мобилизация инородцев от 19 до 35 лет на тыловые работы...» [2, с. 22]

«После царского переворота наши ребята стали самовольно выезжать домой, на железной дороге перестали проверять документы. Я дожил до 15 апреля 1917 года и тоже купил билет на поезд...» [2, с. 26]

«В 1918–1919 годах народ почти перестал заниматься хозяйством, стала процветать спекуляция и картежничество, легкая работа... Во время колчаковщины из Маньчжурии привезли много разного товара плохого качества...» [2, с. 28].

«1921 год был самым тяжелым для молодой советской власти, после гражданской войны местами был голод. Люди в поисках лучшей жизни пробирались кто куда по Сибири и другим местам, притащили заразы, люди повсюду стали болеть тифом, болезни остановить не было возможности» [2, с. 33].

«В 1922 году в октябре состоялся первый съезд Бурят-Монгольского народа, в течение 3 дней в Иркутске. Обсуждали вопрос об организации национальной автономной республики. Меня тогда выдвинули делегатом от первого Ользоновского рода» [2, с. 40]

«1928–1929 годы. Началась коллективизация в коммуны. В этот период из среды крестьян массово выявляли кулачество до 1930 года. Были раскулачены многие, попалался разный народ – бедняки, середняки, самые труженики» [2, с. 46] Приводятся списки раскулаченных [2, с. 47–49].

«С момента организации колхоза в 1932 году я усиленно занимался бу-мажной волокитой, организационной работой между рабочими. Канцелярия была душная...стал сильно кашлять» [2, с. 50]

«С 1930 по 1937, во время сезонных работ, на уборке сена и хлеба, на посевной, наряду со счетоводством, работал и жил на стане, чтобы показать пример. Жал вручную по 35–40 соток, вязал снопы по 900–1100 штук в день» [2, с. 53]

«1942 год. 3 августа на общем собрании избрали меня председателем. Я не соглашался, категорически отказывался...» [2, с. 57]

«Осенью мы сдали государству скот 80 голов, овец 50 голов, табун лошадей пустили на тебенёвку... Посевная 1944 года длилась до июня. Поля были не качественно обработаны, лошади пали в загонках, корма нет, брать негде, уполномоченных в каждом колхозе по 1–2 человека...Летом скот долго не поправлялся, надои низкие, с 1 августа только стали доить по-настоящему. Мужиков всех забрали на войну, работали женщины и ребята, они работали не покладая рук от зари до зари...» [2, с. 59]

«После смерти трех сыновей в военное время не стало настроения работать в колхозном руководстве. Просил...о снятии меня с работы» [2, с. 59]

«16 апреля 1948 года приехали литовцы, 15 семей. Они отдыхали три дня, затем их отправили на работу, на заготовку леса. Меня просили ими руководить, начислять трудодни» [2, с.62]

«В апреле 1966 пошел на пенсию с полным стажем 26 лет...Пенсии начислено 49 рублей 83 копейки...1966 год. Работаю полеводом по орошению утугов, поливаю Гахано-Загайские утуги. Сено уродилось хорошее, но дожди мешают. Через день идет. Просто надоел это дождь...» [2, с. 66]

Автобиографические записки Петрова, как видно из приведенных выше цитат, содержат много важных исторических и бытовых подробностей: информацию о призывах в армию, раскулаченных с указанием фамилий, объ-

емах производства крестьянских хозяйств, а затем колхоза (Петров был его председателем во время Великой Отечественной войны), численности населения, ценах и многом другом. Все же вместе, повторимся, складывается ***в сельскую летопись – уникальный личностный документ и документ эпохи.***

Помимо автобиографии, записи П. П. Петрова, опубликованные нами в книге, включают статьи историко-краеведческого, этнографического и генеалогического характера: «Народное управление», «Мангазей (хлебный амбар)», «Об образовании, здравоохранении», «Скотоводство», «О быте», «Охота», «Праздники», «Сватовство», «Шаманизм», «О родословной».

Наиболее ценными с исторической точки зрения среди них представляются сведения о народном управлении: «До появления русских, буряты были кочевниками, жили там, где можно было добыть пищу. После покорения Сибири Ермаком понемногу стали признавать Российское государство. Примерно 250 лет назад была основана степная Дума в местности Мухур Булук за Хоготом... Через несколько лет Хударинские стали ходатайствовать о разделе из-за отдаленности перед генерал-губернатором в Иркутске. С трудом добился раздела очень мудрый человек Босхол Апхаевич из улуса Худара. После этого Дума распалась на несколько Дум... А во второй половине 19 века Думы ликвидировали, перешли на Уезды, Уезды разбились на Управы... Наша Управа находилась в Дарбае (ныне не существует) и называлась Верхнекудинская Иностранная Управа. Она разбивалась на рода: Олзоновский из 10 улусов, 1-й Буровский из 14 улусов и 4-й Буровский из 7 улусов. На каждый род избирался староста на 3 года, два его помощника и родовой писарь по найму. В каждом улусе были сотские и на 10 дворов 1 человек десятский, кроме них по найму избирались исполнители, которые собирали подать с населения, все выполнялось через них – расход, приход по улусу» [2, с. 69–70].

Установление Советской власти имело свои особенности на местах. Сведения из рукописей Петрова: «По нашему Эхирит-Булагатскому аймаку к концу 1928 года под нажимом местных активистов, крестьяне вступили в коммуны, пошла неразбериха. Стали уничтожать скот и зерно. Под разными предлогами стали раскулачивать почти невинных середняков. Основными предлогами были: эксплуатация работников, хоть на полгода, спекуляция, наличие мельницы, имеющие двух жен. После января 1930 года, когда вышел декрет ЦКПб о головокружении от успехов, крестьяне стали массово выходить из коммун. После выхода из коммуны Улан Зала (улус Айдай), была организована сельскохозяйственная артель им. Сталина, она просуществовала с 15 марта по 31 апреля... В то же лето в улусе Бажехан организовали колхоз им. КИМ... в 1932 году 9 дворов организовали ТОЗ (товарищество по совместной обработке земли). Организатором стал Болдорев Босхол.» [2, с. 71–72].

Свои записи Петр Петрович дополнял таблицами, которые являются ценным историческим источником:

1. Цены на продукты и товары

Пуд топленного масла	8 – 9 рублей
Мясо, пуд	2,50 – 3,50 рублей
Шерстяные варежки	20 – 30 копеек
Кожаные рукавицы из овчины	40 – 50 копеек
Старые кожаные рукавицы	25 – 30 копеек
Сено воз на дому	3 – 5 рублей
Солома воз на дому	0,50 – 1 рубль
Зерно яровые и рожь, пуд	0,50 – 1 рубль, доходил до 2 рублей

2. Временные заработки в 1900-х

Плотники	от 1 до 1,50 рублей в день
Столяры, печники	1 – 1,80 рублей
Кузнецы	2-3 рубля
Чернорабочие летом	1 – 1,50 рублей
Чернорабочие зимой	0,50 – 0,80 рублей

Примечательно, что на записи Петрова ссылаются ученые, что подтверждает их востребованность. Примером может служить статья Е.Л. Андреевской «Трансформация занятости и этнического управления бурят Прибайкалья в XIX – начале XX вв.», в которой она отмечает: «Введение такого материала в научный оборот представляется ценным не только в целях сохранения культурного и национального наследия народов России, но и более разностороннего историко-экономического исследования трудовой деятельности этносов и ее трансформации». [1]

Петр Петрович десятилетиями узнавал, собирал и сберег для нас легенды, предания, историю родного края, события общие и свои, местные. Его жизнь и деятельность являются важным аспектом локальной истории, того, что придает уникальную историческую самобытность и свой культурный облик каждому селу и району на обширной карте России.

Записи П.П. Петрова являются ценным историко-краеведческим источником, который еще только ожидает своего изучения. Надеемся, что публикация дневников и статей нашего выдающегося земляка в книге «Родословные легенды и предания моего рода» будет способствовать их введению в научный оборот, а главное, позволит самим жителям села Гаханы и всего Эхирит-Булагатского района узнать много новых сведений из истории своей малой родины.

Литература

1. *Андреянова Е. Л.* Трансформация занятости и этнического управления бурят Прибайкалья в XIX – начале XX вв. // Мир Центральной Азии. Новосибирск: СО РАН 2022. С. 296–299.
2. *Афиногенова О. И.* Петров Петр Петрович // Афиногенова О.И. Родословные легенды и предания моего рода. Материалы на русском и бурятском языках: ист. очерк. Иркутск: Типография «Форвард», 2021. С. 6–132.

УДК 908 (629.7)

Адухаева Д. А. *

Усть-Ордынская Национальная библиотека
им. М.Н. Хангалова

История Усть-Ордынского аэропорта: по материалам региональной печати и воспоминаниям жителей

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования по восстановлению истории Усть-Ордынского аэропорта, проведенного на материале региональной печати и личных воспоминаний жителей. Рассматривается продуктивность применения в библиотечной работе методики и принципов нового краеведения.

Ключевые слова: новое краеведение, личностная (персональная) история, локальная история, Усть-Ордынский аэропорт

Adukhaeva D.A.

Ust-Ordyn National Library
named after M.N. Khangalov

The History of Ust-Ordynsky Airport: on the Materials of the Regional Press and the Memories of Residents

Abstract. The article presents the results of the research on reconstructing the history of Ust-Ordynsk airport on the basis of the regional press and personal recollections of residents. The article considers the productivity of applying the methods and principles of new local history in library work.

Keywords: new local history, personal history, local history, Ust-Ordyn Airport

Краеведческая работа Усть-Ордынской Национальной библиотеки им. М.Н. Хангалова – одно из основных направлений в ее деятельности. Она очень разнообразна, постоянно наполняется новым содержанием и на данный момент способна оказать большую помощь в сохранении реальной картины событий, которые произошли по нашим меркам не так уж и давно.

* Адухаева Диана Александровна, зав. сектором общественного доступа Усть-Ордынской Национальной библиотеки им. М. Н. Хангалова. E-mail: uo.lib@mail.ru

Ведь история конца XX века фактически не написана. Усилиями нашей библиотеки сегодня создаются большие массивы краеведческой информации. Часто материал разрознен и находится в разных источниках. Но бывает и так, что информации практически нет, лишь отдельные факты или упоминания о событиях. Тогда идет сбор воспоминаний у старожилов, изучение материалов из семейных и государственных архивов.

Не так давно в библиотечной терминологии появился термин «новое краеведение». Что это такое? **Новое краеведение – это философия места (локуса)**. Оно помогает осознать его специфику, идентичность и отличие от любой другой территории. В фокусе локальной истории оказывается, в первую очередь, конкретный человек, частная и семейная история. Через человеческие судьбы, личностные истории новое краеведение старается рассказать об истории края, местности.

Интересным предметом нового краеведения в Усть-Ордынском округе является история Усть-Ордынского аэропорта, которую нам удалось воссоздать на основе материалов региональной печати: газет «СМ Номер один», «Областная», окружных газет «Знамя Ленина», «Окружная правда». Также были привлечены личные воспоминания – начальника аэропорта Анатолия Аркадьевича Еропова и его жены Галины Петровны. В настоящей статье представлены основные результаты исследования.

История Усть-Ордынского аэропорта начинается в октябре 1938 г. Именно тогда для обслуживания воздушной магистрали Москва – Владивосток был открыт запасной аэропорт «Усть-Орда», который возглавил инженер Александр Герасимов.

Однако задолго до этой официальной даты в небе над окружным центром поднимал свой самолет авиатор Отто Кальвиц². События, связанные с его именем, произошли в 1926 г. Вот как об этом пишет в своей статье «Добролёт. Первые полёты над Усть-Ордой» Павел Мигалев. «В начале 1920-х годов в Иркутске был создан «Добролёт» – организация добровольных помощников

² Отто Артурович Кальвиц (Кальвица; 1 декабря 1888, Финляндия – 7 марта 1930, пос. Сангары, Якутия) — один из первых полярных летчиков, воздушный исследователь просторов Заполярья, Сибири и Дальнего Востока, один из первых авиаторов Иркутской области.

воздушного флота. Одна из задач организации заключалась в том, чтобы привлечь в свои ряды как можно больше рабочих и крестьян и таким образом увеличить поступление денежных средств на строительство новых самолетов. С этой целью представители «Добролёта» разъезжали по городам и селам. В 1926 г. в Усть-Ордынском аймаке на аэроплане под управлением летчика Кальвица приземлилась агитбригада. Вокруг аэроплана мгновенно собралась огромная толпа. Одни с восхищением разглядывали колоритного человека, одетого в черную кожаную куртку, шлем и краги на руках, другие с настороженностью приближались к летательному аппарату, на котором приземлились незнакомые для них люди. «Меня зовут Отто Артурович Кальвиц, – произнес авиатор. – Я прилетел к вам в гости из Иркутска на вот этой стальной птице. Кто хочет посмотреть с большой высоты на свой поселок, подходите ко мне. После полета я и товарищ Зарев, корреспондент из газеты «Бурят-монгольская правда», расскажем вам о советском воздухоплавании» [4]. Через несколько минут трое желающих откликнулись на предложение авиатора. Именно тогда подавляющее большинство жителей поселка впервые увидели самолет.

Причиной открытия в 1938 г. аэропорта именно в Усть-Орде были следующие: обширная долина и крепкое грунтовое покрытие, удобные для взлета и посадки самолетов, а также стабильная погода и почти постоянная роза ветров. Его строили как запасной и тренировочный порт от Иркутского аэропорта для гражданских и военных самолетов.

Во время Великой Отечественной войны Усть-Ордынский аэропорт использовался как тренировочный порт, здесь базировались военные самолеты. В 1942 г. в поселок прибыл 260-й бомбардировочный авиационный полк 244-й бомбардировочной авиационной дивизии 17-й Воздушной Армии 3-го Украинского Фронта. В Усть-Ордынском военные летчики осваивали новые самолеты ПЕ-2 и затем отправлялись на войну.

Происходили в те годы и страшные катастрофы. Одна из них случилась 16 августа 1942 г. Пикирующий бомбардировщик ПЕ-2 капитана Александра Григорьевича Ячникова снялся с аэродрома Усть-Орды. Экипаж проводил показательный полет на пикирование, но, пройдя по линии горизонтального полета 6–8 секунд, резко перешел в отрицательное пикирование и разбился. Вместе с капитаном погибли пилот, старший сержант Григорий Федорович Троцик и стрелок-радист, старший сержант Александр Николаевич Цветков. Это произошло в 3-х километрах от села Ользоны. Местные жители похоронили останки военных летчиков в братской могиле и установили деревянный обелиск [3].

Многие годы за братской могилей ухаживали учащиеся Ользоновской средней школы. Пионеры школы во главе со своей пионервожатой Людмилой Борисовной Бюраевой в далекие 1960-е гг. провели огромную поисковую работу и нашли родственников погибших капитана Ячникова и стар-

шего сержанта Тролика. К сожалению, родных сержанта Цветкова найти не удалось. В 1969 г. ученики школы вместе с Людмилой Борисовной съездили в г. Севастополь и навестили жену капитана Ячникова, доставив ей мешочек земли с могилы ее мужа. Невозможно передать словами состояние женщины, считавшей мужа без вести пропавшим и ничего не знавшей о месте его захоронения. Горсть земли с могилы мужа – самое дорогое, что осталось у нее на память.

В 1989 г. на деньги, заработанные учащимися Ользоновской средней школы во время уборочной, от сдачи металлолома и макулатуры и при содействии совхоза, памятник был полностью реконструирован. Спустя почти тридцать лет, памятнику потребовался капитальный ремонт. Его сделал в прошлом военный Самир Абдухаликов.

Страшные трагедии происходили и позднее... Нам удалось найти информацию о пяти.

Долгие годы Усть-Ордынским аэропортом руководил Анатолий Аркадьевич Еропов. Анатолий Еропов родился в с. Усть-Орда и с самого раннего детства мечтал заниматься авиацией. В 1958 г. с отличием окончил Иркутское авиационное училище и без экзаменов был принят в Киевский авиационный институт. Спустя три года, получив диплом о высшем образовании, он навсегда связал свою судьбу с Усть-Ордынским аэропортом, где проработал до выхода на пенсию. С 1961 г. трудился инженером по эксплуатации самолетов, а в 1988 г. на общем собрании был единогласно избран начальником стратегически важной структуры.

«Это был запасной аэродром. Его использовали как тренировочный порт. Когда я сюда прибыл, здесь принимали все типы самолетов: и реактивные, и турбовинтовые, и другие. Базировались военные самолеты –летчики проходили тренировки», – вспоминал Анатолий Аркадьевич.

Еропов Анатолий Аркадьевич

При аэропорте действовал и аэроклуб, готовивший парашютистов.

В 1962 г. в аэропорту под руководством Анатолия Аркадьевича была построена заправка для реактивных и турбовинтовых самолетов. Для запасного аэродрома это было в новинку: фактически это был первый подобный опыт на территории Советского Союза, площадка прослужила аэропорту 36 лет, до самого его закрытия.

Затем была проведена реконструкция полосы под международные стандарты, отремонтирована гостиница для летного состава и проложен асфальт на перроне – аэропорт стал выглядеть совершенно иначе.

«У Усть-Ордынского аэропорта было одно главенствующее преимущество: местность отличается ясной погодой, хорошей видимостью, – вспоминал Анатолий Аркадьевич. – Причина – отсутствие поблизости крупных водоемов и высоких гор. Когда глубокой осенью Ангара начинала туманить, и Иркутск полностью переставал выпускать и принимать воздушные суда, на помощь приходил аэропорт Усть-Ордынского. Всего 15 минут – и самолеты из Иркутска уже приземлялись в поселке. В 1960-х гг. шли разговоры о том, чтобы перенести основную базу Иркутского аэропорта в Усть-Ордынский. Однако комиссия не решилась дать добро на этот проект, поскольку, по мнению ее представителей, поселок находится далеко от города».

К концу 1970-х гг. в Усть-Ордынском аэропорту было три грунтовых полосы: основная – 3 км, запасная – 1800 м, и поперечная. Площадь аэродрома составляла 263 гектара, штат состоял из 60 человек. В аэропорту принимали большинство типов самолетов того времени (Ан-2,-12,-24,-26,-74, Як-40, Л-410) и все типы вертолетов. Окружной центр имел стабильное воздушное сообщение с Иркутском, Улан-Удэ, Хужиром и, недолгое время, с Новонкутским.

Нужно отметить, что Усть-Ордынский аэропорт был в своем роде уникален: плотный грунт позволял принимать даже тяжеловесные Ту-104. За сутки здесь приземлялось не менее десяти самолетов – как военных Ту-16, так и гражданских Ту-104. Уникальный дерновый пласт достойно выдержал колоссальную нагрузку в период реконструкции Иркутского аэропорта в 1989 г.: тогда в Усть-Ордынском принимали практически все самолеты, за исключением тяжелейших Ту-154, в течение 24 часов на три полосы иногда приземлялись более 60 бортов.

Чаще всего жители Усть-Орды вспоминают рейс Усть-Орда – Улан-Удэ – Усть-Орда, который выручал их последние 10 лет до самого закрытия аэропорта. «Было очень удобно, у нас ведь многие студенты учились и учатся в столице Бурятии. На выходные дни могли спокойно прилетать домой. Самолеты удобные, комфортные, теплые. Время в пути 20–30 минут в одну сторону», – говорят усть-ордынцы. Этот рейс был настолько популярен, что совершал вылеты восемь раз в неделю. Идея о создании этого маршрута целиком принадлежала начальнику аэропорта А. А. Еропову.

Была при аэропорте и гостиница на 90 мест, имелась комната матери и ребенка.

Тяжелые времена для аэропорта наступили в годы перестройки. Стоимость билета на рейсы стремительно росла, что привело к резкому сокращению пассажиропотока. Из-за нехватки ГСМ были прекращены полеты в Улан-Удэ. Не хватало запчастей. Аэропорт стал убыточным, и в 1998 г. был закрыт. На данный момент территория бывшего аэропорта отдана под частную застройку. Сейчас здесь полным ходом идет строительство новых жилых домов [2].

Собирая информацию, мы соприкоснулись с историями многих семей, жизнь которых непосредственно была связана с нашим аэропортом и поселком Усть-Ордынский. Нужно отметить, что именно *личностные истории* имеют самый большой отклик у наших пользователей. Когда эту информацию мы размещаем в открытом доступе, то именно на такие статьи на сайте и в соцсетях нашей библиотеки приходится больше всего просмотров. Это подтверждает актуальность нового краеведения, которое мы избрали одним из приоритетных направлений в работе библиотеки. Это большой, «непаханный» пласт интересной для нас работы. Особое внимание при этом мы уделяем достоверности собранной информации, ее проверка и подтверждение – важная часть нашей поисковой работы, способная оказать большую помощь в сохранении реальной картины событий прошлого.

В современных условиях роль библиотек в краеведческом информировании трудно переоценить: из всех учреждений и организаций, занимающихся краеведением, именно библиотеки являются хранителями информационных краеведческих ресурсов, источниками краеведческой информации для населения, при этом, оставаясь наиболее доступными учреждениями для различных категорий пользователей.

Литература:

1. *Аэропорт Усть-Ордынский*: [Эл. ресурс] // ИРКИПЕДИЯ.RU [сайт]. URL: http://irkipedia.ru/content/aeroport_ust_ordynskiy (дата обращения: 3.09. 2022)
2. *Гергесова Лидия*. Усть-Ордынский аэропорт застраивается жилыми домами [Эл. ресурс] // СМ Номер один. 2008. № 21. 29 мая. URL: <http://baik-info.ru/sm/2008/21/006002.html> (дата обращения: 3.09. 2022)
3. *Маслаков Сергей*. Мертвая петля над Усть-Ордой // Окружная правда. 2004. № 38 (28 окт.)
4. *Мигалев Павел*. Добролёт. Первые полёты над Усть-Ордой [Эл. ресурс] // ИРКИПЕДИЯ.RU [сайт]. URL: http://irkipedia.ru/content/dobrolyot_pervye_polyoty_nad_ust_ordoy (дата обращения: 20.08.2022)
5. *Просекин В.* Из истории одного аэродрома [Эл. ресурс] // Общественно-политическая газета Областная [сайт]. URL: <http://www.ogirk.ru/2014/4/11/40754> (дата обращения: 15. 10. 2022)

УДК 39 (395)

Миягашева С.Б. *

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Духи-покровители хурдутских шаманов

Аннотация. Статья посвящена изучению культа гениев-хранителей хурдутских шаманов на основе шаманских родословных бөөгэй түүхэ, сказаний и легенд из архивных материалов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ключевые слова: шаманская генеалогия, культ предков, обусинские буряты, мифология бурят.

Miyagasheva S.B.

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS.

The Patron Spirits of Hurdut Shamans

Abstract. The article is devoted to the study of the cult of genius-guardians of Hurdut shamans on the basis of shamanic genealogies бөөгэй түүхэ, tales and legends from archival materials of the Centre of oriental manuscripts and xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS.

Keywords: shamanic genealogy, ancestor cult, Obusinsk Buryats, Buryat mythology.

В традиционном мировоззрении бурят мир делится на три части: верхний, отождествляющийся с небом и населенный тэнгриями (небожителями); срединный, где обитают люди и многочисленные духи (эжины и онгоны); нижний, подземный мир [10, с. 41].

Срединный мир, в котором живут люди, в религиозно-мифологических представлениях бурят населен различными духами-хозяевами, которых насчитывается большое количество. В культовой практике духи-хозяева разделяются на две группы: небесного (спустившиеся с небес тэнгрии-хаты) и земного происхождения, к которым относятся души умерших шаманов (эжины, заяны, онгоны). И, если влияние небесных божеств распространяется на широкую административно-территориальную область, то божества земного происхождения имеют более узкий локальный (социально-родовой) характер [7, с. 126–127].

Исследователи бурятского шаманизма выделяют общечурятских богов и духов, племенных и межплеменных божеств, территориальных божеств и

* Миягашева Суржана Борисовна, канд. ист. наук, научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. E-mail: surjana.miyagasheva@imbtr.ru

духов, родовых духов, а также улусно-общинные и семейно-индивидуальные культы.

К локальным, т.е. территориальным небожителям относятся души предков улуса, духи родовых шаманов и шаманок, души преждевременно умерших людей, ставших почитаемыми, эжины местности, занимаемой родовой группой, или каких-либо урочищ, скал, священного дерева и т. д., а также онгоны [5]. Буряты считали, что от их расположения зависело благополучие членов рода, их счастливая судьба, поэтому им проводили коллективные и индивидуальные обряды (*дуһаалга, заһалга, хаялга, тайлган*).

В пантеоне локальных гениев-хранителей исследователи выделяют культ аханутов (старейшин), культ убгэд или дайдын убгэд (старцев земли), культ зайанов. Рассмотрим их особенности на основе легенд и преданий хурдутского шаманского клана.

Хурдутские/хордутские шаманы являлись одним из знаменитых шаманских кланов, насчитывавшим несколько поколений, и положившим основу шаманству Осинской, Унгинской и Идинской долин Иркутской области.

Этническое племя хурдутов имеет монгольское происхождение – их предки эмигрировали из Монголии, гонимые ламаистской инквизицией [4, с. 89]. Предания гласят, что примерно в XVII в. шаман по имени Дулэсэтэ/Дэлхэтэ Зогдор Сахядаев из племени хурдуд бежал со своими соплеменниками из Халхи в Баргуджин Токум [12]. У аларских бурят сохранились предания, что первопредок хурдудских шаманов Сахядаев изначально прибыл из Ордоса в Забайкальскую область, однако, одолеваемые преследованием лам, он и его соплеменники были вынуждены переселиться на северную сторону Байкала [11].

Имя Дэлхэтэ Зогдора означает «Гривастый Зогдор», и, согласно легендам, он имел на шее гриву, отличавшую его от людей как существо «неземного» происхождения [4, с. 48]. Помимо упоминания необычного облика, в легендах он описывается могущественным шаманом, который передвигался верхом на льве и вел в поводу медведя. Вместо кнута в руке у него была тонкая змея, на правом плече рос кедр, а на левом – ель [3, с. 133]. Поэтому предбайкальские буряты, наслышанные о силе его монгольского шаманского корня, боялись пришлого шамана.

В итоге Зогдор, осев в Обусинской долине, стал основателем крупного клана, именуемых *обусын ахануд* («обусинские старейшины»). Ахануд (старейшины, старцы) – почтительное название духов умерших местных шаманов. В иерархии духов ахануты относились к рангу старших шаманов (аха – бур. «старший», «старший брат»).

Исследователи выделяют в Западной Бурятии крупные кланы обусинских, ардайских и тарасинских аханутов. *Удха*, т.е. «корень, происхождение» обусинских и ардайских аханутов считаются старейшими, так как образовались задолго до возникновения удха тарасинских шаманов. Сила и мощь

обосинских аханутов была настолько велика, что в своей деятельности они выходили за рамки улуса и рода, поэтому культ хурдудских шаманов-аханутов приобрел значение общих территориальных божеств [5, с. 33]. Зогдор и его потомки почитались в качестве аханутов на широкой территории расселения аларско-балаганских бурят.

Широкий ареал распространения культа почитания хурдудских аханутов послужил причиной наличия нескольких версий генеалогии этого шаманского клана. Согласно материалам С.П. Балдаева, родословная обусинских шаманов выглядит следующим образом: Сахядай, Дэлэсэтэ Зогдор, Тарянтай, Барянтай, Булагай, Тулагай, Дайбгар. От Дайбгара пошли великие шаманы – Бугдан, Улазар и Бахунай, дочери Бугалай и Бушхай [1, с. 361]. По второй версии, Уладар являлся отцом Бугдана, который в свою очередь имел двух сыновей Балихая и Сонгола [1, с. 362]. Согласно третьей версии, у Улазара был сын Бугдан и внук Тангаран, который имел сына по имени Балихай [11]. Еще одна версия, приводимая М.Н. Хангаловым, содержит следующие имена: Сахядай, Дэлхэтэ-Зогдор, Богсоргоно. Богсоргоно имел двух сыновей Бурунту и Уладар. Бурунту имел одного сына Баряда, у которого сыновья – Булгу и Дабагар. У Дабагара был сын Махуна. Уладар имел двух сыновей Бугдан и Бахан. Бугдан имел двух сыновей Балихай и Сонгол. У Сонгола был сын Сэрэн, у Бахана имелся единственный сын хухэр, у него были сыновья Хохоно и Тухэ [9, с. 447].

Несмотря на различие в генеалогическом дереве хурдутов, наиболее выдающимися представителями клана считались Бугдан, Улазар и Бахунай, о которых сохранилось множество легенд и преданий, связанных с их жизнью и деятельностью. Именно эти большие шаманы составляют следующую группу духов-покровителей, именуемых *убасайн убгэд*.

Убгэд (досл. «старцы») – это души умерших стариков и шаманов, которые относятся к категории улусных духов [5, с. 36]. Однако следует отметить, что данный эпитет применялся независимо от возраста, например, известный шаман Эдэрхэн Алхансаев, хотя умер молодым в возрасте 17 лет, тем не менее, был возведен в ранг старцев и назван Ундэри убгэн [4, с. 78].

Название *убасайн убгэд* (досл. «обусинские старцы») применялось в отношении потомков Зогдора, которые разъехались по разным местам в поисках невест, став большими черными шаманами [3, с. 134]. Действительно, согласно преданиям, братья Бахунай и Улазар, которые жили в местности Обуса в кон. XVIII или нач. XIX вв., будучи молодыми, отправились из Обусы в Унгу в поисках жен [4, с. 23].

Бахунай/Бахуунай/Махуунай женился и остался проживать в долине р. Унги, став знаменитым шаманом. По преданиям, он творил много разных чудес, ездил на медведе верхом и водил в поводу барса, заставлял кабана служить ему соглядатаем и т.д. [4, с. 23]. После смерти он был похоронен на Заларинской горе (по версии С.П. Балдаева Эрбэгэтэйн ундэр) и возведен в

ранг улусного духа-покровителя местных бурят, которые стали именовать его *Зуларайн убэгэн*. Его культ является очень почитаемым среди унгинских (балаганских) бурят [11]. В шаманских призываниях унгинские буряты обязательно упоминают чудеса, которые он демонстрировал при жизни, и также почтительно называют его *убэсэйн тургэн хара Бахуунай*. Эпитет «тургэн», т.е. «быстрый», население объясняет тем, что дух Махуная мгновенно является на зов и быстро оказывает помощь, о которой просят его верующие [14].

Второй знаменитый потомок Дэлһэтэ Зогдора Улазар/Улаазарь/Улаадар/Хан Улаазар, после ухода из Обусы, остался проживать в Халтинском улусе хонгодорова рода в Алари. По преданиям у Улазара, во время его камлания, из правого плеча вырастал кедр, а из левого плеча – пихта, из обеих ноздрей выходили шелковые хадаки [11]. После смерти шаман был похоронен на горе Хантын ундэр, с тех пор он считается покровителем аларских бурят, которые именуют его *Халтын убэгун*. Хан Улаазар считается среди аларских бурят наиболее почитаемым, нежели другие родовые божества [15]. Ежегодно жители ближних улусов приносят ему жертвоприношения и просят защитить от бед и напастей [1, с. 362].

Еще один известный потомок хурдутского шаманского клана по имени Бугдан был сыном черного шамана Дайбгара. Согласно шаманским преданиям, Бугдан являлся сильным шаманом, однако был побежден шаманкой, которая ослепила его волшебной силой своего скребка *хэдэргэ*³. С тех пор его стали именовать *хохор хара Бугдаан* «слепой черный Бугдан» [15]. Легенды повествуют, что Бугдан обладал большой силой: он садился на свои конные трости и улетал на родину в Обусу, иногда по зову восточных тэнгри поднимался на небо и присутствовал на больших сугланах небожителей [12]. Места, где останавливался Бугдан, считаются для местных бурят священными *бариса*, на которых обязательно совершают приношения в честь обусинского шамана. После смерти он был похоронен в Яматском улусе, и стал именоваться *Ямаатын убэгун* [1, с. 362].

Таким образом, покинув родные кочевья и расселившись в разных улусах, потомки Зогдора снискали уважение среди населения, и были возведены в ранг покровителей разных родов и наречены духами-хозяевами природных объектов, связанных с их жизнедеятельностью (бариса, места захоронения), образовав культ *дайдын убгэд*. Примечательно, что среди местных бурят они признавались черными шаманами, хотя их предок Дэлһэтэ имел белый корень *сагаан удха*. В данном случае Т.М. Михайлов указывал на то, что черные шаманы – это жрецы «чужих» родов, подчиненных или инкорпорированных в состав тех или иных родоплеменных групп бурят [5], поэтому определение обусинских старцев в качестве черных шаманов можно объяснить распространением их культа за пределы бассейнов рек Оса и Обуса [2, с. 93].

³ В сказочной прозе бурят *хэдэргэ* считается имеющим волшебную силу.

В шаманских легендах причина ухода братьев Улазара и Махуная из Обусы объясняется тем, что хорддутские шаманы, как пришлые, страдали от тарасинских шаманов, которые чинили им разные препятствия, в связи с чем у них часто умирали малолетние дети [9, с. 447; 13]. На самом деле причиной распрей между этими шаманскими кланами, конечно, являлись конкуренция и тщеславие.

В шаманской мифологии повествуется о многовековой вражде между обусинскими и тарасинскими шаманами. У западных бурят сохранилось множество преданий о шаманских битвах и сражениях. Жестокая борьба кланов привела к тому, что хорддутские шаманы заключили союз с шаманами муруйского и онгойского рода, образовав коалицию так называемых северо-западных старцев *хойшко убгэд* (северяне). Подобный альянс был направлен в первую очередь на борьбу с могущественным кланом тарасинских шаманов, которые в свою очередь вступили в союз с ардайскими аханутами, ордынскими и ольхонскими шаманами и назывались в противовес им *урайшкин* (южане) [4, с. 76, 87].

Буряты верят, что нескончаемая шаманская война между этими двумя крупнейшими кланами западных бурят привела к тому, что их шаманы жили недолго, и все их представители умирали молодыми. Повествуют, что у тарасинских и хурддутских шаманов не осталось ни одного потомка по мужской линии, только потомки по женской линии, так как эти два рода истребили друг друга [13].

Действительно, по генеалогии хурддутских шаманов, Бахунай и Бугдан были бездетными [1, с. 362]. Род Улазара прервался на Балихае, сыне его внука Тангарана: Балихай скончался молодым и бездетным. После смерти этого последнего представителя хурддутских шаманов среди предбайкальских бурят началась волна шаманских хождений *бөөлэшинов*. Считалось, что после смерти душа Балихая скиталась и не могла найти успокоения, так как скорбела по преждевременной смерти и прекращению рода. В итоге его душа стала вселяться в живых людей и заставлять их шаманить – отсюда пошло выражение «*балихайгаар бөөлэхэ*», т.е. «шаманить по-балихайски» [11].

Култ почитания Балихая следует отнести к категории духов-покровителей, именуемых *заянами*. Заян по шаманистским представлениям – дух-защитник. Они, как правило, олицетворяют собой легендарных шаманов и шаманок, а также реально живших людей, чем-то в жизни отличившихся и попавших после смерти в число почитаемых сил [4, с. 53]. Их «деятельность» многогранна: обеспечивать благополучие живых, ограждать их от болезней, посылать потомство, охранять супружескую жизнь и т.д.

Вероятно, заяны могли иметься у могущественных шаманов. Например, среди осинских бурят был почитаем один из *заянов* Махуная, именуемый *тургэн абга* [4, с. 72]. Однако в большинстве случаев заянами станови-

лись души людей, умерших мученической смертью от холода или голода, по воззрению шаманистов, они возносились на небо и, по велению тэнгриев, становились зайнами [там же, с. 79]. Так, в шаманской генеалогии хурдудов у черного шамана Дайбгара имелись две дочери Бугалай и Бушхай. Они являлись близнецами и умерли в раннем младенчестве, запутавшись ремнями колыбели. В последующем они были отнесены к сонму зайнов, и обусинские буряты приносили им жертву при болезнях детей [1, с. 362].

В традиционном мировоззрении многих народов сакральное значение культа близнецов определялось тем, что они воспринимались как необычные дети, и им могли приписываться разные сверхъестественные способности. У монгольских народов близнецы считались обладателями целительных сил [8, с. 72–73], поэтому обусинские близнецы Бугалай и Бушхай наделялись охранными функциями в случае заболевания детей.

В заключение отметим, что предбайкальские буряты почитали потомков хурдудских шаманов как великих шаманов, обладающих могущественной силой своего духа. Считалось, что их потомки могут камлать без доспехов и плаща, не имея никаких орудий и снаряжений, и даже могут обойтись без посвящений. Они могли наливать водку в чашки и пить прямо из горла, не брызгая никаким духам, считая себя вышестоящими среди всех местных духов и зайнов [11]. Согласно легендам, хурдуды являлись ловкими охотниками на змей, считалось, что они приручали змей для внушения страха верующим, и даже употребляли их в пищу. Поэтому одна из магических формул шаманов их рода звучала: «*Нарин могой минаамни, бүүдүүн могой унаамни*» (досл. «Тонкая змея – плоть моя, толстая змея – лошадь моя») [4, 1978, с. 60].

Таким образом, в традиционной мифологии бурят сформировался образ о могуществе и силе клана хурдудских шаманов, где многие сюжетные линии и качества предка-покровителя дублируются в описании сакральной силы его потомков. Подобные мифологические мотивы гиперболического характера были направлены на имидж клана среди местного населения, а пополнение пантеона духов-покровителей различными сакральными персонажами имело большое значение для укрепления его статуса.

Литература и источники

1. Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2019. 720 с.
2. Болхосоев С. Б., Павлов Е. В. К проблеме дефиниции и генезиса черного шаманства у предбайкальских бурят (по материалам анализа «корней» черных шаманов западнобурятского племени *булагат*) // Этнографическое обозрение. 2006. № 6. С. 86–95.
3. Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1990. 77 с.

4. *Манжигеев И.А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 125с.
5. *Михайлов Т. М.* Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1980. 320 с.
6. *Михайлов Т. М.* Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 287 с.
7. *Скрынникова Т. Д.* Современный шаманизм у бурят // Страны и народы Востока. 2015. № 36. С. 113–140.
8. *Содномпилова М. М.* Лекари-близнецы в культуре тюрко-монгольских народов: круг целительских практик, атрибуты, приемы // Известия лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2 (35). С. 67–80.
9. *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2021. 568 с.
10. *Хингеева Л. М.* Белый и черный шаманизм в генезисе традиционных верований бурят // Философия и культура. № 4. 2018. С. 39–52.
11. ЦВРК (Центр восточных рукописей и ксилографов) ИМБТ СО РАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 5. Шаманизм. 31 л.
12. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1090. Шаманы. 1913–1942 гг. 21 л.
13. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1096. Борьба старших шаманов тарасинского и хурдудтского улусов. 1935 г. 5 л.
14. ЦВРК ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1115. Шаманские призывания. 134 л.
15. ЦВРК ИМБТ СО РАН. ОАФ. Оп. 1. Д. 2115. Материалы фольклорно-этнографической экспедиции 1970 г. Руководитель Т. М. Михайлов. Папка № 1. 230 л.

УДК 903+908

Хангуева В.К.*

Сакральные памятники древней истории Кудинской долины

Аннотация. В статье, на основе обобщения ряда научных источников, дается обзор природных памятников Кудинской долины, расположенной на территории Эхирит-Булагатского района Усть-Ордынского Бурятского округа. Все памятники имеют сакральное значение и тесно связаны с историей древних народов, проживавших в данной местности, которые являются предками современных бурятских родов. Ставится проблема сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: Кудинская долина, природные памятники, сакральные места, гунны, курыканы, буряты, эхириты, булагаты

* Хангуева Варвара Кирилловна, краевед. E-mail: khanguева2303@yandex.ru

Sacral Monuments of the Ancient History of the Kudin Valley

Abstract. In the article, on the basis of a synthesis of several scientific sources, an overview of natural monuments of the Kudinskaya valley located on the territory of the Ekhirit-Bulagatsky region of the Ust-Ordynsky Buryat district is given. All monuments have sacral significance and are closely connected with the history of ancient peoples living in the area, who are the ancestors of contemporary Buryat clans. The problem of preserving cultural heritage is raised.

Keywords: Kudinskaya Valley, natural monuments, sacral places, Huns, Kurykans, Buryats, Echirits, Bulagats

Долина реки Куды, протекающей по территории Эхирит-Булагатского района, как и вся территория Прибайкалья, была заселена людьми, начиная с эпохи раннего палеолита. Об этом свидетельствуют археологические находки советского периода [2]. Но древняя история нашего края хорошо известна только профессионалам – историкам и археологам. Осведомленность же широкой аудитории, как правило, распространяется на события не ранее XVII–XVIII вв. Задача настоящей статьи – хотя бы частично восполнить данный пробел и провести своего рода виртуальную экскурсию по древнейшим памятникам природы и священным местам Кудинской долины. Особенно важными подобные знания могут быть для подрастающего поколения: они помогут формированию у молодежи патриотического сознания, смогут вызвать чувство гордости за своих предков, за свою малую Родину. Мы хотим, чтобы нынешнее поколение задумалось о необходимости сохранения культурного наследия своего народа.

Капсальское городище. На самом высоком месте горы Капсал выделяется вершина, на которой хорошо сохранилось городище со многими рвами и валами. Оно принадлежало древним народностям, обитавшим в пределах Предбайкалья до нашей эры и в первых веках нашей эры. По мнению ряда авторитетных ученых, данное городище – наследие гуннов или хунну [4; 5; 6]. Необходимо отметить, что городище представляет огромный комплекс, детальное изучение которого еще впереди, и не исключено, что предстоят многие интересные открытия. Памятник включен в кадастр особо охраняемых территорий и памятников природы Иркутской области. Открыто Капсальское городище было нашим земляком, всемирно известным археологом, доктором исторических наук, профессором Прокопием Батюровичем Коноваловым [3].

Гора Унхэр. Священная гора Унхэр – главная святыня Дурлаевского рода, к которому принадлежит большая часть населения улуса Зады. Род этот прибыл в наши места в XVIII в. из Джунгарии. В прежние времена род Дурлай славился своими воинами, а также сильными шаманами, за помощью к ним приезжали из разных мест, порой из весьма отдаленных [1].

Священная гора Унхэр расположена справа от дороги при въезде в улус Зады.

Своим названием населенный пункт обязан сакральным камням, лежащим в распадке горы. Массивные камни почти правильной кубической формы с небольшими круглыми углублениями, как считается, имеют небесное, волшебное происхождение. *Задай шулуун, буудал шулуун, буумал шулуун, джада, яда, сата, хата, чада тас, чат даш, дээрзугу* у бурят-монголов и других народов Сибири означает «громовой камень», «посланец Неба». Шаманы, умеющие общаться с Задай шулуун, с их помощью могут управлять стихиями. В древнекитайских летописях упоминается о небесных камнях как о грозном, сакральном оружии степняков, насылающих на войска противника внезапные стихийные бедствия: среди лета ливень и следом лютый мороз, снег, вьюгу и ураганный ветер [4]. Также Задай шулууны обладают и созидательной, доброй силой. Например, бездетные люди, имеющие гены Дурлайского рода, после проведения определенного обряда у священного места, получают долгожданных детей.

Харгын хоер Үбгэд. На 51 км Качугского тракта расположено еще одно сакральное место. Легенда гласит: двое молодых шаманов из улусов Дурлай и Зурцаган (Айдээ) влюбились в одну красавицу. Никто не хотел уступать, и в результате оба погибли в равной борьбе. Но так как шаман обязан посвятить свою жизнь служению народу и не волен распоряжаться ею по своему усмотрению, то Всевышний за такой серьезный проступок их жестко наказал, обязав вечно, денно и ночью, оберегать и сопровождать странствующих на всех путях-дорогах. На наш взгляд, сакральность данного места обусловлена еще и тем, что находится вблизи археологического комплекса «Капсальское городище», исторического наследия гуннов.

Гора Манхай. Известный памятник культуры, расположенный в семи километрах от окружного центра, недалеко от п. Бозой – сакральное место бурятского народа. Гора широко известна своими наскальными рисунками древнетюркского и курыканского периодов. Гора имеет правильную треугольную форму с крутыми склонами и ровной плоской площадкой на вершине, с которой на соседнюю гору можно было перейти по узкому перешейку. Каменные плиты, окаймляющие площадку, в виде природного карниза, покрыты древними уникальными рисунками, на которых изображены люди, лошади, верблюды, куланы, сайгаки, изюбры и лоси.

Существуют три научных версии, объясняющих значение горы в жизни древних людей. По одной из версий, вершина являлась идеальным местом для укрытия людей и домашнего скота от вражеских набегов. Со всех сторон неприступные крутые склоны, а узкий перешеек имел вал, ограждение и глубокий ров. Другая версия исходит из того, что на небольшой площадке укрыться может лишь немногочисленный воинский отряд и, следовательно, гора служила дозорным, сигнальным форпостом. При обнаружении прибли-

жающегося врага воины поджигали заранее приготовленный большой костер, дым которого извещал народ о нападении. Третья гипотеза подчеркивает сакральность места, о которой свидетельствуют наскальные рисунки – как подтверждение тому по сей день местные буряты Ашаабагатского рода на противоположном берегу реки Куда совершают религиозные обряды, обращаясь в сторону горы Манхай. Всю святую местность называют Ухэр – Манхай.

Наскальные рисунки Манхя уникальны своей нестатичностью (динамизмом), люди и животные изображены в движении. Красочные сцены облавной охоты на коз и маралов, куланов и сайгаков, охотники, вооруженные луками, пиками, арканами несутся на лошадях. Рисунки имеют не только историческую, но и огромную художественную ценность. Кроме этого, есть еще одна историческая загадка – в центре плоской вершины обозначены квадратные углубления с каменными сегментами, геометрически точно выточенными и являющимися частями шатрового перекрытия, подобные перекрытия характерны для архитектуры этрусков. Какая связь культуры древних жителей Прибайкалья и предшественников римлян – этрусков? Большая научная загадка.

К великому сожалению, уникальный памятник древней цивилизации не охраняется властями и на протяжении многих лет хищнически разграбляется с меркантильными, сиюминутными соображениями. Скальник с бесценными рисунками, представляющий огромную ценность для мировой культуры и науки, вывозится на строительные нужды как бутовый камень⁴. Областное государственное учреждение «Центр сохранения и развития бурятского этноса» пытается добиться того, чтобы Манхай внесли в список объектов, охраняемых на федеральном уровне. А пока вандализм продолжается... И, возможно, его постигнет участь природного и исторического памятника Манхай-2, взорванного в конце 1960-х гг. вместе с его уникальными писаницами для прокладки всего лишь второстепенной проселочной дороги.

Гора Байтаг. Священная гора Байтаг, расположенная в верховье реки Куда, – одно из древнейших сакральных мест на Земле. Судя по наскальным рисункам, многие из которых относятся к неолиту, гора являлась объектом поклонения для людей каменного века и остается таковой до наших дней. Название горы имеет древнетюркское происхождение и переводится как «Священная гора». Так называли ее хунну (гунны), так же называется гора и сегодня. Гора Байтаг является общебурятским сакральным местом и культовым центром для всех представителей эхиритского племени. С горой связано очень много легенд и преданий, которые бережно хранят потомки Буры и Хадалая, часть которых проживает в окрестностях священной горы.

Озеро ХҮлэн (Ординское) расположено на 87 км. Качугского тракта близ улуса Гушит, имеет священный статус. Об озере рассказывают много ле-

⁴ Бутовый камень – крупные обломки горных пород, получаемые при разработке, обычно взрывным способом, преимущественно песчаников, известняков, доломитов. Их применяют для кладки фундаментов, стен вспомогательных сооружений.

генд и мистических историй. Люди утверждают, что оно связано подземными тоннелями, а скорее всего иными, пока неизвестными науке путями с другими сакральными местами планеты, особенно с озером Нуху-Нур соседнего Баяндаевского района. Так, в 1920-х гг. двухгодовалый конь упал в Нуху-Нур и исчез, через небольшой промежуток времени неожиданно вынырнул живой и невредимый в озере Хулэн на виду у удивленных очевидцев. Выбравшись на берег, спокойно начал щипать траву, где и нашли его счастливые хозяева. Однажды жеребенок утонул в озере Хулэн, а выплыл на Аляске! Некоторые считают, что здесь имеется портал во времени и пространстве.

На этом озере еще в каменном веке обитал человек, остатки его культуры в виде каменных орудий, черепков глиняной посуды часто попадаются в бортах террасы около озера. Местное население уверено, что озеро живое и иногда подает свой голос – жуткий, леденящий душу космический звук, отдаленно напоминающий вздох. У здешних бурят есть поверье, что озеро кричит к покойнику, либо когда открывается портал.

Издравле вода и грязи озера считаются целебными, особенно от кожных заболеваний и даже от такой неизлечимой смертельной болезни, как бешенство. После укуса больного бешенством животного достаточно регулярно в течение 40 дней купаться в озере – и страшной болезни как не бывало. Но в настоящее время, к большому сожалению, берега удивительного озера сильно захламлены проезжими туристами, а вода его, согласно данным мониторинга Роспотребнадзора от 2014 г., попала в список самых загрязненных водоемов Иркутской области по микробному загрязнению, наряду с Кударейским озером.

Гора БУлеэн. В трех километрах к северу от п. Усть-Ордынский расположена гора БУлеэн. История ее названия уходит в далекое прошлое, на языке хунну (гуннов), предков бурят, БУлен означает «лось». И правда гора очень похожа на горб этого могучего зверя. Вообще, полное название священной горы – Удэгэ БУлеэн. Так гору называли хунну, курыканы, и сегодня буряты называют также. Звучит одинаково, только интерпретация разная: если у хунну – это Священный или Святой Лось, то сегодня Удэгэ БУлеэн понимается как Идыгинский БУлен, так как у подножия горы располагаются летники бурят Харанутского рода улуса Идыга [7]. С незапамятных времен и по сей день у подножия горы ежегодно выполняются религиозные обряды. До недавнего времени на ежегодный тайлган собирались все Булагаты, затем лишь буряты Харанутского рода, а в последние десятилетия только жители села Идыга. К сведению, в долине реки Куды у подножия БУлен сохранились остатки ирригационной системы курыкан.

Древняя культура нашего народа бережно хранится потомками, передается из поколения в поколение. Нам есть чем гордиться. И наша задача – сохранить памятники нашей истории, как национальные ценности для будущих поколений.

Литература

1. *Балдаев С.П.* Родословные предания и легенды бурят : в 2 ч. / Предисл. А. Уланова ; АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. филиал. Бурят. ин-т обществ. наук. Улан-Удэ, 1970. Ч. 1: Булагаты и эхириты. 363 с.
2. *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л., 1937. 424 с.
3. *Коновалов П.Б.* Хунну в Забайкалье : Погребальные памятники / АН СССР. Сиб. отд-ние. Бурят. филиал. Ин-т обществ. наук. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. 218 с.
4. *Харинский А.В.* Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – середине II тыс. н. э. : Генезис культур и их периодизация. По материалам погребальных комплексов : Дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2001. 548 с.
5. *Гумилев Л.Н.* История народа хунну. М.: АСТ, 2004. 700 с.
6. *Шабалов А.С.* Этническая принадлежность хунну: по европейским материалам XVIII – начала XXI веков. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2011. 384 с.
7. *Шабалов А.С.* Происхождение уйгуров, курыкан (бурят, калмыков, якутов) и других телеских племен, XVIII в. до н.э. – XIV в. н.э. : историко-ономастическое исследование по российским и казахстанским материалам. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. тех. ун-та, 2014. 248 с.
8. *Хангуев В.М.* Этнографическое картирование священных мест Эхирит-Булагатского района. Иркутск, 1997.
9. История Бурятии с древнейших времен до начала XX века : пособие для учащихся старших классов : [в 2 ч.] / [Цыбикгаров А. Д. и др.]. Улан-Удэ : Бэлиг, 2009.

УДК 39:75+76

Банаева В.А.*

Усть-Ордынская детская школа искусств

Интерпретация этнического наследия в творчестве современных художников Усть-Ордынского Бурятского округа

Аннотация. В статье рассматриваются творческие поиски современных художников Усть-Ордынского Бурятского округа, которые активно погружаются в многовековую культуру, обращаясь к устному поэтическому творчеству, мифам и легендам, образам тотемных животных.

Ключевые слова: современное изобразительное искусство, Усть-Ордынский Бурятский округ, этническое наследие, национальный стиль.

* **Банаева Виктория Андреевна**, канд. ист. наук, искусствовед, преподаватель МУДО «Усть-Ордынская детская школа искусств». E-mail: viktoriyabanaeva@mail.ru

Ethnic Heritage Interpretation in the Works of Contemporary Artists of the Ust-Orda Buryat District

Abstract. The article deals with the creative researches of contemporary artists of the Ust-Orda Buryat district, who are actively immersed in the centuries-old culture, referring to oral poetry, myths and legends, images of totem animals.

Keywords: modern visual art, Ust-Orda Buryat district, ethnic heritage, national style.

Сохранение национальной традиции и идентичности в эпоху глобализации становится одной из важных задач каждого этноса в современном мире. Для Усть-Ордынского Бурятского округа ее решение тесно связано с проблемой формирования национального самосознания и поиска своих корней, национальной идентичности. В этом отношении важным аспектом является традиционная культура – шаманизм, мифологическое мировоззрение, обряды, обычаи и материальная культура. Архаическое миропонимание живет и сегодня в сохранившемся эпосе, в языческих обрядах, до сих пор существующих в повседневной жизни, в практике шаманизма.

Сохранился духовный опыт поколений и в народном изобразительном искусстве. Являясь источником «родовой памяти», народное искусство несет дух шаманизма, живущий в бурятском образе мышления, его символичность и философию, закодированную в ритмах и пластике орнамента, в семантической наполненности изобразительного языка. Выявленные на территории Усть-Ордынского Бурятского округа и Иркутской области предметы материальной культуры (наскальные рисунки, предметы культа и быта) свидетельствуют об ощущении прародителями необъятности Вселенной

Современное искусство не прервало связи с народной культурой. Происходит активное «погружение» в многовековую культуру, что проявляется в осмыслении мира, обращении к устному поэтическому творчеству, мифам и легендам, образам тотемных животных. Зашифрованный в знаках и символах мир кочевника органично входит в изобразительное искусство через колористическую и пластическую организацию пространства, являясь национальной основой для формирования современного искусства.

Одним из признанных художников Усть-Ордынского Бурятского округа является *Анжелика Алсаткина*, член Союза художников России, Народный мастер Иркутской области. В ее произведениях дается интерпретация мифа, сконцентрированная в символических образах божеств-покровителей и объектов природы. Впечатлению незыблемости и вечности способствует особая статика фигур, включенных в пространство работ.

Верховными божествами у бурят-шаманистов почитаются так называемые тэнгэрины, небесные боги, местообитание которых находится на

видимом небе [3, с. 236]. Образ божеств в работах Алсаткиной – символ мудрости и внутренней мощи, существующих тысячелетиями в мировоззрении людей. Обширный пантеон божеств и духов, построенный в иерархическом порядке во главе с верховным божеством в лице Вечного Синего Неба – Хухэ Мунхэ Тэнгэри. В нем каждый бог и дух является олицетворением определенных явлений природы и общества и, соответственно, считается их хозяином, господином и покровителем.

В произведениях Анжелики Алсаткиной представлен образ мирового дерева – мифопоэтический образ, воплощающий универсальную концепцию мира. Он засвидетельствован практически повсеместно в чистом виде или в вариантах – «дерево жизни», «дерево центра», «небесное дерево», «шаманское дерево», «дерево познания» и т. п. В известном смысле мировое дерево является моделью культуры в целом. Образ мирового дерева реконструируется на основе мифологических представлений, зафиксированных в словесных текстах разных жанров, памятниках изобразительного искусства, архитектурных сооружениях (прежде всего культовых), утвари, ритуальных действиях.

Связь мирового дерева с тотемно-генеалогическими мифами бурятских родов о быке Буха ноене, прародителя племени булагатов, о девице-лебеди, вышедшей замуж за Хоредоя, от которых пошли хоринские буряты, о пестром налеме, отце эхиритов, отражена в декоративном панно Народного мастера Иркутской области *Эдуарда Куклина* «Мировое дерево». К тотемному образу лебедя обращается в своем гобелене из конского волоса «Хун Шубуун» Народный мастер Иркутской области *Екатерина Осипова*. В живописных произведениях члена Союза художников России *Асалхановой Екатерины* представлены образы Буха ноена, Эхирита и Булагата.

Поклоняясь зверю, птице, лесам и горам, древний человек связывал свое происхождение с определенным зверем или птицей. Ценности и нормы древнего общества были заложены в идее мифоэпической картины мира, когда человек не отделял себя от природы. Вера в сверхъестественное родство между человеческими группами (родами, племенами) и животным, растительным мирами, иногда природными явлениями и неодушевленными предметами воплощается в тотем. Все, что окружало человека, представлялось ему человекообразными существами в образе животных, птиц. Тотем воспринимается в качестве прародителя – сотворителя – божества. Этот образ со временем приобретает магический и мифический характер [1, с. 133]

Земля, по мифологическим понятиям, является срединным миром, одухотворенным как в целом, так и во всех своих частях. Каждая местность, гора, река, озеро, необычная чем-либо скала, родник имеют своего хозяина – эжина. Народный мастер Иркутской области Валентина Ажунова в жи-

вописных работах обращается к водным ханам. Покровители вод – Ухан ханы, имеют небесное происхождение, относятся к числу светлых и добродетельных. Буряты считают их старцами, живущими на дне глубоких вод и имеющими большое количество прислужников. Эжины (хозяева) вод являются олицетворениями физических свойств воды. Некоторые Ухан ханы являются покровителями рыбной ловли и эжинами рыболовных снастей. Могут покровительствовать людям, даровать обильный лов рыбы и исцелять от разных болезней [3, с. 107]. В начале лета им посвящали специальный молебен с жертвоприношениями – тайлаган, прося благополучия, обилия влаги. Прежние буряты делали их изображения на каменных скалах, что называлось Ухан-хати хурэг. В период скотоводства буряты далеко уходили от тех местностей, где были расположены хурэг. Поэтому изображения стали делать на материи [3, с. 108].

Валентина Ажунова сплетает время и пространство в единую Вселенную, используя древнейшие знаки-символы: барана, быка в серии работ «Жертвоприношение». Сюжет несет в себе древние религиозные представления бурят. В работе фигуры животных осмысливаются как жертвенные, приносимые богам. В религии древних народов баран выступал как символ почета, достатка и богатства.

Екатерина Осипова и Валентина Ажунова в своих работах на тему наскальных изображений демонстрируют прямое обращение к наследию предков, цитируя в своем авторском прочтении уникальную галерею Шишкинских рисунков. Особой выразительности Валентина Ажунова достигает в работах «Писаницы. Метамарфоз». Знаковость персонажей и сложный колорит погружают зрителя во вневременное пространство, где нет прошлого и будущего, а есть река времени. В этой декоративной живописи, уподобленной наскальному рисунку, в композиционном строе прямых и волнистых линий, в подмалевке, мерцающей сквозь яркую декоративность плоскости, сквозит некое таинство. Ленское божество, хозяин Шишкинских писаниц, изображен в числе других персонажей наскальной живописи – замерший в ритуальном танце среди лодок и воинов.

Древние пласты бурятской культуры становятся мощным импульсом для художественного творчества. Создают свой неповторимый авторский стиль на грани скульптурных и плоскостных форм в серии работ «Маски» Анжелика Алсаткина, Эдуард Ку克林 и Валентина Ажунова. Пластические объекты демонстрируют попытку раскрыть неуловимые черты и признаки нации. Использование в их творчестве фрагментов материального наследия прошлого – маскоидов – это не столько демонстрация связи времен и поколений, сколько средство для поисков нового стиля. Кожаные, металлические и глиняные формы сохраняют память о человеческом лице и в то же время воспроизводят маску-онгон (дух). Маски, широко распространенные у большинства народов

в прошлом, изображали таинственных существ. Они употреблялись как средство перевоплощения человека в духов, и были неременной принадлежностью обрядов и культовых действий, где требовалось их присутствие.

Белый старец является одним из самых распространенных фольклорных образов монголоязычных народов. Белый старец входит в состав хозяев земли и является их главой [2, с. 102]. К образу Белого старца, изображенного на фоне мирового древа, обращается в гобелене из конского волоса Екатерина Осипова. Изобразительное решение подчинено задаче – создать максимально вытянутый по вертикали рисунок. Традиционному искусству большинства народов свойственно изображать богов и правителей в большем масштабе, чем остальных персонажей, поскольку главный герой воплощает силы блага [2, с. 105]. Куда бы он ни кинул благословляющий взор, повсюду расцветала Земля, плодился скот, рождались дочери и сыновья, приходило «счастье совершать добродетельные дела» [2, с. 107]. Другой образ в своей живописной работе «Белый старец» увидела Екатерина Асалханова, изобразив его в виде старца с длинной бородой в голубом плаще, с тростью в правой руке. Посох Белого старца можно соотнести с Мировым деревом, украшенный головой дракона, он обычно соотносится с посохом шамана, который украшен головой коня и используется как магический жезл [2, с. 110].

Современные художники, «погруженные» в архаику на протяжении нескольких лет, являются авторами работ, представленных в музейных и частных коллекциях в России и за рубежом. Процесс создания произведений понимают как обращение к народным традициям и верованиям, каждый раз переживая заново рождение новых творений. Практика обращения к истокам показывает, что тема наследия вызывает в них не только национальный, но и глубоко личностный интерес.

Таким образом, традиционная культура, связанная с образами Вечного Синего Неба, Солнца и Луны, а также Деревяного рода – важнейших символов культа предков, их представления о Вселенной, нашла отражение в современном творчестве мастеров Усть-Ордынского Бурятского округа. Через свои произведения они воссоздают лучшие образцы материальной культуры.

Литература

1. Малзурова Л. Ц. Бурятские легенды о тотемах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. № 1(5): в 2-х ч. Ч. II. С.133–135.
2. Неманова Э. А. Мифологические универсалии в иконографии Белого старца // Этническая история и этническая культура. М.; Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2009. С. 102–120.
3. Хангалов М.Н. Собрание сочинений: В 3 т. Т.1 Улан-Удэ: «Республиканская типография», 2004. 508 с.

Алсаткина А.Б. Графика.
Манзан Гурмэл тоодэ. Дарительница душ.
2018. Дерево, карандаш

Алсаткина А.Б. Графика.
Хан Гужир Саган Тенгри. Покровитель
животноводства. 2018. Дерево, карандаш

Алсаткина А.Б. Графика. Черные всадники.
Ажирай Бухэ. 2018. Дерево, карандаш

Алсаткина А.Б. Маска. Предки. Алха заарин.
2020. Кожа, ивовый прут, конский волос

Ажунова В.В.
Живопись. Хозяева водной стихии. 2020.
Дерево, акрил

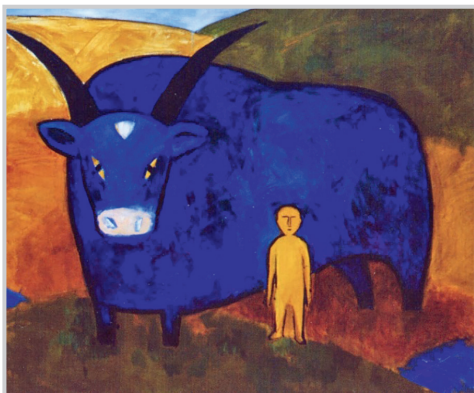
Ажунова В.В.
Живопись. Жертвоприношение. 2020.
Дерево, акрил, поталь

Ажунова В.В.
Живопись. Жертвоприношение. 2020.
Дерево, акрил, поталь

Ажунова В.В.
Декоративное панно (часть). Маски. 2021.
Дерево, акрил, керамика

Асалханова Е.В.
Буха-нойон. 2003. Холст, масло

Асалханова Е.В. Белый старец. 2019.
Холст, масло

Куклин Э.А.
Декоративное панно. Мировое дерево.
2021. Металл, кожа

Куклин Э.А.
Маска. Предки. 2016. Металл, дерево,
конский волос

*Алсаткина А.Б. Три ветра Эмэршэн
Теплые ветра весны и лета. 2021. Войлок,
конский волос*

*Осипова Е.В. Гобелен.
Хун Шубуун. 2021. Конский волос*

Ажунова В.В. Живопись. Писаницы. Метаморфоз. 2018. Дерево, акрил

К вопросу о современном состоянии эхирит-булагатского диалекта

Аннотация. В статье описывается современное бытование эхирит-булагатского диалекта на лексическом уровне по итогам изучения говора местного населения поселений Олойского муниципалитета. Выявлено, что местные жители еще сохраняют свой родной говор, общаются на нем, при этом замечено особенно активное употребление лексики сферы бытовой, а также обрядовой лексики, что связано с тем, что носители данного диалекта продолжают традиционный образ жизни с соблюдением древних обрядов и ритуалов.

Ключевые слова: история языка, диалектология, эхирит-булагатский диалект, бытовая и обрядовая лексика

Tagarova T.B.

Irkutsk State University

On the Question of the Current State of the Ehirit-Bulagat Dialect

Abstract. The article describes the modern existence of the Ehirit-Bulagat dialect at the lexical level based on the results of studying the dialect of the local population of the settlements of the Oloi municipality. It has been revealed that local residents still retain their native dialect, communicate in it, while especially active use of household vocabulary, as well as ritual vocabulary, is noticed, which is due to the fact that the speakers of this dialect continue the traditional way of life in compliance with ancient rituals.

Keywords: language history, dialectology, Ehirit-Bulagat dialect, household and ritual vocabulary

Исследование бытования диалектов бурятского языка актуально во все времена ввиду того, что диалекты, говоры являются важным источником изучения истории развития языка, поскольку они длительное время сохраняют архаический облик. Известно, что многие диалектные особенности бурятского соотносятся со старомонгольским языком. Также изучение диалектов, фиксация лексики важны в связи с тем, что, несмотря на большой вклад в развитие диалектологии таких ученых как Ц.Б. Цыдендамбаев, Б.В. Матхеев, А.Г. Митрошкина, Э.Р. Раднаев, Д. А. Алексеев и др., до сих пор отсутствует бурятский диалектологический словарь.

Ц.Б. Цыдендамбаев утверждал: «В современной литературе по бурятской диалектологии выделяются эхирит-булагатский говор, носителями ко-

* Тагарова Татьяна Боровна, доктор филол. наук, доцент кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета. E-mail: boroevna@yandex.ru

тогого считаются буряты, проживающие по Куде и Баяндаю, и качугский говор, носителями которого признаются буряты, проживающие в бассейне реки Лена. По нашему мнению, достаточных оснований для выделения так называемого качугского говора не имеется. Материалы наших экспедиций показали, что на всей территории Эхирит-Булагатского и Качугского районов Иркутской области говорят на одном эхирит-булагатском говоре» [9, с. 171]. В итоге автор приходит к выводу: «Итак, западно-бурятское наречие, по нашим данным, имеет в своем составе нижеудинский, аларо-унгинский, боханский, эхирит-булагатский, баргузинский, ольхоно-кударинский и тункино-закаменский говоры» [9, с. 173].

Заслуживают пристального внимания и возможной реализации в практике диалектологических изысканий следующие мысли Ц.Б. Цыдендамбаева: «Бурятские диалекты сильно переплетены не только в территориальном, но и во временном отношении. Они сложились в результате как внутреннего развития, так и внешнего влияния. Одни из них уходят своими корнями в далекое прошлое, другие – обусловлены поздними событиями. Вот почему при дальнейшем углубленном изучении материалов... возникнет необходимость выделять, с одной стороны, диалекты по родству...; с другой – подговоры, находящиеся в составе тех или иных говоров... Есть основания говорить о хоринском, эхиритском и, может быть, булагатском диалектах». Далее исследователь замечает: «По нашему мнению, например, эхирит-булагатский говор не делится на равнозначные подговоры: ни на эхиритский и булагатский, ни на собственно эхирит-булагатский и качугский, а в его составе находится верхоленский (качугский) подговор, который по отношению к говору занимает подчиненное положение» [9, с. 174].

Б.В. Матхеев, не говорит о таком говоре, перейдя целиком на этнографо-территориальное деление бурятских говоров. По признаку чередования $x' - (c' - t' - ш) j$ -акающий диалект подразделяется на эхиритскую и булагатскую группы диалектов. Эти две группы названы по их этнонимам, так как в данном случае лингвистические ареалы в общем-то совпадают с этнической территорией эхиритских и булагатских родов: представители эхиритской группы диалектов живут к северу и востоку от географической линии, соединяющей населенные пункты Байтог – Гахан (Бажехан) – Бозой – Олой – Корсук – Мурин; а говорящие на булагатском диалекте располагаются юго-западнее линии бурятских улусов Кукунут – Харазаргай – Идыга – Булуса – Кулункун – Капсал» [5, с. 46].

Следовательно, считают Митрошкина и Семенова, «эхирит-булагатского говора как такового не существует, так как в нынешнем Баяндаевском районе с более полутора десятками родовых групп, расселенных в более чем 100 улусах, функционируют эхиритские говоры» 7, с.8], а «при классификации должны учитываться вопросы происхождения и расселения бурятских родов» [7, с. 19].

По мнению Д.А. Алексеева, эхирит-булагатский диалект распространен на территории Эхирит-Булагатского, Баяндаевского аймаков и острова Ольхон Иркутской области [1, с. 88]. Этой точки зрения придерживается и автор настоящей статьи.

Известно, что наиболее ранние лексические единицы, которые можно отнести к основному словарному фонду диалектов бурятского языка, – названия частей тела человека, термины родства, названия одежды, домашней утвари и т.д. Так, в рассматриваемом диалекте в активном фонде находятся такие терминологические системы, как термины родства: ахай – девушка, ахай – старшая (ый) сестра/брат, абгаззы – замужняя девушка, нагасы – жена старшего брата, насхай, нагсы – женщина, төө баабай – дедушка, эсэгэрэг, удха – род, хошоо – близнецы, хурайха – муж, үбгэн – дедушка, хүргэн – зять, хольши маама – бабушка по материнской линии, һөө эжы – мачеха, үеэлэ – дальние родственники и т.д.

У А.Г. Митрошкиной зафиксировано: юж.-бул. төө эзы – бабушка, һамган – жена, супруга, иногда – женщина, шөргө хүбүүн – добрачный сын, юж.-бул. хүнгрээ – ласкательное обращение к девочке. В юж.-бул. Бүүбээ // уубай// буубай – ребенок, дитя, бодоо – обращение к детям, хөөхээ – ребенок [7]. Также большой объем занимают названия предметов домашнего обихода: сонхор хүхэ – топор колун, хусхаа – тиски, хабшуурга – щипцы угольные, матаар – крынка.

По материалам диалектологической практики студентов записано: һуулга – ведро, ш(х)идага – деревянное блюдо для мяса, шүбгэ – шило, вилка, годон – обувь, армаани – рубашка, халдайха – платье, халааһан – карман, тура, соол – дом, хүрээ – ограда, шабаагар, шагаабар – окно, бээжэ – печь, шулууса – ключ, хэрэнсэ – сени, уграад – двор, яабалха – картошка, харша – забор, дали – скамейка, бэжын амар – дверь от печи, аша, бүлүүр – палка для взбивания масла, сээлэнсэ – большой деревянный таз, унталга – кровать, хүрээ – пила, хотиго – нож, эльбүүр – веник, яһала – приданое, хобсор – коврик из овечьих лоскутков, халбансал – ёмкость для теста, эрүүл – веретено, шуппина – маленькая ложка, халбага – поварешка, эрьюулгэ – кокемялка, хутхуурга – тестомеска, данхай – этажерка, яланхай – чаша, блюдце, осбоодхо – варежки, связанные крючком, гоожуурга – желобок, водосток, добтор – крыльцо, нажарай һуури – летник, улаан тагша – деревянная пиала, хүрээ – юрта и т.д.

Соматизмы: манилай – лоб, хүмхэ – кадык, гээгэй – затылок, бүхэн – седалище, тархи – мозг, шанаа – виски, лит. сабиргай, хууха – кожа головы, лит. хуйха и т.д.

Детская считалка о пальцах руки немного отличается от литературной формы: Барбаадай, батан туулай, тай тобшо, тохойной баатар, шэгшээ (лит.: барбаадай, батан туулай, тоохон тобшо, толи байса, бишыхан шэгшүүдэй).

Названия пищи: талхан – аарса (говорят «талхан шанаа»), зутраан сай – чай с жиром, улаагана – общее название ягод, яабалха – картошка, үһэн – молоко, маньяһан – дикий лук, халтагай – водка и т.д.

Зафиксированы названия месяцев: бэсэгэн улаан – март, хагданай хара – апрель, гуран хара – ноябрь, үрэ хара – август, гани хара – июль, хуса – январь, буга – декабрь, дутуу – февраль.

Животный мир: өршө – суслик, борлөохой – воробей, саазгай – сорока, боргонон, нюдэ алаяхан – мошка, хабтагай – клоп, таршааг – кузнечик и т.д. В с. Олой: шоохой, ямаан – коза.

Термины, относящиеся к животноводству: нахшуурга – волокуша для погрузки сена, эрмэг – яловая, халбай! – стой! – окрик при дойке овец, коз, хии, шэбхэ – навоз, шэбээ, хүрээ – скотный двор и т.д.

Слова, характеризующие поведение, нрав людей в большинстве своем являются атрибутивными, а также встречаются и фразеологические единицы: нээбэгээр – женщина легкого поведения, к мужчинам тоже относится, холгой – невнимательный, улуутай – сумасшедший, хонзогондоо хальтин хабшалаар бу харезлдагты – к женщине легкого поведения, айлай буха – бабник, архиин пинхуур – пьяница, хууха хамган, бишихтай болохо – беременная женщина и т.д.

Наблюдения показывают, что в речи жителей сел Олой, Отонхой, Баянгазуй активна лексика, отражающая религиозные верования и связанные с ним обряды. Например: Монгол – дух, Сагаан Монгол – дух дома, Хара Монгол – дух внешний, вне дома, монголоо эдеэлүүлхэ, тайлаган, гутал хатааха – подготовка к смерти, хубса(ха) бэлдэхэ – приготовить одежду к смерти, байрлаа, байрлаха – о смерти человека, арюула – сжигать тело покойника, хадагалха, ойдоо гаргаха – хоронить, ойдоо ябаха – умереть, баабай маадаа ошохо – уйти к праотцам, мянган наһандаа ошохо (ябаха) – умереть, үнгэрхэн хүн мянган хараани харгыда ябаа – покойник в дальний путь ушел и т.д. В данной группе частотны устойчивые словосочетания, что отражает понимание явления смерти как сложного процесса, как таинства, что вызывает чувство благоговейного уважения. Поэтому невозможна номинация этого явления и связанных с ним процессов одним словом. Наблюдается стремление к употреблению эвфемизмов.

Таким образом, можно заключить, что эхирит-булагатский диалект на современном этапе сохраняется с присущими ему архаическими чертами и заимствованиями из русского языка. Наименьшие диалектные различия обнаружены в группе терминов животноводства, т.к. данная лексика представляет собой общемонгольские, бурятские слова. Наибольшее количество диалектизмов (фонетических и морфологических) представлено в группе терминов родства, бытовой утвари. Рассмотренный лексический материал представлен на данный момент как предварительный обзор. Предстоит продолжить дальнейшую работу по сбору диалектного материала не только на территории Эхирит-Булагатского района, но и Баяндаевского и Ольхонского районов. В перспективе предусматривается создание диалектологического словаря.

Литература

1. *Алексеев Д.А.* О «территориальных» диалектах бурят-монгольского языка // *Материалы науч. конф. по вопросам бурят-монгольского языка* (26–31 января 1953 года). Улан-Удэ, 1955. С. 74–96.
2. *Будаев Ц.Б.* Бурятские диалекты: опыт диахронического исследования. Новосибирск: Наука, 1992. 216 с.
3. *Будаев Ц.Б.* Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.
4. *Бураев И.Д.* Проблемы классификации бурятских диалектов // *Проблемы бурятской диалектологии*. Улан-Удэ, 1996. С. 3–16.
5. *Матхеев Б.В.* Очерки эхирит-булагатского говора // *Исследования бурятских говоров*. Улан-Удэ, 1968. Вып.2. С. 3–46.
6. *Митрошкина А.Г.* Говор качугских (верхоленских) бурят // *Исследование бурятских говоров*. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2. С.47–73.
7. *Митрошкина А.Г., Семенова В.И.* Языковые особенности эхиритских и булагатских бурят. Иркутск: Иркут. ун-т, 2004. 72 с.
8. *Цыдендамбаев Ц. Б.* Руководство для сбора материалов по говорам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1957. 73 с.
9. *Цыдендамбаев Ц.Б.* К итогам экспедиционного изучения говоров добайкальских бурят // *Исследование бурятских говоров*. Улан-Удэ, 1968. Вып. 2. С. 164–175.

УДК 821.512.31

Халхарова Л. Ц.*

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

Образ города в повести П. Малакшинова «В далеком городе»

Аннотация. Статья посвящена анализу образа города в повести П. Малакшинова «Холын городто» (В далеком городе). Повесть была написана в 1941 г. и является первой повестью в бурятской литературе, в которой показан образ большого города. В работе исследуется структура образа «город» через восприятие главного героя повести – Ошора Даханова, улусного бурята, впервые оказавшегося в большом интернациональном городе. Рассматривается сложный процесс его адаптации в городских условиях и трансформация национального характера под воздействием социокультурных картин.

Ключевые слова: жанр повести, образ «города», автобиографизм, городское пространство, маркеры, социокультурная модернизация.

* **Халхарова Лариса Цымжитовна**, канд. филол. наук, доцент кафедры бурятской и эвенкийской филологии Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова. E-mail: larihalh@yandex.ru

The Image of the City in the Story “In a Distant City” by P. Malakshinov

Abstract. The article is devoted to the analysis of the image of the city in P. Malakshinov’s story “Kholyn gorodto” (In a distant city). The story was written in 1941 and is the first story in Buryat literature, which shows the image of a big city. The paper examines the structure of the image of the “city” through the perception of the protagonist of the story – Oshor Dakhanov, an ulus Buryat, who finds himself in a large international city for the first time. The complex process of his adaptation in urban conditions and the transformation of his national character under the influence of socio-cultural pictures are considered.

Keywords: genre of the story, image of the “city”, autobiography, urban space, markers, socio-cultural modernization.

Платон Малакшинов (1904–1987 (1991)) – талантливый бурятский писатель, прозаик, автор ряда рассказов, повестей «В далёком городе» (1941), «Адууша» (1961), романов «Учитель» (1954), «Аларь-гол». В переводе на русский язык М. Демидовой, М. Чечаковского и И. Асана были изданы его произведения «Мальчик из Забайкалья» (Улан-Удэ, 1942), «Кушак Шохрона» (Москва, 1965), «Аларь-гол» (1979). Являлся членом Союза писателей СССР.

Повесть «Холын городто» (В далеком городе) П. Малакшинова была опубликована на бурятском языке отдельной книгой в 1941 г. Отрывками вошла в первую бурятскую хрестоматию «История бурятской советской литературы», изданную в 1943 г. Исследователь С. Батомункуев упоминает в своей статье о русскоязычном варианте, который так и не был опубликован: «Имеется и рукописный русскоязычный авторский вариант, который неизвестен массовому читателю... Насколько мы можем судить о его художественной стороне, она представляется достаточно уязвимой (все-таки рукопись). Несмотря на отсутствие в этой повести сколько-нибудь значимых литературных достоинств, она заслуживает того, чтобы напомнить о ее существовании и содержании» [1, с.140]. К сожалению, нам недоступен текст этой рукописи, вероятно, она хранится в архиве БНЦ. Объектом же нашего внимания стала повесть П. Малакшинова на бурятском языке.

Сразу после публикации повести в 1941 г. бурятские литературоведы обрушились на нее с критикой, посчитав ее слабоватой по сюжету: «Автор (П.М. – прим. Л.Х.) не умеет художественно отбирать жизненные факты, перегружает свое произведение излишними этнографическими, бытовыми и натуралистическими деталями... Рыхлость композиции и сюжета, вызванная изображением пестроты действительности без сколько-нибудь продуман-

манного отбора, помешала целенаправленному воплощению темы...» [3, с.138]. Повесть была забыта, ее не переиздавали, и лишь в 2014 г. она была издана в полном объеме в многотомной антологии бурятской прозы «Байгалай толон» (редактор Б.Ж. Тумунов).

Несмотря на критику и забвение, повесть П. Малакшинова представляет собой интересное явление в бурятской литературе начала 1940-х гг. с точки зрения художественного воплощения темы города. Восприятие города простым улусным парнем, взаимоотношения с однокурсниками, представителями других национальностей в большом городе, преодоление им определенных национальных комплексов – все это дается в повести правдоподобно, живо.

Надо отметить, что образ города в литературе XX в. «имеет важный культурологический аспект, так как город осознается не только в качестве места социальных противоречий, но и как сосредоточие культурных и жизненных ценностей, сфера и арена реализации человека формирующейся техногенной цивилизации» [2, с. 67]. Город как сложный, многоуровневый феномен находит отражение в научной картине мира и является предметом изучения различных наук, в том числе и литературоведения.

Герой повести «В далеком городе» П. Малакшинова – молодой бурятский парень Ошор Даханов, который отправляется на учебу в далекий сибирский город из маленького бурятского улуса. Время действия – 1920-е гг., первые годы после установления новой советской власти. Повесть во многом автобиографична, писатель опирается на свой собственный опыт познания города, городского пространства, поиски самого себя, процесс сложного и противоречивого вживания бурята в городскую среду.

Основным городским топосом в бурятской художественной картине мира был город Улан-Удэ, куда в начале XX в. начали переселяться буряты из сельской местности. И хотя в процентном отношении к русскому населению численность бурят была незначительной, все же их среди знакомых, родственников, земляков в Улан-Удэ было достаточно, чтобы город не казался абсолютно чужим. В повести же П. Малакшинова представлен далекий город. Его название не указано, но предположительно это большой сибирский город, куда наш герой добирается на поезде в течение нескольких суток. Далекий город в представлении Ошора был многоэтажный, огромный, густонаселенный, однако по приезде он немного разочаровывается: «Саашаа ябахадань набтархан модон гэрнүүд, шабартай улицанууд, хаана яана нэгэ хоёр уляаһан, худагууд – хүдөөгэй нэгэ деревиние һануулна...» [4, н.5]. (Он пошел дальше и увидел приземистые одноэтажные дома, улицы в грязи, кое-где редкие осины, колодцы – все это напомнило ему захолустную деревню) *(здесь и далее подстрочный перевод наш – Л.Х.)*

Настоящее знакомство с городом начинается чуть позже: «Зай, иигээд лэ город гээшээ үзэжэ эхилхэмни ха» – гэжэ бодоод, эрьен тойрон ябажа харахадань томо сагаан байшангууд гэжэ захагүй һэн. Ошожо ябаһан зүг тээшээ харахадань эндэ тэндэ заводуудай хоолойнууд дүрбэ табан дабхар байшангуудһаа хэдэн дахин үндэрөөр харагдажа, хүнэй һүр дарана. Байһаар хойно хойноһоон дүүелдэн гудогуд дуугарба» [4, н.6]. («Вот где настоящий город», – подумал Ошор, когда перед ним раскинулись белые многоэтажные дома. А над этими четырех-пятиэтажными домами то там, то здесь высились огромные черные трубы заводов, нагнетая какой-то страх и ужас. В это время друг за другом тишину взорвали заводские гудки).

Здание, в котором Ошор должен был учиться на курсах, воспринимается как нечто холодное и чужое: «... Одоол үндэр сагаан байшанай дэргэдэ хүбүүн хүрэжэ ерэбэ... Нойтон шабарай үнэр гутажа, Ошорой досоо аягүй муухай болоно. Сагаан шоройгоор будамал ханануудайнь гэшхүүрэй һүүдэртэ харлажа, ехэ таагүй байба. Ошорой бодолдо буряад модон найман ханатай гэрэй хана хүйтэн сагаан ханаһаа яаха аргагүй дээрээр ханагдана... «Иимэ гэр соо хүнүүд ехэ зүрхэгүй, хүнэй ороходо инагаар зугаалхашьегүй юм байна. Буряадай уужам талые үзөөгүй хадаа иимэл байгаа ёһонтой. Эдэндэ дадахашьегүйб, – заабол гэртээ харихаб» – гэжэ Ошор бодоно» [4, н.8]. (Наконец он подошел к высокому белому зданию... Запах сырой глины неприятно ударил по носу. Выбеленные известкой стены местами были грязно посеревшие и излучали холод. Ошору тут же представилась его деревянная восьмистенная юрта, где всегда тепло и уютно от очага... «Вот поэтому люди, живущие в таких домах, злые и неприветливые, никто путем даже не здоровается с гостями. Может, от того, что они никогда не видели простора наших бурятских степей? Я даже не собираюсь привыкать к этому – вернуться домой и точка», – думал Ошор).

Город в повести образуется не только таким компонентом, «как топос (место), организованное пространство (здания, жилые дома; улицы, площади и пр.), но и как люди, которые проживают в этом городе, их образ жизни» [5, с.21]. Ошор – типичный улусный бурят, оказавшись в городе, вначале ко всему относится с недоверием, так как старики его предупреждали, что в городе нужно быть начеку, могут обмануть и обобрать, однако он любознателен, любопытен, ему все интересно. Кроме того, в улусе бытовали предрассудки о русских, поэтому у парня были опасения и недоверие. Что касается самих горожан, его однокурсников, среди них тоже находятся те, которые оказались в плену предрассудков, они не принимают его чужеродности, необычности, зачастую превращая его в объект насмешек и издевательств. Речь идет о бытовом национализме, который, к сожалению, не изжит и по сей день. У Ошора в первое время укрепляется убеждение в своем несовершенстве, во-первых, он плохо говорит по-русски, носит национальную одежду

– дэгэл, меховую шапку-ушанку, кожаные сапоги – гутулы, ведь в ней он чувствует себя комфортно. Хотя потом он начинает с трудом носить европейскую одежду: «Ошор хубсалхадаа тулюур, олон тобшотой самса шагталхань хашартай, ботинкын ооһор хүрмэхэнь хэсүү» [4, с.38]. (Ему было тяжело надевать рубашку с множеством пуговиц, затем натягивать ботинки и долго их шнуровать). Во-вторых, на постоянные нападки на национальной почве его однокурсника Чалого, преподавателя Вавренюка, Ошор очень бурно реагирует, полагаясь на свои кулаки, тем самым провоцируя их на еще большие издевательства.

Складываются сложные взаимоотношения Ошора с земляком Бамбадиг Буржатовым, другом его отца, который тоже учится здесь на старших курсах: то он берет над Ошором шефство, памятуя об обещании его отцу заботиться о нем, то трусливо прячется от него, когда действительно нужна поддержка (Ошора обвиняют в национал-шовинизме и пытаются отчислить за то, что смог за себя постоять, когда на него напала группа русских ребят). Нельзя сказать, что Ошор совсем одинок в этом городе, у него появляются друзья, его поддерживает учитель Ржаной, в него влюбляется русская девушка Таня. Любовь к Тане открывает для Ошора совершенно новые чувства и ощущения, он невольно сравнивает свою бывшую девушку Сэсэг с Таней, впервые осознавая различия в их поведении и поступках. Любовь, ненависть, гнев, ревность, нежность, стыд, робость – все эти чувства он впервые испытывает к Тане.

Воспоминания о доме, родных местах греют его душу, они представлены в контрасте с городскими событиями: «Хүбүүн нютагаа һанана. Ошорой гэрэй урдахана эрье бии агша һэн. Теэд тэрэ эрьедэнь гансахан наран байгша бэлэй. Саанань үргэн тала, саашаа тайга. Тайгын саана баһа хада ууланууд, удаань баһа тайга, тиигээд Ошорой һайхан дайда намарай набшаһаар хангалтажа байгаа ёһотой...» [4, с.9]. (Он вспомнил о доме. Перед его домом находился крутой берег реки, и там росла одинокая сосна. За рекой простиралась степь, а за ней тайга. За тайгой виднелись горы, потом опять тайга. Сейчас в его родных местах осень вступала в свои права...).

Постепенно город перестает быть для Ошора чужбиной, он начинает понимать, что все зависит от него самого. Постигая для себя город, его законы, сложную науку взаимоотношений людей, герой повести то и дело попадает в комические ситуации, становясь объектом насмешек со стороны, однако он не замыкается в себе, преодолевает свои комплексы. Следует заметить, что в повести маркерами городского пространства выступают русизмы (использование русских слов в языке повести): город, улица, тротуар, автомобиль, асфальт, милиционер, завод, каток, коньки, курс, аудитория, хулиган и др.

Герой повести Ошор Даханов проходит путь многих бурят (и не только), достаточно травматичный, осознавая себя представителем своего народа, чувствуя на себе огромную ответственность за свои дела и поступки: «Би буряад хүбүүнби, теэд яахаб, буряад зандаал байхаб даа» (Я бурят и буду бурятом всегда). Русские горожане, да и однокурсники называют его то китайцем, то кочевником, то новым Чингисханом, иногда даже некоторые задают неприличные вопросы, типа вы едите кошек и собак, на что Ошор иногда вынужден молчать, терпеть. Вот этот очень сложный процесс, осознание своей чуждости, инаковости – составляет основу его переживаний.

По мнению исследователей, «...ценность данного текста состоит в том, что он представляет собой один из ранних и чрезвычайно редких опытов художественного описания первых контактов бурят с русскими в начале процесса урбанизации улусников, а главное, это то, что он является опытом самоописания, стремящегося к фиксации различных подробностей в реакциях на ситуации, связанных с новой, неизвестной обстановкой, людьми, их привычками, предрассудками» [1, с.139]. Таким образом, автор повести «В далеком городе» П. Малакшинов впервые в бурятской литературе раскрыл противоречивый образ города, показал сложный путь урбанизации бурят, их адаптацию в городской среде на примере своего героя Ошора Даханова.

Литература

1. *Батомункуев С. В.* Тема урбанизации бурят в неизвестной рукописи повести бурят-монгольского писателя Платона Малакшинова «В далеком городе» (1941 г.) // *Tartaria Magna*. 2011. № 1. С. 138–149.
2. Бурятская поэзия второй половины XX – начала XXI в.: поэтика мифа: учебное пособие / сост. И. В. Булгутова, Л. Ц. Халхарова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2015. 160 с.
3. История бурятской литературы 1917–1955 гг.: в 2 ч. Ч.2. Бурятская литература военных лет и послевоенного десятилетия (1941–1955). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 196 с.
4. *Малакшинов П. И.* Холын городто // Байгалай толон. Т. 8. Проект издания ООО «Имени Гомбожаба Цыбикова и Жамсо Тумунова» Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2014. 646 с.
5. *Халхарова Л. Ц.* Концепт «город» в романе Ч. Цыдендамбаева «Охотники за голубыми гусями» // Вестник БГУ. Выпуск «Филология». 2014. № 10 (4). С. 20–25.

Геокультурные топосы на поэтической карте Владимира Петонова (1932–1993)

Аннотация. В статье анализируются поэтические произведения известного бурятского поэта, уроженца села Бурят-Янгуты Осинского района Иркутской области, Владимира Константиновича Петонова. Акцент сделан на геокультурных топосах как наиболее значимых для раскрытия как образа лирического героя, так и творческой судьбы поэта.

Ключевые слова: В.К. Петонов, геокультурный топос, поэтическая карта, Бурят-Янгуты, Хатан-Уула, знак, географический объект, родина.

Balaryeva T.B.
Irkutsk State University

Geocultural Topos on the Poetic Map Vladimir Petonov (1932–1993)

Abstract. The article analyzes the poetic works of Vladimir Konstantinovich Petonov, a well-known Buryat poet, a native of the village of Buryat-Yanguty, Osinsk District, Irkutsk Region. The emphasis is placed on geocultural topoi as the most significant for revealing both the image of the lyrical hero and the creative destiny of the poet.

Keywords: V.E. Petonov, geocultural topos, poetic map, Buryat-Yanguty, Khatan-Uula, sign, geographical object, homeland.

Владимир Константинович Петонов – один из известных, талантливых бурятских поэтов, родился в 1932 г. в с. Бурят-Янгуты Осинского района Усть-Ордынского Бурятского округа. Является выпускником Бурятского отделения Иркутского государственного университета (1957 г.). Окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Будучи студентом, печатался в газете «Советская молодёжь», в коллективном сборнике «Молодая Ангара». Первый сборник стихов «Байгалай хэбшээн» (Ветер с Байкала) издан в 1959 г. В последующие годы в Улан-Удэ, Иркутске, Москве было опубликовано 20 сборников стихов и прозы. Является автором поэтических сборников: «Минии баруун гар» (Моя правая рука) (1968), «Гал гуламта» (У очага) (1970), «Сагаан зам» (Белой дорогой) (1972), «Булжамуурта орон» (Держава ранних жаворонков) (1978), «Аянга» (1987)

* Баларьева Туяна Батеевна, канд. филол. наук, доцент кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета. E-mail: btuja@mail.ru

и др., а также первого бурятского романа в стихах «Газарай татаса» (Земли притяжение) (1981).

Поэзия В.К. Петонова отразила всю глубину сыновней любви к его малой родине, родной земле, что обнаруживается и в названиях отмеченных поэтических сборников. Его поэтическое пространство – это вся планета, все человечество; мир народной жизни, фольклора и мифологии; мир труда и людей, умеющих трудиться; мир природы, её богатства и разнообразия; мир лирического героя; мир любви, верности, преданности.

В данной статье сделана попытка раскрыть особенности поэтического мира, поэтической карты Владимира Петонова через понятие «геокультурного топоса», что позволяет сделать оригинальные наблюдения над текстами поэта. Под «геокультурным топосом» подразумевается конкретный географический объект, образ которого находит отражение в поэтических текстах.

В поэзии В. Петонова можно отметить произведения, в которых обнаруживаются отсылки к различным географическим объектам как, очевидно, имеющим особую значимость, прежде всего, для самого поэта, так и для его лирического героя, среди них: Улан-Удэ, Бурят-Янгуты, Хатан-Уула, Усть-Орда, Баяндай, Москва, Аларь, Вьетнам, Бохан, Латвия, Рига, Рижское море, Саяны, Селенга, Тараса, Нукуты, Санага, Россия, Бурятия, Байкал, Монголия, Алма-Ата, Ала-Тау, Казахстан, Хиросима, Хоринск, Еравна, Кижинга, Эдэрмык, Рязань, Казань и многие др.

Лирический герой В. Петонова – верный сын родной земли, что явно подтверждают многочисленные обращения к таким объектам, как село Бурят-Янгуты или гора Хатан-Уула.

Геокультурный топос Бурят-Янгуты – родина поэта, село в Осинском районе Усть-Ордынского округа. Малая родина обнаруживает свою ценность во многих произведениях автора. Как для самого поэта, так и для его лирического героя важна связь с родной землей.

Поэт пишет: Буряад Енгүүдни –
 Гал гуламтамни –
 Баабайн заяаһан бардам тоонтом.
 Бурят-Янгуты -
 Мой очаг –
 Отцом завещанная богатая родина моя.

[Петонов, 1970, с. 82]

Амидарал намда юрөөһэн
Алтан Буряад Енгүүдни.
Золотые мои Бурят-Янгуты,
Жизнь мне подарившие.

[Петонов, 1970, с. 84]

Поэтом создан целый ряд произведений, в которых наряду с Бурят-Янгутами выделяется топоним Хатан-Уула. В его раскрытии большую роль играют фольклорно-мифологические единицы, которые можно обнаружить, например, в тексте поэмы «Хатан уула». Это песни (мунгалгын дуунууд), легенды и мифы о происхождении 99 янгутских родов, о прародительнице Егтэй Эмэ, благословившей своих потомков:

«Егтэй Эмэхээ гарахан хадаа
Енгүүд гэжэ нэршээрэй,
Юртэмсэ энэ дэлхэйдэ,
Юэн эрдэни мэдээрэй,
Юэн хүбүүтэй болоорой,
Юэн шуран хүбүүдшни
Ерэн юэн болуужан!»

[Петонов, 1970, с.69]

Согласно преданию, родословная потомков рода янгут восходит к монгольскому воину Буха-Нойону, который был зятем Чингисхана, возглавлял тумен – десятитысячную армию. От Янгута, который являлся представителем пятого поколения от Буха-Нойона, произошло название янгутского рода. Очевидно, что «Бурят-Янгуты» и «Хатан-Уула» сформированы на пересечении известных и понятных для поэта культурно-исторических, фольклорно-мифологических единиц и являются для лирического героя поэта самым близким, освоенным пространством. Поэтому данные топонимы наиболее важны на поэтической карте Владимира Петонова.

Довольно часто встречающимися в поэзии Петонова и не менее важными являются и такие геокультурные топонимы, как: Аларь, Бохан, Нукуты, Ольхон, Тараса, Баяндай, Усть-Орда, находящиеся в одном пространстве («Түрхэм нютаг тухай дуун», «Алайрай голой таряшад»).

В стихотворениях «Баяндай» и «Тараса» возникает образ богатой долины, где люди дружны, жизнерадостны, встречают гостей как родственников, отсюда – мотив единения народа. Для поэта ценно осознание сопричастности к судьбам людей, проживающих на этих землях. В следующем произведении «Гэсэрэй гуламта» (1986) лирический герой, посещая Аларь и Бохан, получает наполнение души от общения, от песен местных старцев.

Топоним Усть-Орда («Усть-Орда» (1987), «Усть-Орда», «Усть-Ордын базар») выступает как центр Кудинской долины: «Алайраймнай алдар, / нүхэдэймнай нэлдэр, / Боохоноймнай буян, / Эхэрэдэй энхэ / Угай хоймор / Худайн голой / энхэрэмэ» [Петонов, 2012, с.58].

В поэзии В. Петонова осмысливаются своеобразные геокультурные соотношения: Аларь – знаменитый исполнитель улигеров Альфор (Александр Онгоевич Васильев (1887–1945), Ангара в поэме «Үльгэршын үхэл»; Мо-

сква – Красная площадь, Александр Пушкин, Юрий Гагарин; Ленинград – Таня Савичева, «Аврора»; Казахстан – Алма-Ата, Ала-Тау, Абай Кунанбаев, Байконур; Япония – Хиросима («Гурбадуугаар бомбо бү тэрээрэг») и др.

Геокультурный топос Россия раскрывается как пространство, созданное благодаря белоствольным берёзам, плодородным землям, пшеничным полям («Манай Росси»). Здесь важен топос Сибирь («Минии Сибирь»), который предстает как своё пространство. «Моя Сибирь» – именно такое обращение характерно для лирического героя:

Зүүлжээ, баруулжаа –
хайша хайшаа
Зоригто үргэн үбсүүгээ сэлижэ,
Хаяа хизааргүй дайдая дэлижэ,
Халюурма минии Сибирь хабтайгаа.

[Петонов, 2012, с.5]

Поэтом часто упоминается Москва – это место, куда стремится попасть лирический герой. Эти устремления объясняются желанием поэта выразить свое единство с пространством, где наиболее полно сформировались истоки художественного творения, место особого вдохновения, начало его новых желаний и книг. Поэт называет Москву «городом муз», «столицей талантов и творцов», что делает её похожей на Байкал, волны которого напоминают океан.

Другой важный геокультурный топос – Байкал. В венке сонетов «Булжамуурга орон» (Держава ранних жаворонков) из сборника «Байгалай хэбшээн» (Ветер с Байкала) он объединяет многие другие топосы, отражённые на поэтической карте.

Поэт пишет: «Байгал далаймнай» гэжэ ханадаг,
Бурядууд Байгалаа нангинаар сахидаг.

[Петонов, 2012, с.165]

Байгал далай, алдарта Байгал!

[Петонов, 2012, с.165]

Океан Байкал, прославленный Байкал! – именно так называют Байкал буряты. Не озеро, а океан. Байкал, красавица Ангара и её жених Енисей – мифологическая составляющая поэтических произведений бурятского поэта. Безусловно, геокультурный топос Байкал находится в самом центре поэтического пространства В. Петонова.

По сравнению с рассмотренными выше, наиболее близкими и значимыми для поэта геокультурными топосами, следующие – Латвия, Рига, Рижское взморье, Казахстан, Вьетнам – уже не имеют факторов «своего», «узнаваемого», то есть того, что формирует духовное наполнение лирического героя.

Так, несмотря на насыщенность жизни гостя столицы Казахстана, лирический герой вспоминает родину (Үлгы нютагаа шэбшэлэйб); а на Рижском взморье он вспоминает Байкал, его чистоту и глубину.

В поэзии В.К. Петонова на своем языке заговорили городские улицы, сельские просторы, морские и речные берега, монгольские степи, слышны грузинские, латышские, молдавские, вьетнамские мотивы. Геокультурные топосы – своеобразные знаки отношения поэта к пространству, позволяющему определить как судьбу героя, так и самого поэта. В них происходит своеобразный процесс освоения мира в глобальных масштабах. Владимир Петонов раскрывает мир как в пространстве, так и во времени. В его поэзии проявлены широта поэтического взгляда, мировосприятия, богатой души. Каждый из вышеупомянутых топосов – это переживания лирического героя, конкретное хронотопическое место, характеризующее его состояния. Благодаря раскрытию геокультурных топосов, позволивших развить поэтические мысли, создается своеобразная поэтическая карта поэта Владимира Константиновича Петонова.

Литература:

1. *Петонов В.К.* Шэлэгдэмэл зохёолнууд. 2 боти. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография». 2012. 208 с.: ил.
2. *Петонов В.К.* Гал гуламта. Шэнэ ном. Улаан-Үдэ: Буряадай номой хэбл-эл. 1970. 88 с.

УДК 82-1:665.59+021.1

Хаамируева Л.Т. *

Усть-Ордынская Национальная библиотека им. М.Н. Хангалова

Жан Зимин. «Ухибуудтэ зорюулагдаһан шулэгууд ба поэмэнууд» (Стихи и поэмы для детей) : издательский проект Усть-Ордынской Национальной библиотеки им. М. Н. Хангалова

Аннотация. Жан Александрович Зимин (1920–2012) – бурятский детский поэт, педагог, ученый-географ и краевед, уроженец с. Аляты Аларского района Усть-Ордынского Бурятского округа. В статье дается характеристика его творческой деятельности и рассказывается о подготовке и издании в 2022 г. Усть-Ордынской Национальной библиотекой им. М. Н. Хангалова сборника стихов Зимина для детей. Раскрывается структура и содержание книги, а также поднимается общая проблема переиздания детских книг на бурятском языке.

Ключевые слова: детская бурятская литература, издательский проект, Ж. А. Зимин, Усть-Ордынская Национальная библиотека

* **Хаамируева Людмила Трофимовна**, зав. отделом краеведческой и национальной литературы Усть-Ордынской Национальной библиотеки им. М.Н. Хангалова. E-mail: uo.lib@mail.ru

**Zhan Zimin. “Ухибуудтэ зорюулагдаһан шулэгууд ба поэмэнууд”
(Poems and Verses for Children) : a Publishing Project of the Ust-Ordyn
National Library named after M. N. Khangalov.**

Abstract. Zhan Alexandrovich Zimin (1920–2012) was a Buryat children’s poet, teacher, geographer and local historian, a native of the village of Alyaty of the Alarsky district of the Ust-Ordynsky Buryat district. The article describes his creative activity and tells about the preparation and publication in 2022 by the Ust-Ordyn National Library named after M.N. Khangalov of a collection of Zimin’s poems for children. The structure and content of the book are revealed, as well as the general problem of republishing children’s books in the Buryat language is raised.

Keywords: Buryat children’s literature, publishing project, J. A. Zimin, Ust-Ordyn National Library.

В этот юбилейный для нашего округа год Усть-Ордынской Национальной библиотекой им. М. Н. Хангалова был подготовлен и осуществлен выпуск очень значимого для нас издания «Ухибуудтэ зорюулагдаһан шулэгууд ба поэмэнууд. Стихи и поэмы для детей». Это переиздание под одной обложкой нескольких детских книг стихов Жана Александровича Зимина, вышедших в советское время. Жан Александрович был удивительным человеком, с разносторонними интересами, прожившим долгую и плодотворную жизнь. Как педагог он внес весомый вклад в обучение и воспитание подрастающего поколения; как исследователь – географ и краевед – в изучение своего родного края; его писательскому перу принадлежат сотни стихотворений и несколько поэм и пьес.

Жан Александрович Зимин (1920–2012) родился в улусе Аляты Аларского района Иркутской области. Окончил среднюю школу в поселке Кутулик, районном центре Аларского района.

Трудовую деятельность Зимин начал в 17 лет: в 1937 г. он стал учителем начальной школы в родном улусе Алят – и более 50 лет посвятил педагогической работе. После окончания в 1951 г. географического факультета Иркутского государственного университета он преподавал географию в школах родного Аларского района и Республики Бурятии, работал завучем, директором, методистом. Более четверти века он отдал Нельхайской школе Аларского района. Зимин сумел привить своим ученикам интерес к природе, истории родного края; вместе с ними собрал богатейший краеведческий материал, который послужил основой краеведческого музея при школе, существующего по сей день.

Преподавательскую работу Жан Александрович совмещал с подготовкой учебно-методических пособий с литературно-географическим уклоном и научно-краеведческих статей, главным образом, для учителей сельских школ. Он издал комплекс учебно-методических пособий по природоведению, этно-историческому краеведению, учебник «Природоведение», учебное пособие «Мир и человек» на бурятском языке для бурятских школ Усть-Ордынского округа. По заказу окружного отдела народного образования им были составлены комплексные программы по региональным учебным курсам – истории, этнографии, фольклору, топонимике, географии. За многолетний труд и педагогические заслуги в области народного образования Зимину в 1972 г. было присвоено звание «Заслуженный учитель Российской Федерации».

Состоялся Жан Александрович и как ученый. Он изучал проблемы истории, этнографии и экологии. Результаты его исследований нашли отражение в монографиях: «Аларские хондогоры» (1996), «История Аларского района» (1995), «Этнокультурные традиции Осинского края» (2001), «Природно-экологические флуктуации Приангарской лесостепи» (2002). В 2003 г., в возрасте 83 (!) лет Жан Александрович в Восточно-Сибирском институте географии СО РАН защитил кандидатскую диссертацию на тему «Природно-экологические ситуации Приангарской лесостепи». Одной из последних книг Зимина стал двухтомник «Аларь: история и современность», вышедший в 2004 г. в Улан-Удэ. Являлся членом Русского географического общества.

Жаном Александровичем собран богатый полевой материал (мифы, легенды, предания, были, рассказы, сказки, песни, загадки, благопожелания, родословные). Все научные материалы Зимина были приняты на хранение в Национальный архив Республики Бурятия. Личный архивный фонд Жана Александровича Зимина представлен также в Центре восточных рукописей и ксилографов Института Монголоведения Буддологии и Тибетологии СО РАН. Он очень гордился тем, что его многолетний собирательский труд был оценен по достоинству, что его фонд станет предметом для исследований.

Но широкому кругу читателей Жан Зимин известен, прежде всего, как детский поэт. В 1979 г. он был принят в Союз писателей СССР. Его литературное наследие насчитывает более десяти сборников детских стихотворений и пьес для детей младшего и среднего школьного возраста, опубликованных в Улан-Удэ, Иркутске. Отдельные произведения печатались в Москве, Ленинграде, Якутске, за рубежом (Монголия, Болгария). Первая его книжка «холоног» увидела свет в 1962 г. Все сборники стихов, адресованные юным читателям, изданы на бурятском языке, за исключением книжки «Кто кого греет?», вышедшей в Иркутске в 1973 г. в переводе Марка Сергеева.

Живописные, выразительные стихотворения, сказки, небольшие поэмы Зимина о волшебстве природы, о домашних и диких животных покоряют не одно поколение ребят. В творческой манере Жана Зимина, как отмечали исследователи и критики, преобладающее место занимают дидактические назидания и поучения. Это и понятно, ведь он всю свою жизнь посвятил воспитанию подрастающего поколения.

Ж.А. Зимин известен и как драматург. Отдельными изданиями выпущены две пьесы в Москве – «Черный-черный белый лебедь» и «Байкальская легенда». Пьесы Ж.Зимина поставлены в профессиональных театрах Улан-Удэ: «Половодье Хужарты» и «Летний буран» на сцене Бурятского театра драмы им. Х. Намсараева, «Волшебная трость» и «Камень-птица» – Республиканского театра кукол, «Черный-черный белый лебедь» – в Читинском детском театре.

За заслуги перед своей малой родиной, за его неутомимый труд в деле просветительства и изучения родного края, в селе Аляты Аларского района названа улица в честь знаменитого земляка. А в августе 2002 г. Ж. А. Зимину было присвоено звание «Почетный гражданин Аларского района».

Изучением жизни и творчества Ж.Зимина занимались в свое время доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Бурятия Людмила Владимировна Шулунова-Баирова [1]. Кандидат филологических наук, научный сотрудник Института монголоведения буддологии и тибетологии СО РАН Жапов Виктор Дармабазарович проанализировал творчество Жана Зимина для детей на международной научной конференции «Мир Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2002 г.) [3]. В «Вестнике Восточно-Сибирского государственного института культуры» опубликован доклад кандидата исторических наук, научного сотрудника ИМБит СО РАН Аюшеевой Марины Васильевны «Обзор бурятских родословных в личном архивном фонде Ж.А. Зимина» [2]. И, конечно же, о нем писали на страницах местной периодической печати земляки, ученики Жана Зимина.

Основной причиной того, что Усть-Ордынской Национальной библиотекой было принято решение о переиздании произведений Жана Зимина для детей, стали результаты мониторинга фондов библиотек округа, показавшие, что большая часть имеющихся в их составе книг Зимина пришла в негодность, в связи с полным физическим износом, и была вынужденно списана. И это не удивительно, так как это были книжки небольшого объема, в 15–60 стр., в мягких обложках, изданные 40–60 лет, тиражом, как правило, не более 1000 экз. А новые книги не поступали, так как не издавались.

Тем не менее спрос на произведения Ж. Зимина существует, более того, он постоянно растет. В последние годы в школах и дошкольных об-

разовательных учреждениях нашего округа началось активное изучение бурятского языка, в программы школьного образования включен национально-региональный компонент, в том числе изучение литературного творчества местных поэтов и писателей. Жан Александрович Зимин являлся одним из немногих поэтов, писавших именно для детей и именно на бурятском языке.

Следует отметить, что проблема касается творчества не только Жана Александровича, но и в целом литературы на бурятском языке, и прежде всего, сочинений местных авторов. Усть-Ордынский Бурятский округ не был обделен самобытными и талантливыми поэтами и писателями и поэтами. Среди его уроженцев: Аполлон Тороев, Аполлон Шадаев, Данри Хилтухин, Ким Ильин, Матвей Осодоев. Но в библиотеках округа мало или почти нет их книг, и, соответственно, мы не можем в полной мере удовлетворить потребность населения в чтении книг местных авторов. Выход из ситуации видится в активной оцифровке имеющихся в фондах изданий и дальнейшем распространении среди библиотек, а также, если есть возможность, в переиздании.

И мы очень рады, что нам удалось реализовать подобный проект и подготовить к изданию и выпустить книгу стихов Жана Зимина. Выпуск книги планировался еще в 2020 г., к 100-летию юбилею поэта, но был задержан по ряду объективных причин. Однако книгу все-таки удалось напечатать. Объем издания составил 160 страниц, в него вошли 125 стихотворений для детей младшего и среднего школьного возраста и 6 поэм, вышедших ранее отдельными изданиями, а также произведения Жана Зимина, опубликованные в различных детских журналах и сборниках, в местной периодической печати. В книге три раздела: «Стихотворения на бурятском языке», «Стихи Жана Зимина в переводе Марка Сергеева» (на русском языке) и «Поэмы». В большом разделе «Стихотворения» материал расположили по тематическим группам: это стихи о природе и природных явлениях, животных, птицах и насекомых; об обучении в школе и обо всем, что с этим связано; о воспитании в семье и стихи на разные темы. Книга составлена автором настоящей статьи Л.Т. Хамируевой при участии сотрудника библиотеки Н.С. Хушкеевой, проиллюстрирована она также сотрудником нашей библиотеки – Т.В. Александровой.

Библиотека выражает благодарность Игорю Жановичу Зимину, сыну Жана Александровича Зимина, который сейчас проживает в пос. Агинское Агинского Бурятского округа, за помощь и содействие. Он с большой радостью отреагировал на нашу инициативу об издании, дал нам согласие на переиздание, а также предоставил ксерокопии детских книг, которых у нас не было.

Все книги (тираж составил 350 экз.) поступят в библиотеки Усть-Ордынского Бурятского округа и, надеемся, станут хорошим подспорьем для

преподавателей бурятского языка и литературы. Но, главное, мы верим, что книги Жана Александровича придутся по душе юным читателям, а также их родителям!

Литература

1. *Шулунова-Баирова Л. В.* Любя свой труд и не прельщаясь славой... : (к 85-летию со дня рождения Жана Александровича Зимина) / Л.В. Шулунова-Баирова; ФГОУ ВПО Вост.-Сиб. гос. акад. культуры и искусств. Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2006. 31 с.
2. *Аюшеева М. В.* Обзор бурятских родословных в личном архивном фонде Ж. А. Зимина (1920–2012) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры: научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. Улан-Удэ: ВСГИК, 2020. № 3(15). С.73–81.
3. *Жапов В.Д.* Творчество Ж. А. Зимина для детей // Мир Центральной Азии. Т. IV. Ч.II. Языки. Фольклор. Литература : материалы междунар. науч. конф. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С.64–68.
4. *Бадмаева А. П.* Ученый, поэт, этнограф Жан Александрович Зимин // Бурятское население Иркутской области (губернии) и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа в XX веке: материалы межрегион. научно-практич. конференции. Иркутск, 2002. С.165–170.
5. *Данилова С. У.* Педагог, краевед, исследователь: [к 100-летию Ж. А. Зимина] // Аларь. 2020. 21 мая (№20). С.4

УДК 908+374.1

Жербакова Л. Э.*

Центр дополнительного образования детей

Эффективные формы организации краеведческой деятельности в условиях дополнительного образования детей

Аннотация. Статья посвящена вопросам краеведческого воспитания в учреждениях дополнительного образования на примере Усть-Ордынского Бурятского округа. Представлен опыт организации и проведения научно-практических конференций и учебных этнографических экспедиций, анализ исследовательских и проектных работ обучающихся по краеведению.

Ключевые слова: дополнительное образование, учебная экспедиция, исследовательская деятельность, краеведческая работа.

Zherbakova L.E.

Centre for Supplementary Education for Children

Effective Forms of Organising Local History Activities in Supplementary Education for Children

Abstract. The article is devoted to the issues of local history education in the institutions of supplementary education on the example of the Ust-Ordynsky Buryat District. The experience of arranging scientific-practical conferences and ethnographical expeditions, the analysis of research and project works of local history students are presented.

Keywords: supplementary education, study expedition, research activities, regional studies.

По инициативе Президента РФ В.В. Путина в Федеральный закон «Об образовании» от 31 июля 2020 г. внесены изменения по вопросам воспитания и создания в образовательной организации условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных и духовно-нравственных ценностей, формирования у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, бережного отношения к культурному наследию [1].

Лучше других отраслей знания воспитанию патриотизма, любви к родному краю, формированию общественного сознания способствует краеведение. Знание своего края, его прошлого и настоящего необходимо для непосредственного участия в его преобразовании, поскольку родной край

* **Жербакова Любовь Эниевна**, директор ГБУК ДО Иркутской области «Центр дополнительного образования детей». E-mail: cdo_ust_orda@inbox.ru

– живая, деятельная частица великого мира. Объяснить детям, почему они должны быть патриотами всегда сложно. Краеведение – это любовь к малой родине, основанная на знании и устойчивом познавательном интересе к ее истории [2].

Важной формой организации краеведческой деятельности учащихся в контексте регионализации образования выступает проектная и исследовательская деятельность, ориентированная на развитие познавательной активности, самостоятельности, любознательности, формирование интереса к научному знанию. Ее организация требует высокого уровня знаний, в первую очередь, самого педагога, хорошего владения методиками исследования и желания углубленно заниматься исследовательской деятельностью с учащимися.

Для развития и формирования проектной и исследовательской компетентности педагогов ГБУ ДО «Центр дополнительного образования детей» с 2018 г. работает по единой методической теме «Педагогическое проектирование как способ мотивации инновационной деятельности». В рамках реализации данной темы проведены семинары по изучению и внедрению проектной деятельности, семинар-практикум «Формирование проектной компетентности педагога ДО», проведен конкурс проектов среди обучающихся по направленностям. В программы педагогов внесены изменения с целью включения проектной деятельности. В результате педагог оказывается вовлеченным в учебно-исследовательскую и проектную деятельность, что позволяет ему проявить собственную инициативу, осуществить свои замыслы, достичь положительных результатов.

Одним из приоритетных направлений в организации краеведческих исследований в дополнительном образовании является **туристско-краеведческая деятельность**. Положительным опытом работы по данному направлению является **краеведческая исследовательская экспедиция «Река Мурин»**, которую организовал молодой педагог нашего Центра **Михаил Владимирович Цыренов** со своими воспитанниками. Целью экспедиции было изучение поселений, находящихся возле устья и истоков реки Мурин. Продолжительность экспедиции составила 2 дня: первый день посетили муниципальное образование Люры и близлежащую деревню Бохолдой Баяндаевского района, затем деревню Капсал Эхирит-Булагатского района.

Была проведена большая подготовительная работа: разработка маршрутного листа, определение основных векторов направления экспедиции, изучение карты местности, по которой протекает данная река. Проводником на маршруте стала глава поселения, охотно рассказавшая историю своих мест, и прежде всего, самой р. Мурин, которая когда-то имела порядка 36 истоков, а в настоящее время осталось 12 – все это объясняется антропогенным влиянием (вырубка лесов, сменой русла). Ребятам удалось побывать на трех истоках. Первый оказался загрязнен из-за переправы – по истоку

машины переезжают на другой берег, на втором истоке была расположена мельница, третий считается целебным. В этот же день ребята встретились со старожилом с. Бохолдой Хунхиновым Владимиром Кузьмичем (это была последняя встреча с ним, в 2020 г. он умер), который поделился своими воспоминаниями о селе, реке, о жизни в СССР, рассказал легенды.

На следующий день ребята отправились в деревню Капсал на слияние рек Куды и Мурин. Встретились с бывшим главой Капсала Шадриним Василием Ильичем. Василий Ильич с большим удовольствием поведал об истории своей деревни, показал, где находится устье, рассказал, как отдыхающие загрязняют реку, какую рыбу ловят, чем занимаются в деревне. А также показал местную достопримечательность – Змеиную гору. Ребята (а все они жители поселка) были поражены, увидев селения из трех – четырех домов. Они лицом к лицу столкнулись с вымирающими деревнями, и это произвело на них очень большое впечатление.

В ходе экспедиции школьники приобрели много практических знаний и умений: побывали в роли корреспондентов, изучили особенности местности, ее природные ресурсы, собрали материал для дальнейшей исследовательской работы, с которым выступили на региональном конкурсе краеведческих открытий, экспедиций и проектов «Первооткрыватель» и заняли 1 место.

Работа над проектом – другая эффективная форма краеведческой деятельности на учебных занятиях. Наиболее успешным является опыт педагога дополнительного образования детей **Мясниковой Натальи Васильевны**. В рамках своей программы Наталья Васильевна реализовала проект **«История создания храма Михаила Архангела в селе Харат»**. Дети были распределены на исследовательские группы и отправлялись в экспедицию по селу, собирали материал.

Работа велась по опросникам, в которых каждая группа формулировала вопросы, на которые планировалось получить ответы. Группа выполняла свои задания, затем вместе обсуждали источники информации (рассказы старожилів села, встречи с жителями, работу с архивными документами и интернет-ресурсами, поисковые экскурсии, анкетирование обучающихся). Педагог работал с каждой группой отдельно, консультировал их, оказывал помощь, вместе с ними участвовал в экспедициях по селу, организовывал экскурсии. С данным проектом ребята выступили на региональной краеведческой конференции «Историко-культурное наследие Сибири» и стали победителями.

Результаты учебных занятий, исследовательских экспедиций, проектной деятельности должны презентоваться на мероприятиях различного уровня: научно-практических конференциях, конкурсах исследовательских и проектных работ, этнографических чтениях. В течение учебного года нашим Центром проводятся следующие мероприятия, направленные на развитие

исследовательских навыков обучающихся через изучение традиций, обычаев и культуры народов, проживающих на территории Иркутской области: *этнографические чтения «Одна земля – одна культура»*; *научно-практическая конференция «Земля предков»*; *конкурс проектов «ПРОЕКТор будущего»*, *конкурс исследовательских работ «Люди бессмертного подвига» в рамках проекта «Память сердца»*; *Дистанционная олимпиада «Традиции и обычаи народов Сибири»*; *конкурс национальной кухни; краеведческая олимпиада «Моя малая Родина»*; *проект «Память сердца», посвященный Дню Победы; проект «История одного села».*

В конкурсных мероприятиях ежегодно участвуют более 3000 школьников Усть-Ордынского Бурятского округа и Иркутской области. Работы участников направлены на исследование местного краеведческого материала, биографий родных и близких, односельчан, учителей. Школьники в своих исследованиях пытаются найти новые данные и открыть неизвестные страницы жизни своих именитых земляков, рассмотреть вопросы влияния исторических, культурных событий и предметов на жизнь поселений и людей.

Так, в 2021 г. на этнографических чтениях была выбрана интересная тема исследовательской работы *«Телогрейка, которая столько давала тепла»* (Идеальская школа Аларский район) о самой популярной и необходимой верхней одежде сельского жителя XX века – история от начала до сегодняшних времен. Другая ученица, Приморской школы Осинского района, разобрав бабушкин сундук, проследила традиции подготовки приданого на примере бытовых предметов. Многие работы представляли традиции воспитания в бурятской семье, семейные традиции русских и украинских народов. Примечательно, что ребята чтят, изучают и продолжают следовать им и в настоящем.

В Центре дополнительного образования реализуется *бессрочный проект «История одного села»*. Уже собрано достаточно много интересного материала о селах и деревнях нашего округа: Тургеневка, Нуху-Нур, Хогот – почтово-ямская станция» (Баяндаевский район); Нарены, Омудевка, Куйта, Забитуй (Аларский район), Олонки (Боханский район), Бильчир, Русские Янгуты, Грязнушка, Ново-Ленинино (Осинский район); Гаханы (Эхирит-Булагатский район), Алтарик (Нукутский район).

Рассказывая историю своих сел, юные краеведы говорят и о людях, которые оказали значительное влияние на их развитие. Особенно показательной в этом отношении является работа *«Маслов Владимир Яковлевич, руководитель совхоза «Люрский»*, выполненная в 2017 г. ученицей Люрской школы Баяндаевского района Барбаевой Ириной. Она рассказывает о роли человека в развитии села. Директором совхоза «Люрский» Маслов Владимир Яковлевич, ранее работавший в совхозе «Ленский» Качугского района, был назначен в 1964 г., на тот момент ему было 30 лет. 22 года, до 1986 г., он руководил хозяйством и сумел превратить его из отсталого в головное

предприятие межхозяйственной кооперации в Баяндаевском районе в 1970-е гг. За 2 года кооперации хозяйство имело в обороте на откорме до 5 тысяч голов молодняка. Благодаря неустанной заботе директора Маслова в селе были построены, кроме средней школы, Дом культуры, детский сад, магазины, баня. В совхозе не было очереди на жильё: все желающие переселились в благоустроенные дома, оснащённые всеми надворными постройками. В марте 2016 г. на фасаде школы установлена мемориальная доска в честь Владимира Яковлевича Маслова, ставшего ярким примером человека-труженика, хозяина Земли, любящего ее и умеющего на ней работать. Таких людей в селах нашего округа немало и именно на их примере отношения к своему труду мы должны учить и воспитывать наших детей через исследовательскую деятельность.

Надо отметить, что написать действительно интересную исследовательскую работу по той или иной теме непросто. Участие в научно-практических конференциях требует от педагога навыков организации учебно-исследовательской работы [подробнее об ее этапах см.: 3]. При этом работа педагога и школьника тесно взаимосвязаны: успеха можно добиться только совместными усилиями.

К сожалению, многие педагоги не спешат вовлекать учащихся в исследовательскую и проектную работу. Например, несмотря на огромное воспитательное и образовательное значение, туристско-краеведческая деятельность все реже используется в образовательных организациях. В прошедшем учебном г. на территории Усть-Ордынского Бурятского округа среди 98 образовательных организаций функционировало только 38 творческих объединений по туристско-краеведческой работе (по результатам мониторинга, проведенного ГБУ ДО «Центр дополнительного образования детей», декабрь 2021 г.).

Причин такого положения много. В первую очередь, это загруженность учителей, которые сосредоточены в большей степени на подготовку к ОГЭ и ЕГЭ. Хотя, согласно ФГОС, исследовательская работа является обязательной частью подготовки выпускника, то есть обучение методологии исследований является прямой обязанностью учителей, но чаще всего это проходит формально. И это выявляет еще одну проблему – неготовность учителей к организации учебно-исследовательской деятельности учеников. Руководство научно-исследовательскими работами учащихся поддается лишь высококвалифицированному педагогу, который сам имеет навыки в проведении исследований, всю жизнь совершенствуется и стремится ко всему прогрессивному.

Решение данных проблем возможно только при систематической работе по совершенствованию организации проектно-исследовательской деятельности. Педагогу необходимо постоянно повышать уровень своего образования, стремиться к реализации индивидуального подхода к каждому

ребенку, способствовать активности родителей при подготовке к защите проектно-исследовательской работы через родительские собрания и индивидуальные беседы. Часто, к сожалению, встречаются и такие работы, которые выполнены педагогами, взяты из интернета, выполнены ранее, другими ребятами. Сегодня краеведением занимаются учителя старшего поколения, молодых практически нет. Поэтому необходимо вовлекать педагогов в учебно-исследовательскую и проектную деятельность. Но работа должна быть системной.

В современных условиях уместно рассматривать краеведческую работу как ту культурную среду (салон, «тусовка»), из которой выйдут не обязательно специалисты, но культурные общественные, политические, деловые, научные и любого другого склада деятели. Не стоит забывать, что мы пытаемся проводить научную работу с детьми, еще не определившимися в своих желаниях, способностях и склонностях. Поэтому необходимо рассматривать научную работу школьников как средство культурного воспитания будущих граждан России. Может быть, наш ученик никогда не станет ученым; может, он станет бизнесменом, чиновником, журналистом. Но, будем надеяться, он навсегда оставит в себе ту самую частичку истинного поиска.

Академик Д. С. Лихачев говорил: «Если человек не любит хотя бы изредка смотреть на старые фотографии своих родителей, не ценит память о них, оставленную в саду, который они возделывали, вещах, которые им принадлежали, значит, он не любит их. Если человек не любит старые улицы, пусть даже и плохонькие, значит, у него нет любви к своему городу. Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен к своей стране» [4, с. 177]. Главная задача системы дополнительного и школьного образования – не допустить такого безразличия среди наших детей.

Литература и источники

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 304-ФЗ О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся // Российская газета. 2020. №174 (8228), авг. [Эл. ресурс]. URL: <https://rg.ru/gazeta/rg/2020/08/07.html> (дата обращения: 18. 08. 2022)
2. Историческое краеведение и музееведение в дополнительном образовании учащихся : сб. ст. / редкол.: О. А. Казанцева (и др.). Ижевск: Изд-во Удмуртского ун-та, 2011. 81 с.
3. Волохова Е. С. Основные этапы научного исследования // Молодой ученый. 2016. № 6 (110). С. 755–757. URL: <https://moluch.ru/archive/110/26991/> (дата обращения: 12.08.2022).
4. Лихачев Д. С. Память культуры. Письмо 41 / Письма о добром и прекрасном. М. : Прогресс, 1992. 237.

**«Видим проблему – будем решать!»
Этнопроект по постановке кукольных спектаклей
по мотивам бурятских сказок**

Аннотация. В статье рассматриваются необходимые и возможные условия для сохранения и развития бурятского языка в современном языковом пространстве.
Ключевые слова: бурятский язык, языковая среда, театральные постановки.

Izykenova V. V., Ivanova S. B.
Zakuleyskaya secondary school

**“We See the Problem – We Will Solve It!”
Ethnoproject for Staging Puppet Shows Based
on Buryat Fairy Tales**

Annotation. The article discusses the necessary and possible conditions for the preservation and development of the Buryat language in the modern language space.
Keywords: Buryat language, language environment, theatrical productions.

*«Язык – душа народа. Долг каждой нации – сохранить свой язык,
долг каждого человека – серьезно и свято относиться
к своему родному языку»
К.Д. Ушинский*

Родной язык – богатство каждого народа, духовное наследие, отражение характера людей, опыт и мудрость, которую мы передаем своим детям. Почти половина ныне существующих языков в мире находится под угрозой исчезновения – и бурятский входит в их число: уже на протяжении 15 лет он входит в список исчезающих языков ЮНЕСКО. Сегодня в России проживает около 475 тысяч этнических бурят, но родным языком владеет лишь треть из них. И всё-таки говорить о полном вымирании бурятского языка не стоит: нынешнее его состояние можно охарактеризовать как сложное и требующее комплексного подхода в решении имеющихся проблем. Таким образом, задача сохранения и развития национального бурятского языка является остро актуальной. Решена она будет только при поддержке самих говорящих на нем людей. Язык должен использоваться во всех социально значимых областях – в образовании, в СМИ, в культуре, в государственных учреждениях.

* Изыкенова Валентина Викторовна, учитель бурятского языка и литературы МБОУ Закулейская СОШ; Иванова Саяна Болотовна, педагог – библиотекарь МБОУ Закулейская СОШ E-mail: ivanova.sajana68@gmail.com

И, главное, язык должен высоко цениться теми, кто говорит на нем. Родной язык и литература, будучи самостоятельными учебными дисциплинами, играют огромную роль в обучении и воспитании, формировании духовно богатой и гармонично развитой личности с высокой нравственностью и активной гражданской позицией.

Нами было проведено исследование уровня владения родным бурятским языком среди учеников Закулейской средней школы. Получены следующие результаты: хорошо владеют языком 5%, плохо – 45%, не владеют совсем – 50%. Практика показывает, что чем младше дети, тем больше они имеют желание изучать родной язык. Наименьший процент владеющих родным языком среди активного взрослого населения, граждан в возрасте 35–45 лет. Если родители не говорят по-бурятски, то и образовательные усилия оказываются недостаточно эффективными: дети в детских садах и школах изучают бурятский, но не могут применить свои знания на практике – в семье, в живом общении со своими родителями, хотя именно семейное и бытовое общение на языке является кратчайшим путем к свободному им овладению и формированию национального языкового самосознания.

Основная причина таких показателей – меняющаяся языковая среда, которую формирует в том числе телевидение и интернет. Специалисты считают, что первую скрипку в сохранении родного языка должна играть культура: кино, театр, литература. Развитие бурятского языка непосредственно связано с сохранением и развитием традиций и обычаев, устного народного творчества бурятского народа как одной из ключевых точек опоры и сохранения языка.

Как же можно противостоять такому «вымиранию»? Наша школа, как образовательная организация, создает условия для развития и поддержки бурятского языка как национального языка бурятского народа. В настоящее время в школе 100 % учащихся изучают бурятский как родной. Проводится большая работа, применяются различные формы образовательной, культурно-досуговой деятельности, направленные на популяризацию, сохранение и развитие бурятского языка: внеклассные мероприятия; пятиминутки на переменах; кружок «Бурятская юрта»; олимпиады по бурятскому языку; месячник бурятского языка; проектная деятельность; конкурсы; праздник Сагаалган; оформление стендов в национальном стиле, названия кабинетов на трёх языках (русский, бурятский, английский).

Классическим методом обучения языку является театр, и в прошлом учебном году мы запустили большой этнопроект «**Постановка бурятских кукольных сказок**». Остановимся на нем подробнее. Руководители проекта: Изыкенова Валентина Викторовна, учитель бурятского языка, технологии; Махусаева Елена Владимировна, учитель начальных классов; Иванова Саяна Болотовна, педагог-библиотекарь.

Проектом предполагается создание кукольного театра на бурятском языке – открытого образовательного и игрового пространства, укомплектованного литературой и оборудованием. По характеру деятельности – это интегрированный, социальный проект, направленный на сохранение и развитие культуры, традиций, языка бурятского народа, народных промыслов, декоративно-прикладного искусства, сохранение национальной и культурной идентичности и на приобщение подрастающего поколения к культуре, народному творчеству. Основная гипотеза заключается в том, что театральные постановки на бурятском языке позволяют значительно улучшить возможность изучения национальной культуры и языка, способствуют сохранению, развитию и популяризации родного языка; в процессе игры в кукольном театре у ребят происходит непроизвольное формирование речевых навыков; в атмосфере творчества и дружеской партнерской обстановки раскрываются творческие и коммуникативные способности личности ребенка.

Проект разработан на основе следующих нормативных документов: Конвенция о правах ребенка; Конституция Российской Федерации; Федеральный закон от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации»; Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации»; Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666; Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ. Его длительность была рассчитана на один год.

На подготовительном этапе предполагалась организация рабочей группы и подбор литературного материала для постановок. В качестве такового были избраны *отрывок из эпоса «Абай Гэсэр» П.М. Тушемилова и легенда «Хун шубуунда шутэдэг заншал»* (Обычаи и традиции поклонения тотему Лебедь). Основной этап – это разработка и изготовление кукол, декораций, распределение ролей, проведение репетиций. Декорации должны создавать картину быта и природы, костюмы – отражать все особенности, вплоть до деталей, национального костюма. Необходима была и разработка методического обеспечения – методов и форм внедрения традиций народной культуры в современную общественную жизнь. Формы работы: участие обучающихся в фестивалях, выставках, конкурсах, проведение традиционных народных праздников, фольклорных вечеров. Основными целевыми группами, на которые был направлен проект: учащиеся Закулейской СОШ и Бурят-Мельхитуйской НОШ. Заключительный этап – показ кукольного спектакля, защита проекта.

Реализация данного проекта послужила базой для дальнейшего изучения бурятского языка, стимулировала детей к общению на родном бурятском языке, способствовала развитию коммуникативных умений в процессе

говорения, аудирования, чтения; обогатился лексический запас детей, произошло их приобщение к культуре и традициям бурятского народа. И главное, появился интерес к общению на родном языке. Также немаловажный результат принёс творческий аспект проекта: у детей закрепилось желание создавать, проявился интерес к образному слову, укрепились нравственные понятия и положительная эмоциональная сфера.

С проектом «Постановка бурятских сказок в кукольном театре» (отрывок из эпоса «Абай Гэсэр» П.М. Тушемилова) мы приняли участие во Всероссийском конкурсе молодежных проектов «Видим проблему – можем решить!»

В заключении хотелось бы сказать, что, несмотря на трудности, на языковую проблему мы смотрим в целом оптимистично. По сравнению с предыдущими годами ситуация значительно улучшилась. Бурятский язык сегодня преподаётся, молодые родители стремятся к обучению ему своих детей. Родной язык начал возвращаться на улицы села, в быт. При совместной работе учителей, родителей, детей, общественности над программой по его сохранению можно получить хороший результат.

Литература:

1. Эпос «Абай Гэсэр» П. М. Тушемилова / научная запись Т.М.Болдоновой. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2000.
2. Легенда «Хун шубуунда шүтэдэг заншал» [Эл. ресурс]. URL: [http: Хун шубуунда шүтэдэг заншал - Soyol.ru](http://Хун_шубуунда_шүтэдэг_заншал_-_Soyol.ru)

УДК 027.52+794(571.54)

Куриленко И. А.*

Культурно-досуговый центр муниципального образования «Оса»

Бурятская национальная игра «Шагай наадан»: сохранение традиции в современных условиях (на примере работы Лузгиновской сельской библиотеки)

Аннотация. В статье рассказывается об истории национальной бурятской игры в кости «Шагай наадан», внесенной в список нематериального наследия ЮНЕСКО и о мерах ее поддержки и популяризации в современных условиях на примере работы с детьми и подростками Осинского района Усть-Ордынского Бурятского округа в Лузгиновской сельской библиотеке.

Ключевые слова: буряты, национальные игры, традиции, «Шагай наадан»; библиотечная деятельность.

* **Куриленко Инга Александровна**, заведующая Лузгиновской сельской библиотекой МУК «Культурно-досуговый центр муниципального образования «Оса»». E-mail: biblioteka2011@list.ru

The Buryat National Game “Shagai Naadan”: Preserving Tradition in Modern Conditions (on the Example of the Luzgina Rural Library)

Abstract. The article tells about the history of the Buryat national dice game “Shagai Naadan”, inscribed in the UNESCO Intangible Heritage List, and about measures to support and promote it in modern conditions by the example of working with children and teenagers of the Osinsky district of the Ust-Ordynsky Buryat Area in the Luzgina rural library.

Keywords: Buryats, national games, traditions, “Shagai Naadan”; library activity.

Национальная бурятская игра «Шагай наадан» входит в список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО. И это не просто народная забава – это целый пласт культуры, за которым стоит давняя история.

«Шагай наадан» в переводе означает «бараньи кости» (лодыжки). Лодыжки – специально обработанные кости надкопытных суставов овечьих ног. О том, как возникла игра, практически ничего не известно. Одним из первых ее упоминаний считается эпизод, рассказывающий об игре в кости монгольских детей, который зафиксирован в письменном памятнике XIII в. «Сокровенное сказание монголов». Но историки предполагают, что кочевые племена знали эту игру гораздо ранее XIII в. [1; 2] Упоминания об игре в «шагай» встречаются и в произведениях устного народного творчества (эпосе, улигерах, сказках) самих бурят, но это источники более позднего времени – XVIII–XIX вв. [3]

Игра «Шагай наадан» имеет особое значение: она является не только символом жизни и плодородия, но и символом основного занятия кочевников – скотоводства. Кости, которые используются в игре, обозначают 5 видов животных – 5 драгоценностей кочевников, в том числе и бурят: хонин (овца), ямаан (коза), ухэр (корова), морин (лошадь), тэмээн (верблюд).

Различают их по тому, какой стороной кость падает на горизонтальную поверхность, будучи подброшенной в процессе игры:

1. «хонхо» (выемкой), упавший вогнутой стороной вверх – коза;
2. «бухе» (горбатый), упавший выпуклой стороной вверх – овца;
3. «морин» (конь), упавший на бок ровной стороной, ребром – лошадь;
4. «ухэр» (крупный скот), упавший на бок резной стороной – бык или корова;
5. «тэмээн»: кости, оказавшиеся в сидячем положении, встали на «дыбы» – это верблюд.

В старину в бедных семьях практически не было игрушек, поэтому игры в «шагай» стали самыми доступными для детей. В каждой юрте собирали бараньи кости, раскрашивали их, складывали в кожаный мешочек и хранили для детских игр. Нужно отметить, что бараньи косточки, или «шагай», очень

удобны в обращении, прочны, гигиеничны (можно подвергать санитарной обработке), легко запоминаются, эстетичны (можно раскрасить в разные цвета) и совершенно безопасны, потому что исключают травмы. Яркие «шагай» давали детям ещё с колыбели – их связывали между собой в виде погремушек.

Дети постарше (4–7 лет) знакомились на примере игры с деятельностью взрослых: кости могли стать воображаемым стадом, а дети представляли себя в роли пастухов и чабанов. Играя в «шагай», дети учились считать, ориентироваться в пространстве, развивали сообразительность, реакцию, память, логическое мышление и сенсорные способности [5]. Играть можно было индивидуально и в команде, командная игра воспитывала доброту, дружелюбие, уважение друг к другу и в то же время целеустремленность, волю к победе.

В «Шагай наадан» играли не только дети, но и целые семьи; их дарили тем, кто отправлялся в дальний путь, при этом косточки подавались выпуклой (овечьей) стороной вверх: считалось, это принесёт успех во всём.

Традиционная игра никогда не уходила из быта бурят, но в настоящее время происходит ее активное возрождение. В Бурятии и на территории Усть-Ордынского округа все чаще проводятся турниры по «Шагай наадан» различного уровня, издается специальная литература, во многих школах, библиотеках и сельских клубах можно найти наборы для игры в кости. Возрождение игры справедливо рассматривается как эффективное средство сохранения национальной культуры и языка.

Большое внимание «Шагай наадан» уделяется и в Осинском районе, во многом благодаря усилиям Николая Матвеевича Хамгушкеева⁵ – подлинного энтузиаста игры и одного из пионеров ее современного возрождения, автора специальных научно-методических работ [4; 5].

Много в этом направлении работает и коллектив МКУК «Межпоселенческая библиотека имени В.К. Петонова», распространяя информацию об игре среди библиотек и других учреждений культуры и образования Осинского района. В 2019 г. библиотекой был организован окружной турнир по игре в «Шагай наадан» и мастер-класс для гостей из разных районов Усть-Ордынского Бурятского округа и Иркутской области в целом. Специалисты библиотеки также выезжают с мастер-классами в районы, посетили они и нашу, Лузгиновскую библиотеку. В результате игра, с которой автор настоящей статьи ранее не была знакома, очень заинтересовала, были приобретены кости – и уже весной 2019 г. был организован кружок «Шагай наадан», который уже более трех лет действует на постоянной основе: члены кружка собираются два раза в неделю, кружок посещают ребята разных возрастов, со 2-го по 9 классы. Игры проводятся не только в библиотеке, но

⁵ Николай Матвеевич Хамгушкеев – ветеран народного образования, его педагогический стаж – 50 лет, имеет награды «Отличник народного просвещения», «Отличник физической культуры и спорта», «За заслуги в спорте», медаль ордена «За заслуги перед Отечеством 2 степени».

в школе и в Доме культуры. На мастер-классы приезжают дети из других населенных пунктов.

Еще в 2019 г., на турнире, организованном Библиотекой им. В.К. Петонова, наш игрок Высоцкий Артём занял 3 место в категории игры «Шагай шуурэлгэ». С каждым годом мастерство растёт, и наши ребята уже регулярно занимают призовые места на турнирах разного уровня. Следует отметить, что перед турниром ребята тренируются каждый день по три – четыре часа. Определились и лидеры, среди них: Высоцкий Артём, Нигматулина Алёна, Ильясов Владимир, Ильясов Валерий. Принимает участие в соревнованиях и автор настоящей статьи. В 2021 г. на районном турнире Высоцкий Артём занял 1 место в категории «Шагай шуурэлгэ», Нигматулина Алёна также 1 место в категории «Няһалалга», Ильясов Владимир – 2-е место в «Табан яһан». С 2021 г. игра входит в общекомандный зачёт на летнем культурно-спортивном празднике Сур Харбан. В 2021 г. члены нашего кружка вошли в команду МО «Оса» (Высоцкий Артём, Нигматулина Алёна, Куриленко Инга), заняли 1 общекомандное место и выиграли главный приз – барана. В феврале 2022 г. мы приняли участие в областном турнире, посвящённом бурятскому празднику Сагаалган, в п. Усть-Ордынский, на котором Высоцкий Артём занял 2 место. В июне 2022 г. заняли 1 общекомандное место на районном КСП Сур Харбан. В команде играли Высоцкий Артём, Нигматулина Алёна, Куриленко Инга. Затем защищали честь Осинского района на областном Сур Харбане и заняли там 2-е общекомандное место. Наша мечта – принять участие в турнирах более высокого уровня.

Продвижение игры осуществляется не только за счет работы кружка и участия его постоянных членов в соревнованиях, проводится и информационная работа среди населения. Для этого, в частности, были разработаны и распространяются буклеты с общими сведениями об игре и подробной инструкцией к ее разновидностям. Членами кружка регулярно проводятся беседы и мастер-классы. В дальнейших планах Лузгиновской библиотеки – продолжение работы с этим видом игры не только среди детей и подростков, но и взрослых, а также людей старшего поколения.

Литература

1. *Аюшева Ц. М-Б.* «Шагай наадан». Улан-Удэ: Республиканская типография. 2019. 112с.
2. *Номтоев Ц.* «Шагай наадан». 1996. 17 с.
3. *Тугутов Н. Е.* Бурятские народные игры. Улан-Удэ: «Бэлиг», 2018.
4. *Хамгушкеев Н. М.* Традиционные бурятские игры: Шагай наадан. Оса, 2021. 15 с.
5. *Хамгушкеев Н.М.* Национальные игры в учебно-воспитательном процессе / Усть-Ордынский окружной институт повышения квалификации работников образования. Усть-Ордынский, 1998. 48 с.

**«Игрушки от Батруши»
учебно-популярное пособие для детей по краеведению, истории,
географии Усть-Ордынского Бурятского округа**

Аннотация. В статье представлен комплект учебно-методических материалов «Игрушки от Батруши», предназначенный для детей младшего и среднего школьного возраста и направленный на расширение в игровой форме знаний детей по краеведению, истории, географии Усть-Ордынского Бурятского округа и Иркутской области, а также воспитание патриотизма и любви к малой родине.

Ключевые слова: краеведение, Усть-Ордынский Бурятский округ, обучающие игры

Khankhasaeva E. K., Manzaeva A. Yu.

Ust-Orda Boarding School

**“Toys from Batrusha”: the Popular Educational Guide
for Children on Local Lore, History, Geography of Ust-Ordynsky
Buryat District**

Abstract. The article presents a set of educational and methodological materials “Toys from Batrusha” intended for children of primary and secondary school age and aimed at expanding children’s knowledge of local lore, history, geography of the Ust-Orda Buryat district and the Irkutsk region in a playful way, as well as fostering patriotism and love for the small motherland.

Keywords: local history, Ust-Ordynsky Buryat district, educational games

Играя, обучаем, воспитываем и развиваем...

Большое количество игр, которые имеют современные дети, однако, не дают им представления о малой родине, поэтому существует острая необходимость в создании таких игр, в которые можно играть всей семьей, со сверстниками, через которые ребенок сможет узнать о своей культуре, своем народе, своей Малой Родине. Подобные игры необходимы и в образовательных учреждениях: они будут полезны краеведам, географам, интересны и познавательны в любом возрасте, а также социально значимы в процессе воспитания. Красиво оформленные, игры могут служить подарком, сувениром.

* Ханхасаева Евгения Калиновна, педагог по внеурочной деятельности Усть-Ордынской гимназии-интерната; Манзаева Анастасия Юрьевна, учитель начальных классов Усть-Ордынской гимназии-интерната E-mail: manzaeva2014@yandex.ru

Учебно-популярное пособие «Игрушки от Батруши» было создано в октябре 2021 г. Автором идеи, создателем игры «Карта-пазл» является Манзаев Батор, ученик 1 «б» класса «Усть-Ордынской гимназии-интернат». С этим проектом он принял участие в VI Международном онлайн-фестивале «Найрамдал дугу» («Радуга дружбы») Министерства образования и науки Республики Бурятия и занял I место в номинации «Первые шаги в науку».

Цель пособия – патриотическое воспитание детей, организация их сотрудничества через популяризацию знаний о родном крае.

Задачи:

- воспитать у подрастающего поколения уважение и бережное отношение к истории своего народа на примере истории Усть-Ордынского Бурятского округа, 85-летие которого отмечалось в сентябре 2022 г.;
- в доступной игровой форме предложить детям познавательные игры по географии, истории, символике, краеведению;
- мотивировать к созданию развивающих настольных игр, способствующих общению, расширению кругозора, развитию моторики.

В учебно-популярное пособие входят: 1) Игра-пазл «Мой округ Усть-Ордынский»; 2) Игра «Гербы»; 3) Брошюра с краткой информацией о России, Иркутской области, Усть-Ордынском Бурятском округе.

Аннотация к играм.

Игра «Мой округ Усть-Ордынский». Цель игры – собрать карту округа. Карта-пазл состоит из 6 частей, 6 муниципальных районов Усть-Ордынского Бурятского округа (У-ОБО). В состав округа входят Аларский (районный центр п. Кутулик), Баяндаевский (п. Баяндай), Боханский (п. Бохан), Нукутский (п. Новонукутский), Осинский (с.Оса) и Эхирит-Булагатский районы. Поселок Усть-Ордынский – административный центр Усть-Ордынского Бурятского округа, центр Эхирит-Булагатского района. Есть два варианта этой игры – магнитные и деревянные пазлы.

Игра «Гербы» знакомит с геральдикой, гербами родного края. Гербом нашего государства – Российской Федерации, Республики Бурятия, Иркутской области, Агинского Бурятского округа, Усть-Ордынского Бурятского округа, а также с гербами шести районов округа, с которыми ребенок уже ознакомился в игре «Мой округ Усть-Ордынский». Двенадцатым элементом игры является официальный логотип юбилея У-ОБО. Цель игры – положить герб рядом с соответствующим названием государства, республики, округов, районов.

Работа над пособием велась по следующему плану: 1) ознакомление с географической картой Иркутской области, Усть-Ордынского Бурятского округа; 2) сбор краткой информации о РФ, Иркутской области, истории округа, его районов; 3) сбор информации о гербах Усть-Ордынского Бурятского округа и его 6 районов. В процессе была изучена литература по истории, географии, символике (геральдике) России, Иркутской области, Республики Бурятия, Агинского и Усть-Ордынского Бурятских округов [1; 2; 3].

Технологическая карта изготовления комплекта игр «Игрушки от Батруши».

I. Игра «Мой округ Усть-Ордынский» (Собери карту нашего округа): 1) изготовление карты Усть-Ордынского Бурятского округа в виде упрощенной схемы, масштабирование под формат А4 ; 2) выбор цветов для 6 сегментов пазлов; 3) изготовление карты в виде 6 пазлов, собирающихся в единую карту в двух вариантах игры (магнитная / деревянная карта); 4) распечатывание магнитной карты на принтере на специальном магнитном листе; 5) вырезание деталей магнитной карты из 6 элементов; 6) вырезание деталей деревянной карты из фанеры (электролобзик, лобзик); 7) обработка 6 деталей наждачной бумагой; 8) окрашивание 6 деревянных элементов в 6 различных цветов; 9) нанесение на пазлы местоположения районных центров: Аларский район – п. Кутулик; Баяндаевский район – п. Баяндай; Боханский район – п. Бохан; Осинский район – с. Оса; Нукутский район – п. Новонукутский; Эхирит-Булагатский район и центр округа – п. Усть-Ордынский; 10) подбор магнитной доски (А3); 11) изготовление упаковки для двух вариантов игр (коробка, кiset).

II. Игра «Гербы» (**гербы**, символика Российской Федерации, Республики Бурятия, Иркутской области, Агинского Бурятского округа, Усть-Ордынского Бурятского округа. Символика, посвященная празднованию 85-летия УОБО): 1) сбор информации по изображению гербов в Интернете на сайтах; 2) масштабирование в программе Фотошоп; 3) изготовление копий гербов на магнитной основе, печать на принтере – 7 шт.; 4) изготовление копий гербов на основе бумаги-самоклейки, печать на принтере – 12 шт.; 5) вырезание копий гербов на магнитной основе – 7 шт.; 6) наклеивание копий гербов на основу из прорезиненной бумаги для творчества 12 шт.; 7) вырезание копий гербов 12 шт.; 7) изготовление 12 карточек (5 X 5см) из картона с напечатанным текстом (Российская Федерация, Республика Бурятия, Агинский Бурятский округ, Иркутская область, Усть-Ордынский Бурятский округ, Аларский район, Баяндаевский район, Боханский район, Нукутский район, Осинский район, Эхирит-Булагатский район).

Комплект из двух игр дополняет брошюра «**Родному округу с любовью**». В ней собрана вся основная информация, которую необходимо знать детям о родном крае, Усть-Ордынском Бурятском округе Иркутской области Российской Федерации: географическое расположение, территория, население, столица, состав субъектов, состав областей и районов (Аларский район, Баяндаевский район, Боханский район, Нукутский район, Осинский район, Эхирит-Булагатский район), национальный состав, праздники. Информация о гербе и флаге, описание, время принятия символики. День рождения области, округа, района. Работа по подготовке брошюры включала такие этапы, как изучение литературы и сбор информации в Интернете, составление текстов, в том числе аннотаций к играм, редактирование, верстка, печать и тиражирование.

Игры были протестированы на учащихся начальных классов Усть-Ордынской гимназии-интерната. Анализ результатов показал, что в процессе игры многие из них впервые осознали понятие «географическая карта», а также познакомились с понятием «топонимика». Дети вспоминали названия районов, откуда родом их родители и откуда они сами приехали в Усть-Ордынский для обучения в гимназии. Было установлено, что в процессе игры школьники, особенно с третьего класса, легко усваивали информацию, названия районов округа и гербы районов, отвечали на вопросы викторины из брошюры. Интересной игра оказалась и для учащихся среднего школьного возраста. Для старшеклассников будет полезна информация из брошюры, топонимика, карты с нанесенными на них названиями сел, деревень, позднее топографическая информация.

Актуальность и востребованность нашей методической работы подтверждается ее высокой оценкой, полученной у эксперта «Инфоурока» и опубликованной на сайте методических разработок. Также пособие было отмечено Дипломом II степени регионального конкурса научно-исследовательских, методических и творческих работ «Родина у нас одна» Академии народной энциклопедии; Диплом лауреата Международной выставки инновационных достижений «НА ВИДУ»; опубликовано в электронном сборнике «Моя Отчизна» (2022)

Предложенное к рассмотрению учебно-популярное пособие допускает тиражирование. На примере игр «Мой округ Усть-Ордынский» и «Гербы», по описанному выше алгоритму, можно создать и другие игры, дополненные информацией о наших земляках, прославляющих наш край своим трудом, об этножилищах, национальных костюмах, народной кухне, народных играх и т.д. Также целесообразными представляются дальнейшие исследования на тему «Игры как способ изучения краеведческого материала».

В целом же вариантов краеведческих игр существует множество. Предложите их нашим землякам, воспитанникам детских садов, учащимся общеобразовательных школ, всем, кому интересна история народов нашей великой Родины. Расскажите о своем районе, селе, деревне, о месте, где родились вы, ваши родители, проживают ваши родные. Ведь самое главное – наша с вами любовь к родной земле.

Литература

1. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / [Дамешек Л. М., Труфанов М. П., Шапова Л. В. и др.]; Отв. ред. Л. М. Дамешек. М. : Прогресс, 1995. 542 с.
2. *Никишин В. О.* Россия. М.: Росмэн-пресс, 2013. 95 с. – (Детская энциклопедия РОСМЭН)
3. *Грудинин Г.В.* География Усть-Ордынского Бурятского автономного округа: Учеб. Пособие / Г. В. Грудинин [и др.]. Иркутск Усть-Орда: Изд-во Иркутского. гос. пед. университета, 1997. 317 с.

Формирование ценностных ориентиров у школьников в процессе изучения национальной культуры

Аннотация. В статье рассматривается влияние национальной культуры на воспитание молодых людей. Изучение этнической культуры как части традиционной культуры способствует не только её сохранению, но и развитию в современных условиях. Этим обусловлена актуальность изучения народной культуры в школе. Задача изучения и сохранения культурного наследия народа реализуется в школе через проектную деятельность обучающихся. В процессе работы над проектами формируются личностные качества школьников.

Ключевые слова: национальная культура, культурное наследие, проект, традиции, нравственные качества, ценности.

Tulokhonova M.P.

Bokhanskaya secondary school No. 1

Shaping the Value Orientations of Schoolchildren in the Study of National Culture

Abstract. The article examines the influence of national culture on the upbringing of young people. The study of ethnic culture as a part of traditional culture contributes not only to its preservation, but also to its development in modern conditions. This is the relevance of studying folk culture at school. Studying and preserving the cultural heritage of the people is realized at school through the project activities of students. The personal qualities of students are formed during the project work.

Keywords: national culture, national heritage, project work, traditions, moral qualities, ethical values.

Национальная культура оказывает огромное влияние на эстетическое, нравственное, трудовое воспитание молодых людей. Изучение этнической культуры как части традиционной культуры способствует не только её сохранению, но и развитию в современных условиях. Этим обусловлена актуальность обращения к народной культуре в школе [2, с. 17]. Задача изучения и сохранения культурного наследия бурятского народа реализуется в школе через проектную деятельность обучающихся. Цель наших проектов, посвященных культуре бурятского народа, – изучение особенностей и самобытности материальной и духовной жизни бурятского народа.

В центре внимания – быт и традиции бурят; национальная одежда и украшения; фольклор и музыкально-поэтическое творчество бурятского народа.

* Тулохонова Марина Прокопьевна учитель истории и обществознания МБОУ «Боханская СОШ №1» Боханский район. E-mail: TulokhonovaM@mail.ru

Анализируя литературу, архивные документы, беседуя с разными группами населения, мы раскрываем значимость национальных традиций бурятского народа; определяем пути сохранения его культуры; показываем деятельность различных организаций по сохранению национальных традиций.

Наиболее интересные темы для исследования, признанные актуальными экспертными советами: *«Символика бурятского орнамента»*, *«Религиозные верования западных бурят»*, *«Сагаалган – праздник света и добра»*, *«Бурятские украшения»*, *«Воспитание девочек в бурятской семье»*, *«Возвращение к истокам»*. Все проведенные исследования демонстрируют интерес молодого поколения к бурятской национальной культуре, стремление узнать её и сохранить в условиях нового тысячелетия.

Так, в ходе изучения национального орнамента, было проведено анкетирование. Его результаты: 59 участников анкетирования не смогли точно определить значение рисунка бурятского орнамента; 57 человек подтвердили свое желание узнать больше о его магическом смысле. Это говорит о том, что люди XXI в., изучающие технологии будущего, интересуются также и духовной культурой своих предков, хотят прикоснуться к истокам старины народной.

Участники анкетирования, представители разных возрастов и профессий, ответили на вопрос о том, что они делают для сохранения элементов национальной культуры в своей жизни? Приведем некоторые ответы. Богомолова Раиса Григорьевна, преподаватель детской школы искусств: *«Использую элементы бурятского орнамента на уроках прикладной композиции в детской школе искусств, для выполнения работ в технике батик (роспись по шелку). У меня есть много вещей, расписанных мною бурятским орнаментом: платки, шарфы, палантин. Также пользуюсь посудой, украшенной бурятским орнаментом»*. Протасова Ирина Николаевна, бухгалтер отдела внутренних дел: *«Используем бурятский орнамент в повседневной жизни. Также соблюдаем такую традицию бурят, как капанье»*. Баранникова Нина, обучающаяся 6 класса: *«Мы в семье соблюдаем обряды, устраиваем праздники, оставляем дары духам. Носим одежду с орнаментом. Едим национальные блюда»*.

Беседы с людьми разных профессий и возрастов показали не только желание, но и их практические действия по сохранению национальной культуры. Для сохранения самобытной культуры народа респонденты предлагают: ввести изучение бурятского языка во всех школах, усилить просветительскую работу среди населения, организовывать массовые праздники, посвященные бурятской культуре, соблюдать народные традиции в семье.

Сегодня различные организации осуществляют культурные проекты и мероприятия в сфере традиционной народной культуры, развития народного творчества, любительского искусства. Мы познакомились с деятельностью Боханской Детской школы искусств и Культурного Центра Досуга. Для сохранения и развития народного творчества в Боханском районе организу-

ются и проводятся культурные мероприятия, такие как фестивали, форумы, творческие встречи, концерты. В них принимают участие творческие коллективы и исполнители, творческая и научная интеллигенция, носители национальной культуры.

Посещение художественного отделения Детской школы искусств – одна из ступенек освоения родной культуры. Здесь через изучение творчества национальных художников и развитие творческих способностей детей прививают любовь к родному народу, уважение к памяти предков. Музыкальное отделение детской школы искусств не просто помогает ребятам освоить игру на музыкальных инструментах, но сохранить самобытность и своеобразие национальной музыки бурятского народа. Народное отделение детской школы искусств знакомит ребят с народными инструментами (такими, как чанза и хур), дает почувствовать их уникальность. Хореографические ансамбли «Алтаргана» и «Сэржэм» вот уже много лет открывают юные таланты родной Боханской земли. Осознание своей причастности к родному народу, соприкосновение разных культур, диалог между ними – значительный и весомый результат работы участников этих коллективов.

В процессе исследования темы мы убедились, что проблема сохранения народных традиций актуальна для всех жителей нашего района. Мы все вносим частичку своего труда в это большое и значимое дело. Возвращение к своим корням – духовным, обрядовым, эпическим, обогащает нас ценностями предков и помогает развивать культуру нового тысячелетия.

Кроме исследовательских, большое значение имеют практико-ориентируемые проекты, реализуемые в нашем районе. Например, по изучению технологии изготовления украшений. Его участники узнали, что для изготовления украшения для бурятской шапки понадобятся: бусы разных материалов, цвета и величин, монисты, проволока серебряная разного сечения, швензы, нитки, леска капроновая, ножницы, иголки, круглогубцы, пассатижи.

Процесс изготовления украшения состоит из нескольких этапов⁶. Изготовление украшений в наши дни остается очень актуальным. Стилизованные современные костюмы содержат элементы национальных украшений, несущих в себе определенный смысл, порой магический. И знать этот смысл необходимо не только каждому ювелиру, но и каждому из нас.

За несколько лет обучающиеся овладевают навыками исследовательской деятельности, элементами информационной грамотности, формируют

⁶ На первом этапе готовится главный элемент украшения: 1) Диск (круг) с кораллом из серебряной проволоки: берем бусину красного цвета и серебряную проволоку, вдеваем в бусину конец проволоки и обматываем ее вокруг бусины в 2 ряда, затем берем тонкую серебряную проволоку и соединяем эти 2 ряда. Эту операцию проводим несколько раз до нужного размера. Здесь используется способ обработки металла – филигрань. 2) Все остальные способы изготовления деталей украшения – это нанизывание бусин на леску, проволоку, нитки и соединение их с главным узором. 3) Затем готовое украшение пришиваем к шапке. Второй этап – изготовление способом филигрании серег. Третий – используя филигрань, нанизывание бус и монист, изготавливаем нагрудное украшение хоолобши.

культуру речи и поведения во время презентации своей работы. В старших классах можно наблюдать самостоятельную творческую деятельность школьников, интересные находки и решения в практической части исследований, развитие коммуникативных способностей обучающихся.

Результат проектной деятельности отражается в её творческом продукте. Для наших исследований такими творческими продуктами стали:

- разработка учебной программы по сохранению и развитию обрядовых традиций бурятского народа (проект «Возвращение к истокам», автор Баранникова Дарима, 2014 г.);
- освоение технологических процессов изготовления бурятских украшений для национального головного убора и женского бурятского платья (проект «Техника изготовления бурятских украшений», автор Бадминова Ира, 2018 г.);
- проведение длительной образовательной игры «Сагаалган – праздник света и добра», в которой задействованы все обучающиеся и педагоги школы;
- правила воспитания девочек в бурятской семье, составленные по результатам бесед со старожилами поселка и на примере трех поколений семьи Сахьяновых (проект «Воспитание девочек в бурятской семье», автор Сахьянова Алина, 2017 г.);
- создание презентаций и видеofilьмов, посвященных бурятской культуре (фильм «Религиозные верования западных бурят», автор Буяева Наталья, 2009 г.; фильм «Сур-Харбан – праздник силы, красоты и молодости», автор Бадминова Ирина, 2019 г.

Практическая значимость проведенной нами работы подтверждается:

- использованием учебной программы сохранения и развития обрядовых традиций бурятского народа при изучении школьного элективного курса «Культурное наследие Усть-Ордынского Бурятского округа»;
- широким использованием бурятских украшений, изготовленных автором проекта для родных и близких, в повседневной жизни;
- сохранением семейных традиций родителями и детьми.

Результаты нашей проектной деятельности широко представлены на школьных, районных, окружных, областных, всероссийских конкурсах и научно-практических конференциях, международных форумах. С 2005 г. на районных конкурсах и конференциях нами было представлено 44 исследования, из них 26 были отмечены дипломами 1 степени и 17 – дипломами 2 и 3 степеней. На окружных и областных конкурсах и конференциях победителями были признаны 7 человек, призерами – 19 человек. На всероссийских и международных конкурсах приняли заочное участие 15 обучающихся, из них 3 человека заняли призовые места, 9 человек были отмечены благодарностями оргкомитетов конкурсов.

В 2006 г. работа Варнаковой Елены «Культурное наследие Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» была признана одной из лучших и опубликована в материалах участников I межрегиональной конференции, организованной Иркутским государственным педагогическим университетом [3, с.34]. 6 работ были опубликованы в сборниках тезисов научных работ участников региональных научно-практических конференций «Шаг в будущее, Юниор!», «Шаг в будущее, Сибирь!» г. Иркутска и г. Усолье-Сибирское [5, с.129].

В 2009 г. Буяева Наталья стала лауреатом премии президента РФ по поддержке талантливой молодежи. В 2019 г. Сонголова Ольга стала лауреатом премии губернатора Иркутской области, победителем регионального конкурса «Молодежь Иркутской области в лицах». В 2021 г. Митянин Евгений стал участником очного этапа Всероссийского конкурса исследовательских работ, защищал свою работу в г. Москве.

Таким образом, результативность презентации нашей работы очень высока. Но самое главное, проектная деятельность позволяет ребятам чувствовать себя сопричастными к истории своего народа, восхищаться предками, сохранившими самобытность народной культуры. Изучение культуры своего народа особенно важно для воспитания нравственных качеств школьников, развития их духовной культуры, определения ценностных приоритетов обучающихся. Память и знание прошлого делает мир молодого человека интересным, помогает понять законы природы и осмыслить основы бытия, сделать правильный жизненный выбор. Приобщаясь к опыту многих поколений, он становится сильнее и уверенно идет по жизни.

Литература

1. *Бабуева В.Д.* Материальная и духовная культура бурят. Улан-Удэ, 2004. 228 с.
2. *Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина. 4-е изд. М.: Просвещение, 2014. 23 с.
3. Доклады и выступления участников Первой региональной научно-практической исторической конференции школьников и учителей. Иркутск: ИГПУ, 2005. 117 с.
4. Праздники и обряды как феномены этнической культуры : материалы II окружной научно-практич. конференции / ОГБУК «Усть-Ордынский национальный центр народного творчества» ; [отв. ред. В. В. Харбанова]. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2018. 127 с.
5. Тезисы научных работ участников XVI Региональной конференции «Шаг в будущее». Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2010. 224 с.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Межрегиональной научно-практической конференции «Страницы истории: события и судьбы»

5 сентября 2022 года, город Иркутск

Межрегиональная научно-практическая конференция «Страницы истории: события и судьбы», посвященная 85-летию Усть-Ордынского Бурятского округа, состоялась 5 сентября 2022 года в Иркутском государственном университете.

Организаторами конференции выступили администрация Усть-Ордынского Бурятского округа, Усть-Ордынская Национальная библиотека им. М. Н. Хангалова.

В конференции приняли участие политики, общественные деятели, этнолингвисты, представители учреждений сферы образования, науки, культуры, средств массовой информации Иркутской области и Республики Бурятия, всего 111 человек.

В ходе работы были заслушаны пленарные доклады и сообщения по секциям «Этнография и история предбайкальских бурят», «Язык, фольклор, литература и искусство предбайкальских бурят», «Усть-Ордынский Бурятский округ: актуальные краеведческие и образовательные практики», также участники конференции ознакомились с материалами выставки инновационных образовательных практик Усть-Ордынского Бурятского округа.

Отмечая важность сохранения исторического наследия народов, культурного и языкового многообразия, опыт работы по сохранению и развитию этнического многообразия на территории Усть-Ордынского Бурятского округа, учитывая возможности, предоставляемые современными информационными технологиями, участники конференции выработали следующие рекомендации.

Правительству Иркутской области, исполнительным органам государственной власти региона, муниципальным образованиям:

- продолжить работу по социально-экономическому развитию территорий Усть-Ордынского Бурятского округа в целях создания условий для сохранения этнического многообразия;
- продолжить работу по пропаганде знаний об историческом опыте добрососедства и интернационализма народов Усть-Ордынского Бурятского округа и региона в целом, вкладе уроженцев Усть-Ордынского Бурятского округа в дело укрепления авторитета и могущества Российского государства;
- продолжить работу по учебно-методическому обеспечению этнокультурной составляющей содержания образования в том числе разработке и изданию учебно-методических пособий и программ по родному (бурятскому) языку для образовательных организаций Иркутской области;

- осуществлять поддержку издания литературы на языках народов, проживающих на территории Усть-Ордынского Бурятского округа, в том числе детской;
- обеспечить продолжение взаимодействия Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края по вопросам развития кадрового потенциала учреждений образования и культуры Усть-Ордынского Бурятского округа, а также модернизации содержания и повышения эффективности преподавания бурятского языка и бурятской литературы;
- определить государственное общеобразовательное бюджетное учреждение Иркутской области «Усть-Ордынская гимназия-интернат» и муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Обу-синская средняя общеобразовательная школа-интернат им. А.И. Шадаева» в качестве базовых площадок для прохождения учебной практики студентов Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета по направлению подготовки «Бурятская филология».

Правительству Иркутской области, министерству образования Иркутской области:

- обеспечить целевую подготовку учителей бурятского языка и литературы для образовательных организаций Иркутской области;
- проработать вопрос открытия новых специальностей «Бурятский и китайский язык», «Монголоведение» на базе отделения бурятской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета;
- подготовить исправленное и дополненное переиздание книги: История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / Дамешек Л. М., Труфанов М. П., Шапова Л. В. и др.; Отв. ред. Л. М. Дамешек. М.: Прогресс : Культура, 1995. 542 с.
- совместно с научным сообществом составить и издать диалектологический словарь по языковому материалу Усть-Ордынского Бурятского округа.

Органам местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области, образовательным организациям и учреждениям культуры:

- обеспечить развитие сети школьных музеев и музеев истории сел Усть-Ордынского Бурятского округа с целью сохранения исторической памяти населения;
- продолжить интеграцию содержания урочной и внеурочной деятельности в целях достижения образовательных результатов обучения родному языку;
- содействовать внедрению цифровых технологий в процесс обучения родным языкам;
- обобщать и распространять опыт проектной деятельности муниципальных библиотек Усть-Ордынского Бурятского округа по сохранению и популяризации национальной культуры и языка.

ИФИЯМ ИГУ – место проведения конференции

**Алдаров К.Р., заместитель
председателя
Законодательного собрания
Иркутской области.
Приветствие участников**

**Торжественное открытие конференции.
Президиум**

**Прокопьев А.А., заместитель
Губернатора Иркутской области –
руководитель администрации
Усть-Ордынского Бурятского округа.
Приветствие участников**

**Шмидт А.Ф., ректор ИГУ.
Приветствие участников**

**Ташлыкова М.Б., директор ИФИЯМ ИГУ.
Приветствие участников**

**Дамешек Л.М.,
доклад на пленарном
заседании**

**Спиридонова Н.А, директор
Усть-Ордынской Национальной
библиотеки. Доклад на
пленарном заседании**

**Елаев А.А, Шаракшинова Е.К., Дамешек Л.М.,
Прокопьев А.А. на пленарном заседании**

Заседание секции Язык, фольклор, литература и искусство предбайкальских бурят

**Банаева В.А.,
участник конференции.
Секция Язык, фольклор,
литература и искусство
предбайкальских бурят**

Заседание секции Язык, фольклор, литература и искусство предбайкальских бурят

**Хантуев А.А.,
участник конференции.
Секция Этнография и история
предбайкальских бурят**

Секция Этнография и история предбайкальских бурят

Белобородова Н.М.
Доклад на секции
Этнография и история
предбайкальских бурят

Крючкова Т.А. Доклад на секции Этнография и история
предбайкальских бурят

Адухаева Д.А. Доклад на секции Актуальные краеведческие и
образовательные практики

**Прокопьев А.А.
на секционном
заседании**

**Ханхасаева Е.К. Доклад на секции
Актуальные краеведческие и образовательные
практики**

**Секция Актуальные краеведческие и образовательные
практики**

Обсуждение резолюции конференции

Слушатели конференции

Выставка Округ - территория ЭТНО в программе конференции

На выставке Округ – территория ЭТНО

СОДЕРЖАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

<i>Дамешек Л. М.</i> Россия и исторические судьбы народов Сибири XVIII – начала XX вв.: концепты, закон и практика.....	3
<i>Елаев А. А.</i> Перспективы сохранения этнокультурной самобытности бурятского народа в XXI веке в условиях трансформации Российского общества и глобальных интеграционных процессов в мире	15
<i>Харбанова В. В.</i> Меры государственной поддержки бурятского языка на территории Усть-Ордынского Бурятского округа	26
<i>Шаракишинова Е. К.</i> Вклад выпускников отделения бурятской филологии Иркутского госуниверситета в развитие Усть-Ордынского Бурятского округа	30

ИСТОРИЯ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ И УСТЬ-ОРДЫНСКОГО БУРЯТСКОГО ОКРУГА

<i>Хантуев А. А.</i> Родословная хроника «Золотого» рода Верхоленинских эхиритов после вхождения в состав Русского государства в XVII в.	37
<i>Никифоров А. Л.</i> Участие иркутских губернаторов в осуществлении инородческой политики во второй половине XVIII – начале XIX в.	47
<i>Оглезнева Г. В.</i> Особенности развития культурной среды в Западной Бурятии в конце XIX – начале XX вв.	55
<i>Кружалина А. А.</i> Миссионерские практики христианизации бурят дореволюционной России (на материалах периодической печати)	63
<i>Ометова М. Л.</i> Обзор деятельности миссионерских церковно-приходских школ Балаганского уезда Иркутской губернии в XIX – начале XX в. (священники-миссионеры, педагоги и попечители).....	70
<i>Павлова Н. Д.</i> Церкви и миссионерские станы в XIX – начале XX в. на территории современного Нукутского района	77
<i>Белобородова Н. М.</i> Этнокультурные контакты бурят Усть-Ордынского Бурятского округа с иными этническими группами в XX веке (по материалам экспедиций)	85

<i>Афиногенова О. И.</i> Петр Петров – историк и краевед села Гаханы.....	94
<i>Адухаева Д. А.</i> История Усть-Ордынского аэропорта: по материалам региональной печати и воспоминаниям жителей	99

ЭТНОГРАФИЯ, ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО БУРЯТ

<i>Миягашева С. Б.</i> Души-покровители хурдудтских шаманов.....	105
<i>Хангуева В. К.</i> Сакральные памятники древней истории Кудинской долины.....	111
<i>Банаева В. А.</i> Интерпретация этнического наследия в творчестве современных художников Усть-Ордынского Бурятского округа.....	116
<i>Тазарова Т. Б.</i> К вопросу о современном состоянии эхирит-булагатского диалекта.....	121
<i>Халхарова Л. Ц.</i> Образ города в повести П. Малакшинова «В далеком городе».....	125
<i>Баларьева Т. Б.</i> Геокультурные топосы на поэтической карте Владимира Петонова (1932–1993).....	131
<i>Хамируева Л. Т.</i> Жан Зимин. «Ухибуудтэ зорюулагданан шулэгууд ба поэмэнууд» (Стихи и поэмы для детей) : издательский проект Усть-Ордынской Национальной библиотеки им. М. Н. Хангалова	135

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В ОБРАЗОВАНИИ

<i>Жербакова Л. Э.</i> Эффективные формы организации краеведческой деятельности в условиях дополнительного образования детей	141
<i>Изыкенова В. В., Иванова С. Б.</i> «Видим проблему – будем решать!» Этнопроект по постановке кукольных спектаклей по мотивам бурятских сказок	147
<i>Куриленко И. А.</i> Бурятская национальная игра «Шагай наадан»: сохранение традиции в современных условиях (на примере работы Лузгиновской сельской библиотеки)	150

Ханхасаева Е. К., Манзаева А. Ю. «Игрушки от Батруши»: учебно-популярное пособие для детей по краеведению, истории, географии Усть-Ордынского Бурятского округа..... 154

Тулохонова М. П. Формирование ценностных ориентиров у школьников в процессе изучения национальной культуры..... 158

РЕЗОЛЮЦИЯ

Межрегиональной научно-практической конференции «Страницы истории: события и судьбы»..... 163

Научное издание

Страницы истории: события и судьбы

**материалы
межрегиональной научно-практической конференции,
посвященной 85-летию Усть-Ордынского Бурятского округа**

Редактор:

Мельникова Софья Владимировна

Ответственный за выпуск:

Спиридонова Наталья Александровна

Компьютерная верстка:

Рыбнов Константин Михайлович

Бумага офсетная. Печать RISO. Гарнитура Times New Roman

Форм. бум. 60x84 1/16. Уч.-изд. л. 10,25. Усл. печ. л. 10,75

Тираж экз. Заказ №